

63.81(2P37-6K4)
B-74

82500
578508 P

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

ВОПРОСЫ

археологии и средневековой истории
Карачаево-Черкесии

Сборник научных трудов

63.4
В-74

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

Рк 9

ВОПРОСЫ

археологии и средневековой истории
Карачаево-Черкесии

Сборник научных трудов

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКИЙ
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

БИБЛИОТЕКА
Карачаево-Черкесского обкома КПСС

63.51(2P37-6Кс1)

В74

Печатается по решению Ученого Совета Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института истории, филологии и экономики (темплан 1989 года, п. 6)

Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии: Сборник научных трудов. Черкесск, 1989—168 с.

Тематический сборник включает в себя статьи, разрабатывающие актуальные вопросы археологии Карачаево-Черкесии и прилегающих регионов. Рассматриваются проблемы средневековой истории и историографии изучения прошлого народов Карачаево-Черкесии.

Сборник предназначен для специалистов-археологов, историков, преподавателей вузов и школ, студентов.

Редакционная коллегия: **Е. П. Алексеева**, доктор исторических наук (ответ. редактор); **М. М. Бекижев**, доктор исторических наук; **Х. Х. Биджиев**, кандидат исторических наук.

Рецензенты: **В. М. Батчаев**, кандидат исторических наук;
А. Х. Нагоев, кандидат исторических наук.

578503

Вопросы археологии и средневековой истории Карачаево-Черкесии:
Сборник научных трудов •

Темплан 1989 года, п. 6

Редактор — канд. филол. наук **Шишканова А. В.**

Сдано в набор 13.02.89. Подписано в печать 18.08.89. ВУ 36172. Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,0. Бумага тип. № 2. Печать плоская. Гарнитура литературная. Заказ 017. Тираж 500 экз. Цена 2 руб. Адыгблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

© Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, 1989.

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник — второй труд сектора археологии Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Первый — «Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа» — был издан в 1988 году.

Публикуемый сборник создан, в основном, сотрудниками КЧНИИ. Открывается он статьей Х. Х. Биджиева.

В этой статье Х. Х. Биджиев публикует исследованные им археологические памятники: раннесредневековые поселения Карачаево-Черкесии (Кяфарское городище, поселения у сел. Хасаут Греческий и Красный Карачай), а также городища «Кизиловая Балка» у Армавира — Краснодарский край и у сел. Пелагиада — Ставропольский край. Памятники открыты в результате работ археологических экспедиций КЧНИИ, возглавляемых Х. Х. Биджиевым. Х. Х. Биджиев считает, что эти памятники принадлежат тюркоязычным болгарам. Но он отмечает, что в степных районах Краснодарского и Ставропольского краев им не обнаружено обломков глиняных котлов с внутренними ушками, столь характерных для болгар. Очевидно, правильнее было бы считать, что раннесредневековые поселения, исследованные Х. Х. Биджиевым в степной части Краснодарского и Ставропольского краев, принадлежат к салтовомаяцкой культуре, носителями которой были и болгары, и аланы.

Статья Х. Х. Биджиева представляет большую ценность, так как вводит в научный оборот новый, свежий материал, добытый самим автором, материал, так необходимый для дальнейшего изучения истории раннесредневекового населения края. Несомненно, представляет интерес и интерпретация памятников, предложенная Х. Х. Биджиевым.

Статья С. Я. Байчорова также является публикацией нового материала, обнаруженного самим автором и интерпретированного им.

С. Я. Байчоров был руководителем археолого-эпиграфических экспедиций КЧНИИ 1987—1988 гг. В статье дается де-

тальное описание каменных статуй, менгиров и других памятников Бийчесынского плато, а также петроглифов и рунических знаков, которые обнаружил С. Я. Байчоров в этой местности.

Связывает эти памятники С. Я. Байчоров с древними булгарами (болгарами).

В статье описываются также рисунки на камнях, находящихся в местности Юй-Орунла. Их С. Я. Байчоров считает каменными картами. Предположение это не лишено интереса, но является лишь рабочей гипотезой, не более.

Как и всякая публикация нового материала, статья С. Я. Байчорова, несомненно, будет полезна для археологов, историков, искусствоведов.

В статье Е. П. Алексеевой вопрос о северокавказско-русских связях рассматривается на археологическом материале X—XV вв. Дается сводка предметов русского происхождения этого времени, обнаруженных на Северном Кавказе — от Таманского полуострова до Чечено-Ингушетии. Подобной сводки в литературе еще не было.

Как сказано в резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС, мы должны «раскрывать истоки дружбы наших народов, активно формировать культуру межнационального общения»*.

Истоки дружбы между народами Северного Кавказа и русскими, в частности, экономические и культурные связи — зародились еще в эпоху раннего средневековья — и об этом красноречиво свидетельствует археологический материал, приведенный в статье Е. П. Алексеевой.

Статья А. А. Карданова является первой печатной работой этого молодого археолога. Она посвящена истории изучения позднесредневековых адыгских памятников, главным образом — курганных могильников. В поле зрения автора находится, в основном, территория Центрального Предкавказья. А. А. Карданов намечает четыре периода в изучении адыгских памятников. Первый период — со второй половины XIX века до Великой Октябрьской социалистической революции. Второй период — 20—40-е года XX века. Третий период — со второй половины 40-х годов до 60-х гг. Четвертый период — с 60-х годов до наших дней. Эта периодизация возражений не вызывает. Автор дает подробную характеристику трудов русских и советских ученых, занимавшихся изучением адыгских памятников XIV—XVII вв. Датировки памятников, общепринятые и предложенные А. А. Кардановым, в общем правильны. Но вряд ли пра-

* Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. М.: Изд-во политической литературы, 1988, с. 137—138.

вильно предположение автора о том, что на территории Карачаево-Черкесии могут быть курганы более ранние, чем относящиеся ко второй половине XIII в. А. А. Карданов даже допускает такую датировку, как XII в. А между тем, судя по исследованиям, которые имеются в настоящее время, адыгов в верховьях Кубани и Зеленчуков в XII в. еще не было. Правильно положение А. А. Карданова о том, что массовое переселение кабардинцев в Кабарду произошло в XIV веке.

У нас мало исследований, тем более — историографических — по позднесредневековой истории адыгов. Поэтому статья А. А. Карданова представляет определенную ценность для археологов и историков-адыговедов.

Статья В. П. Невской и Е. П. Алексеевой, так же, как и работа А. А. Карданова, историографическая. Она посвящена проблеме изучения истории народов Карачаево-Черкесии с древнейших времен и эпохи средневековья до XIX века. Анализируются труды русских и советских ученых, занимавшихся дореволюционной историей карачаевцев, черкесов, абазин, ногайцев. Особое внимание посвящено историографии изучения таких проблем, как этногенез народов Карачаево-Черкесии, генезис феодализма у них (начиная с эпохи раннего средневековья), общинные отношения и др.

Надеемся, что данная статья представит интерес как для сложившихся ученых, так и для начинающих исследователей, для которых она явится отправным пунктом в изучении истории народов КЧАО.

В настоящий сборник помещена первая часть историографического исследования В. П. Невской и Е. П. Алексеевой. Вторая часть, посвященная историографии истории Карачаево-Черкесии советского периода, будет опубликована в сборнике сектора истории КЧНИИ с соответствующей тематикой.

Публикуемый сборник предназначен в основном для специалистов-археологов, историков, этнографов. Но его с интересом прочтут все те, кто хочет пополнить свои знания о прошлом народов нашей многонациональной области.

ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ И СТЕПНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В 1985—1986 гг.

Начиная с 1974 г., экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института проводит планомерное изучение средневековых поселений Карачаево-Черкесии. В 1985—1986 гг. экспедиция провела разведки и раскопки в Карачаево-Черкесии, в Краснодарском и Ставропольском краях. Нами были обследованы памятники Карачаевского, Малокарачаевского, Зеленчукского (КЧАО), Шпаковского (Ставропольский край) и Новокубанского (Краснодарский край) районов (рис. 1).

Рис. 1. Археологические памятники где работала экспедиция: 1 — Кяфарское городище, 2 — поселение у С. Хасаут-Греческое, 3 — поселение у а. Красный Карачай, 4 — городище под г. Армавиром, 5 — городища у с. Пелагиада

Целью статьи является подведение предварительных итогов работ и скорейшее введение новых историко-археологических источников в научный оборот¹.

Кяфарское городище

На первом этапе работы основные силы экспедиции были сосредоточены на Кяфарском городище в Карачаево-Черкесии. Это диктовалось неизученностью и интенсивностью разрушения памятника. Я с 1969 года систематически посещал этот интересный археологический комплекс и удивлялся относительно хорошей сохранности различных объектов на его территории.

Вообще, как показали результаты многолетних работ, в горной части области встречается еще немало памятников хорошей сохранности. В качестве примера можно называть крепостные сооружения Амгатинского, Клевцовского, Джалан-Колского городищ и погребальные памятники Индыш-баши, Джанукку и другие. Но лучше, чем где-либо, сохранялись до последнего времени различные объекты в Кяфарском городище. Однако нынешнее состояние его свидетельствует, что памятник интенсивно разрушается. Достаточно сказать, что раньше на городище многим жилым и хозяйственным постройкам не хватало лишь верхнего перекрытия. Особенно хорошо сохранялись оборонительные сооружения и стены построек. Одной из главных причин разрушения является то, что территория городища сплошь заросла буковым лесом. Густо расположенные большие деревья и их корни активно разрушают и хозяйственные постройки, ибо многие из них растут внутри и на стенах построек. Вследствие названных обстоятельств, было решено в 1985 г. в первую очередь провести работы на этом памятнике.

Памятник располагается в 5-ти км. к югу от поселка Лесо-Кяфар Зеленчукского района КЧАО и состоит из двух частей — городища и селище. Длина городища составляет — 1260 м., максимальная ширина — 200 м. Общая площадь более 10 га. (рис. 2).

Селище расположено в долине р. Кяфар и известно в литературе под названием «Кяфарское городище». Городище занимает вершину хребта, вытянутого с севера к югу, и известно под названием «Городище Шпиль». Это единый комплекс, поэтому будет более правильно весь комплекс называть Кяфарское городище. На территории и в окрестности городища расположено несколько могильников, состоявших из дольменообразных склепов, каменных ящиков и гробниц, изучавшихся Е. Д. Фелицыным³, В. А. Кузнецовым⁴, В. И. Марковиным⁵. Городище открыто в 1952 г. экспедицией Пятигорского госпединститута под руководством П. Г. Ак-

Рис. 2. Общий вид Кяфарского городища с севера

ритаса и впервые было обследовано В. А. Кузнецовым в 1952—1953 гг.⁶ Но имеются и более ранние сведения о памятниках верховьев р. Кяфар. Так, разнообразные памятники оттуда упоминаются на карте, составленной не позже 1840-х гг.⁷ Древнее укрепление на Кяфаре отмечает в своей карте Е. Д. Фелицин⁸. О памятниках на Кяфаре писал и анонимный автор военного сборника, изданного в 1860 г. Перечисляя самые разнообразные памятники у аула Сидова, он сообщал: «Вообще в верховьях малодоступного для нас Кяфара находится множество различных статуй и фигур, высеченных на камне, и есть также большое здание, стены которого, по словам туземцев, исписаны надписями и разрисованы изображениями рыцарей, зверей, птиц и рыб»⁹. Древнюю крепость упоминает в своих мемуарах участник строительства Надеждинского укрепления на р. Кяфар Д. В. Ракович¹⁰. Как было отмечено, впервые памятник обстоятельно описал В. А. Кузнецов¹¹. Однако раскопок на городище он не вел.

В 1985 и 1988 гг. экспедицией института исследованы крепостные, жилые, хозяйственные и культовые постройки. На двух раскопах площадью 658 кв. м. изучены многокамерные постройки, заложены несколько шурфов и снят план памятника (рис. 3).

Памятник, как было отмечено, представляет собой целый

археологический комплекс, состоящий из трех частей: городища, селища и могильников (рис. 3). Городище занимает вершину хребта, ограниченного с юга, запада и востока неприступными обрывами. С западной, восточной и северной стороны он ограничен течениями рек Кяфар и Кривой. (рис. 3). Селище располагается у подножья хребта в долине р. Кяфар. Могильники находятся на вершине горы — хребта к югу от него.

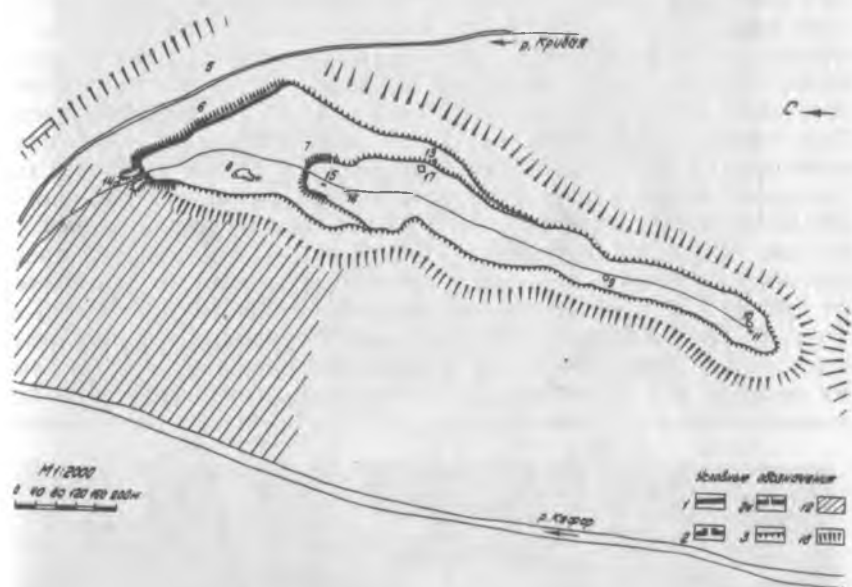

Рис. 3. План Кяфарского городища. 1 — оборонительная стена, 2, 2а — въезды в городище, 3 — обрыв, 4, 5, 6 — могильники, 7, 13, 15, 16 — разрушенные погребения, 8 — останец с лестницей, 9 — скала, 10 — главная постройка цитадели, 11 — остатки церкви, 12 — селище, 14 — плита со знаками, 17 — раскопанная постройка, 18 — граница скалы, 19 — дорога

Как было отмечено, хребет, на вершине которого расположена укрепленная часть памятника, хорошо защищен глубокими балками и крутыми склонами скал. (рис. 2). Он постепенно понижается к северу. Здесь (с северной стороны) у подножья горы-останца в долине реки Кяфар располагается селище, заросшее фруктовыми деревьями и буковым лесом (рис. 3). Вследствие легкой доступности постройки селища целиком разобраны. В лесу можно проследить только основания различных каменных построек. Камни из стен построек селища в разное время были разобраны на строительство жилых домов станицы Сторожевой.

Путь к вершине останца располагается здесь. С территории селища к городищу ведет тропа по довольно крутому склону останца. С остальных сторон в городище практически попасть нельзя. Только с северной стороны можно попасть на территорию городища. Поэтому оно с северной стороны было укреплено двойной линией крепостных стен. Первая, или внешняя оборонительная стена, прикрывает городище с северной стороны. Она тянется с востока к западу и имеет дугообразную форму (рис. 3). Общая длина ее составляет 430 м. и сооружена из рваного камня — песчаника без раствора. Стена сохранилась плохо, местами разобрана. Но и на наиболее хорошо сохранившихся участках высота стен доходит и сейчас до 1,7 м., ширина — 2,40 — 3,20 м. Выезд был сооружен ближе к западному углу стены и надежно прикрыт выступами стены и естественными преградами. Наиболее хорошо сохранилась вторая оборонительная стена, сооруженная в 300 м. к югу от первой стены. Общая протяженность стены от востока к западу составляет 135 м (рис. 3). Ширина внутренней оборонительной стены на сохранившихся участках составляет от 1,40 до 2,70 м. В высоту она сохранилась местами от 2 до 3 м. (рис. 4). Стена имеет внутренний и внешний панцири, и пространство между ними забутовано мелкими камнями. Она сооружена из рваного неотесанного камня-песчаника. (рис. 5). Но он подобран очень аккуратно и поэтому кладка осуществлена довольно

Рис. 4. Остатки оборонительной стены, отрезок № 1

квалифицированно (рис. 6,7). В нижней части во многих местах использованы в основном плиты самых различных размеров (рис. 8, 9, 10). Следует отметить как характерную деталь стены

Рис. 5. Остатки оборонительной стены, отрезок № 5

то, что наблюдается уменьшение (сужение) ширины стены к вер-
ху, т. е. внизу стена шире.

Рис. 6. Остатки оборонительной стены, отрезок № 8

Рис. 7. Остатки оборонительной стены, отрезок № 9

Рис. 8. Остатки оборонительной стены, отрезок № 11

Вторая стена, как и первая, поставлена без фундамента (рис. 11). Какие-либо нивелировочные работы перед строительством проведены не были. Строители не пытались заглубить стену или создать для нее протяженное сnivelированное ложе, они вели кладку непосредственно по рельефу. Тем не менее она сооружена довольно прочно и квалифицированно, лучшим доказательством чему является прекрасная сохранность ее до сих пор.

Въезд был сооружен в центральной части ее и прочно прикрыт выступами на стене, а также естественными преградами (рис. 3), Он особенно надежно прикрыт с западной стороны скалой, выполняющей функции бастиона. В целом оборонительные стены сооружены очень квалифицированно и надежно прикрывали городище с северной стороны. Камень для оборонительных и других сооружений добывали к северу от городища. Здесь на склоне горы хорошо сохранился древний карьер, где добывали камень, необходимый для строительных работ (рис. 3).

К югу от второй оборонительной стены располагается основная, застроенная площадь городища. Правда, постройки имеются и между первой и второй оборонительными стенами. Но большинство из них расположено к югу от второй крепостной стены. Здесь находится вершина хребта. Вся его вершина занята постройками. Они, видимо, представляют собой остатки жилых и хозяйственных сооружений. Их стены до сих пор настолько

Рис. 9. Остатки оборонительной стены, отрезок № 14

хорошо сохранились, что видны отдельные комнаты, входы и другие элементы конструкции (рис. 12). На многих участках четко прослеживаются улицы, переулки, кварталы. Постройки все сооружены из рваного песчаника без раствора и имеют различные

размеры. Есть постройки одно-, двух-, трех-, и четырехкомнатные. Некоторые постройки имеют еще больше комнат. Постройки обычно вытянуты с севера к югу или с запада к востоку. Размеры их зависят от количества комнат. Встречаются постройки с размерами 23x12; 22x12; 18x10; 15x7 м. и другие.

Рис. 10. Фасировка первой оборонительной стены, западная часть

Рис. 11. Фасировка первой оборонительной стены, восточной части

Рис. 12. Остатки постройки

Стены построек сохранились на высоту до 1—1,5 м. Толщина стен составляет 0,50—0,80 м. Вход к постройкам сооружен с различных сторон. Встречаются постройки с входом с северной, северо-восточной, западной стороны. Ширина входа колеблется от 0,50 до 0,80 м. Большинство их стандартны и составляют 0,70 м. Отдельные комнаты в постройках имеют также различные размеры: 5x4; 5x5; 4,70x8,0; 6x3 м. и т.д.

Как было сказано, стены построек сложены из рваного камня без раствора, всухую. Многие из них сложены очень грубо. Но встречаются постройки, сооруженные очень хорошо и монументально. Такие постройки преобладают в центральной части городища, ближе к южной части останца. Наиболее монументальной является постройка, состоящая из 12 комнат. Это наиболее хорошо сохранившийся комплекс на городище. Помимо этого, он отличается тем, что камни хорошо подобраны и уложены. (рис. 13).

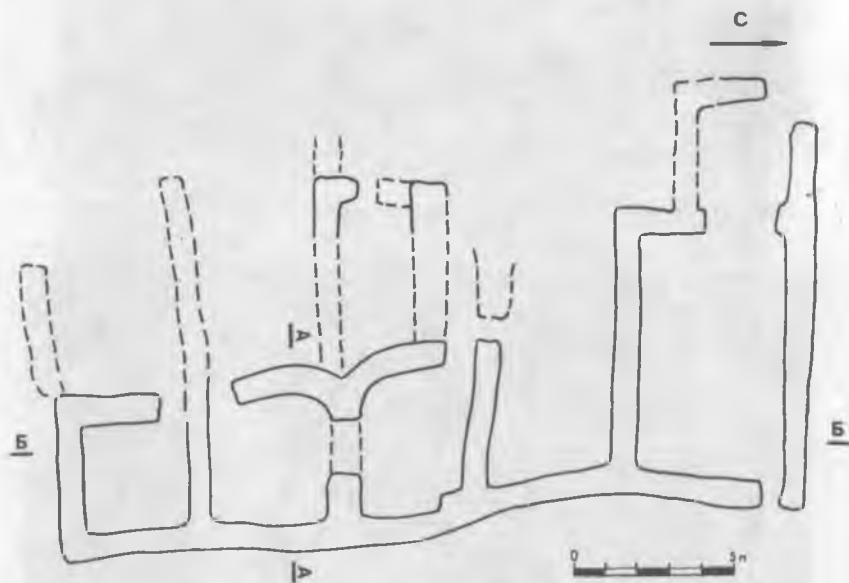

Рис. 13. План главной постройки Цитадели

Длина постройки составляет 23 м., ширина — 11,5 м., при толщине стен от 0,7 до 1,2 м. Стены постройки сохранились на высоту до 1,5 м. Постройка имеет 5 входов шириной 0,70 м. Четыре из них сооружены на Западной стене, один на северо-восточном углу постройки (рис. 13, 13 а). Она была сооружена тщательно, камни подобраны и уложены хорошо, и, вообще, постройка монументально.

ментальна по сравнению с другими (рис. 13). Видимо, описываемая постройка принадлежит не рядовому жителю поселения. Можно предположить, что постройка принадлежала представителю феодальной верхушки. В целом место, где расположен этот комплекс, было очень плотно застроено и постройки отличаются монументальностью. Здесь, видимо, находились жилища господствующей знати.

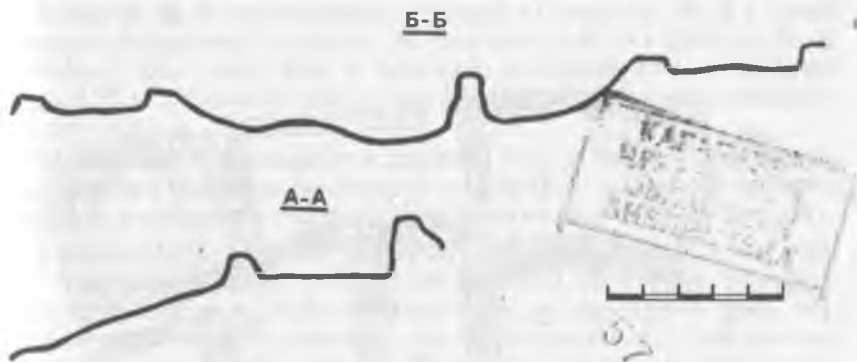

Рис. 13а. Разрезы главной постройки цитадели

Помимо того, недалеко от описанного объекта находятся остатки постройки, судя по сохранившейся части, напоминающей остатки христианской церкви (рис. 2). Следовательно, на этом участке находился и религиозный центр поселения (рис. 3).

Вторая постройка, обследованная нами, располагается в 220 м. к югу от въезда второй крепостной стены (рис. 3). Она сохранилась далеко не лучше, чем остальные постройки. И это не самый большой и монументальный комплекс. Он относится к рядовым постройкам городища. На городище имеются постройки, как уже сказали, более монументальные и хорошей сохранности. Описываемый комплекс состоит из пяти комнат. Четыре из них связаны друг с другом. Причем три из них вытянуты с востока к западу. Четвертая комната примыкает к ним с юга. Пятая комната не связана с предыдущими и располагается к востоку от комнаты № 4 (рис. 14). Длина постройки с востока на запад — 19,70 м., ширина (по центру комнаты № 4) — 10,5 м.

Стены постройки выложены из грубого рваного камня без раствора, насухо. Плиты имеют самые различные размеры: 1,20×0,6 м, 1,00×0,6 м, 0,80×0,60 м, 0,60×0,40 м, 0,40×0,40 м, 0,4×0,2 м. и т. д. В нижней части и по углам обычно использованы большие плиты, строение сооружено без фундамента. Ниж-

ние камни постройки покоятся на скале — материке. Стены ее сохранились в высоту от 0,35 до 1 м. (рис. 14). Ширина составляет от 0,40 до 0,60 м. (рис. 15).

Комната № 1, расположенная с восточной стороны постройки, имеет размеры (полезная площадь по центру) — 4,60x3,40 м. Вход сооружен на северо-западном углу (рис. 14). Основание

Рис. 14. План раскопанной постройки

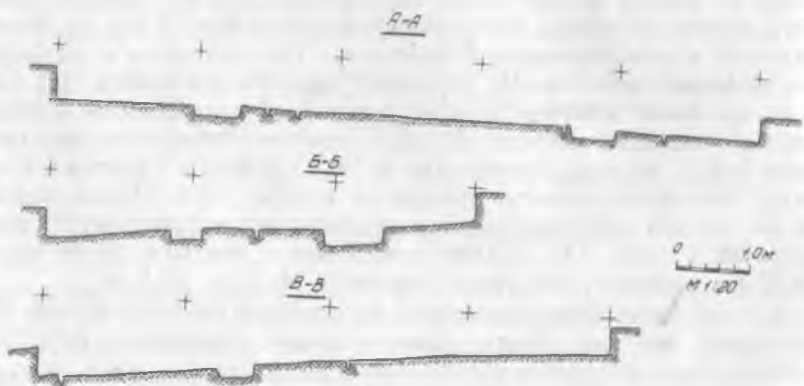

Рис. 15. Разрезы раскопанной постройки

его было уложено обработанными каменными плитами. Ширина входа составляет — 0,85 м. (рис. 14). Восточная стена комнаты (она является также восточной стеной постройки) кривая, поэтому северо-восточный угол ее не прямоугольный (рис. 14). Вторая комната расположена к западу от комнаты № 1 и имеет размеры 6,00x2,80 м., вход и в эту комнату был сооружен на северо-западном углу, с размерами 0,82 м. (рис. 14).

Комната № 3 расположена к западу от комнаты № 2 и имеет размеры (полезная площадь по центру) — 6,30 x 3,50 м. Вход в комнату был сооружен в середине северной стены. Ширина входа 0,70 м. Основание входа уложено обработанными каменными плитами.

Комната № 4 примыкает к комнате № 2 с юга и имеет размеры (полезная площадь по центру) — 5,60x2,30 м. Вход в комнату сооружен с восточной стороны. Ширина входа — 0,48 м. (рис. 14).

Комната № 5 (или постройка № 2) расположена в 3,7 м. к востоку от комнаты № 4, и к югу от комнаты № 1 (рис. 14). Размеры ее по центру — 3x2,4 м. Вход в нее не прослежен (рис. 14). В заключение следует отметить, что пол комнаты № 1 был уложен обработанными каменными плитами. Они лежали на глубине от 1,43 до 1,70 м. ст «о» репера.

Комната № 5 не соединена с другими комнатами, но не вызывает сомнения, что они все составляют одну усадьбу. Северная часть комнаты № 3 продолжена к западу и выходит за рамки постройки. Возможно, тут были какие-то собрания, но без раскопок трудно конкретно что-либо сказать.

Следует отметить, что во время расчистки постройки, в западной части, найден камень с изображением христианского креста. Других находок нет.

Одним из интереснейших объектов Кяфарского городища, на мой взгляд, является скала-останец, расположенная в 35—40 м. к западу от тропинки и в 320 м. к северо-западу от вышеописанной постройки. Останец вытянут с юга к северу и имеет фактически недоступные обрывистые края. Вершина его ровная и расширяется к югу. Длина с юга к северу (по центру) — 42 м. Максимальная ширина (по центру) — 18—19 м. (16). К вершине останца ведет лестница, высеченная на скале. Она высечена на южном склоне останца и сохранилась хорошо. Всего сохранились 15 ступенек. Их размеры: длина от 0,89 до 1,26 м. ширина — от 0,47 до 0,57 м., высота — от 0,29 до 0,31 м. На вершине останца прослеживаются остатки каменных построек, аналогичных вышеописанным. Но последние сохранились хуже, и каменные плиты разбросаны по всей площади останца. Такая плохая сохранность, по сравнению с другими постройками городища, объясня-

ется тем, что они расположены ближе к населенному пункту, и скала-останец пользуется большой популярностью среди жителей хутора Лесо-Кяфар и станицы Сторожевая. Жители соседних населенных пунктов часто посещают скалу. Особенно часто бывают

Рис. 16 План останца с лестницей. 1 — лестница, 2 — плита на каменных подножках, 3 — чашечный камень

здесь дети и подростки, которые на досуге бросают камни с высокой вершины скалы вниз, в долину реки Кяфар, взятые из стенок вышеотмеченных построек.

На самом западном краю скалы — останца лежит огромная песчаниковая плита длиной — 3,60—3,70 м., максимальной ширины — 2—2,20 м., высоты — 0,45—0,50 м. (рис. 16). Точнее, плита стоит на четырех подложенных под нее камнях (рис. 17).

К югу от нее лежит другая плита — чашечный камень, т. е. ближе к западному углу камень сверху имеет ямку, выдолбленную рукой человека (рис. 16). К югу от скалы — останца располагается другая скала, напоминающая гриб или столб высотой более 10 м. Последняя небольшая по размеру, имеет совершенно отвесные стенки и расположена в 4,7 м. от останца (рис. 16). Возможно, в древности между ними была какая-то связь (рис. 16). В целом скала-останец с отвесными стенками, на вершину которых ведет широкая лестница, огромная плита на четырех ножках и плита с круглой ямой, соседняя «скала-столб», головокружительный об-

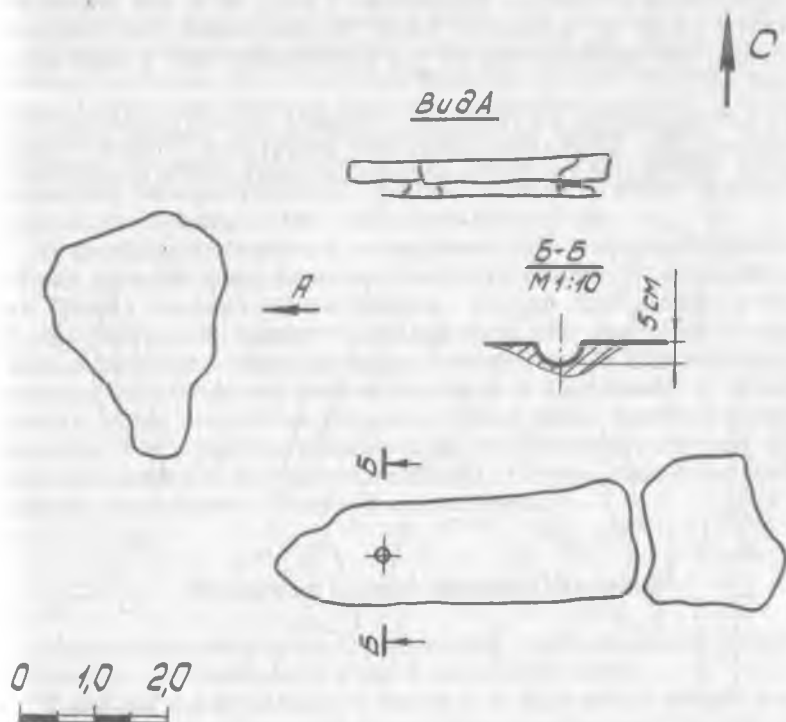

Рис. 17. Планы и виды плит

рыв с бурлящим внизу Кяфаром производят очень сильное, таинственное впечатление даже на современного посетителя. Лично у меня эти объекты (совместно с великолепно сохранившимися крепостными и жилыми постройками) при каждом новом посещении вызывают странное, порой труднообъяснимое чувство. Тянется тонкая нить в седую древность, мысленно переносишься в эпоху средневековья, насыщенную бурными событиями. Можно мысленно представить себе, какое воздействие объект производил на средневековое население, все стороны жизни которого были связаны с религиозными представлениями. Возможно, в этом месте находился какой-то культовый центр, как полагает В. А. Кузнецов¹², но без раскопок трудно сказать что-либо о них конкретнее. Стационарные раскопки на этом объекте и других участках городища могут дать в руки археологов очень ценный, и даже неожиданный материал.

Наконец, надо отметить, что в 60 м. к северу от первой оборонительной стены (от въезда) на восточной обочине тропинки лежит песчаниковая плита с размерами 1,94x1,90 м. На поверхности плиты имеются различные знаки. К сожалению, они сохранились плохо. Но большинство из них напоминает знак в виде креста (рис. 18).

Во время работы на городище никаких датирующих находок не найдено. Это затрудняет датировку памятника. Можно только отметить, что характер кладки оборонительных стен и других пост-

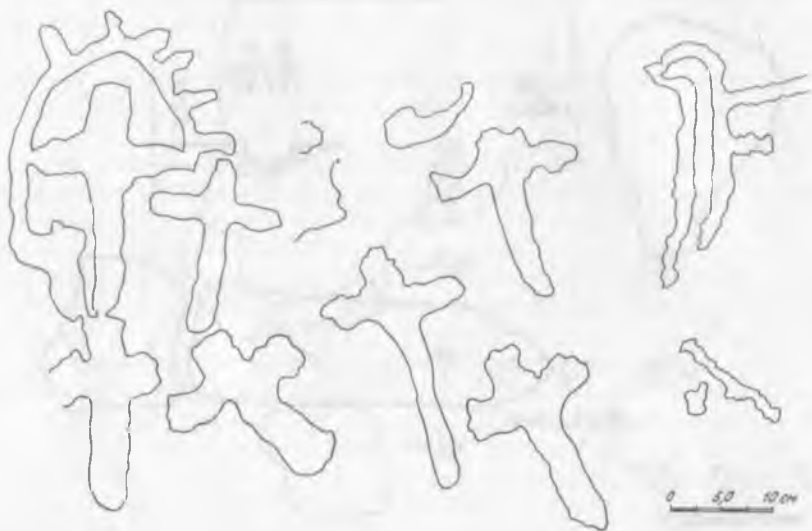

Рис. 18. Знаки на плите

роек не оставляет сомнения в том, что памятник принадлежит к раннему средневековью. Могильники, относящиеся к городищу, были специально исследованы В. А. Кузнецовым и В. И. Марковиным. В. А. Кузнецов суммарно датирует — VIII—XII вв. н. э.¹³ По мнению В. И. Марковина, дольменообразные склепы городища были сооружены в эпоху бронзы и были использованы средневековым населением в XII—XIII вв. как место захоронения знати¹⁴. Поскольку эти погребения принадлежат населению, обитавшему на городище, его ориентировочно тоже можно относить к этому времени, не исключая и XIII в.

Поселение к западу от с. Хасаут Греческий.

В 1986 г. была предпринята разведка по долине р. Аксаут. В 10 км к западу от с. Хасаут Греческий на левом берегу реки располагается поселение, отмеченное еще до революции Е. Д. Фелицыным и в 1952 г. Т. М. Минаевой¹⁵. Поселение располагается высоко на вершине горного хребта. До сих пор из-за труднодоступности места на поселении хорошо сохранились остатки различных построек. Все они сооружены из рваного камня без раствора. Среди них имеются большие постройки круглой и четырехугольной формы. Они использовались для загона скота, главным образом, мелкого рогатого скота. Имеются постройки меньших размеров четырехугольной формы. Они — остатки жилых построек. Их размеры: 4x6, 6x7 м., 6x10 м. и др.

К востоку от поселения, на вершине скалы, круто обрывающейся над берегом реки, находятся остатки башни. В настоящее время башня полностью разрушена. Только благодаря описанию Т. М. Минаевой, можно догадываться, что это остатки башни. Башня занимает очень выгодное стратегическое положение и контролирует всю долину реки и подступы к поселению. У подножия хребта, ниже поселения (ближе к руслу реки) располагается могильник. Он, судя по обнаженным погребениям, состоит из каменных ящиков и, возможно, гробниц (?) Здесь нами было доисследовано погребение с богатым инвентарем.

Поселение у аула Красный Карачай

Нами было обследовано поселение, расположенное у истоков р. Аксаут, в окрестности аула Красный Карачай.

В 2-х км к юго-западу от моста в а. Красный Карачай ущелье расширяется. Здесь располагается большая поляна. Поляна в длину (вдоль ущелья) имеет площадь более 1 км и 300—400 м в шири-

ну (между рекой и горным хребтом). В этом месте располагается большое средневековое поселение. Общая площадь его составляет около 10 га. На территории поселения сохранились остатки построек различных форм и размеров.

Среди них выделяются большие постройки для загона скота, имеющие четырехугольные и круглые формы. Есть многокамерные жилые постройки. Их более 30. Все постройки сооружены из рваного камня без раствора. Стены сохранились в некоторых постройках до 60—70 см, а в отдельных местах до 1,40 м. На территории поселения хорошо прослеживаются улицы, центральная площадь, отдельные кварталы. Для датировки памятника мы не имеем никаких материалов, но его можно отнести к эпохе средневековья. Поселения указанного типа богато представлены в горной части области.

Городище «Кизиловая Балка»

Важным объектом работы экспедиции явилось городище «Кизиловая Балка», расположенное под г. Армавиром на территории третьей бригады колхоза имени В. И. Ленина Новокубанского района Краснодарского края (рис. 19). Оно было открыто разведками Н. В. Анфимова в 1946 году¹⁶. В 1970 году памятник осмотрел также археолог А. В. Гадло, занимавшийся разведками и изучением средневековых древностей степного Предкавказья¹⁷. В последние годы городище, как и другие памятники этого района, находится под наблюдением местного археолога, сотрудника Армавирского городского краеведческого музея Н. И. Навротского.

В 1982 году экспедиция Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института провела археологические работы в окрестностях г. Армавира и одним из основных объектов работы явилось указанное городище¹⁸.

Н. В. Анфимов и А. В. Гадло рассматривают памятник как селище. Трудно объяснить, почему они этот памятник считают селищем. В действительности он представляет собой хорошо укрепленное естественными и искусственными оборонительными сооружениями довольно крупное раннесредневековое городище. Оно находится между поселком Фортштадт и станицей Прочноокопская, т. е. располагается на северной окраине г. Армавира, на высоком правом берегу Кубани и территория памятника ежегодно распахивается под посев, что приводит к разрушению и интенсивному уничтожению культурного слоя.

Территория памятника хорошо защищена естественными преградами и укреплена земляными оборонительными сооружениями.

Так, с севера он надежно защищен труднодоступной и глубокой балкой. На западе и юго-западе края памятника обрываются в долину Кубани. Памятник остается открытым с восточной стороны. С этой стороны его были сооружены глубокий ров и вал, параллельно друг к другу, длиной около 700 метров. Ров и вал, расположенные между балкой и крутым берегом Кубани, плотно закрывают путь к городищу. К сожалению, в юго-восточной части памятника оборонительные сооружения были уничтожены карьером, который функционирует и в настоящее время (рис. 19).

Наличие таких серьезных естественных и искусственных оборонительных сооружений не позволяет сомневаться в том, что мы имеем здесь городище, а не селище. Одной из причин возникновения городища надо считать выгодное географическое положение его на трассе, связывающей Северный Кавказ с Причерноморьем. Помимо этого, в Кизиловой Балке, рядом с памятником,

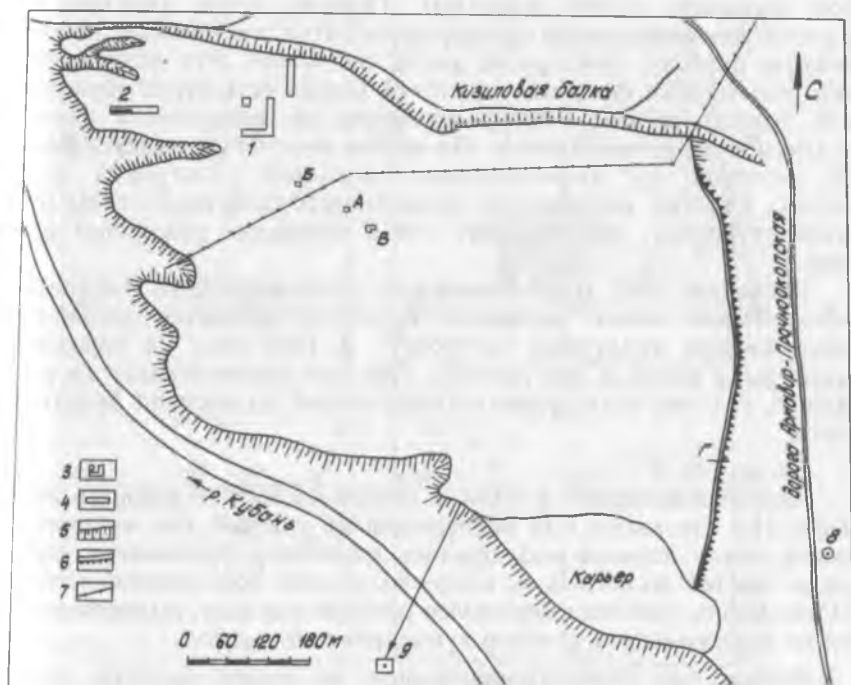

Рис. 19. План городища под Армавиром. 1, 3 — хозяйственные ямы 2 — зачистка траншей, 4 — ферма, 5 — обрыв, 6 — ров и вал, 7 — электролиния, 8 — Армавир, 9 — Прочноокопское, А — раскол-1, Б — раскол — 2, В — раскол — 3.

находился источник воды — прекрасный родник, функционирующий и в настоящее время. Наличие питьевой воды в степях — важный фактор не только для средневековья, но и для настоящего времени, ибо до сих пор в этих местах ощущается ее нехватка.

На территории распахки (распахивается основная часть территории городища) культурные отложения разрушены, плугом выброшены на поверхность и интенсивно уничтожаются. На распаханной части довольно часто встречаются скопления глиняной обмазки, керамики, костей животных. В 1946 году они еще представляли «небольшие холмообразные возвышенности», которые Н. В. Анфимов правильно принял за остатки разрушившихся построек¹⁹. После длительной распахки территории, возвышенности не так часто прослеживаются, но до сих пор остатки построек можно проследить. Главными признаками их, как отмечено, были скопления глиняной обмазки с включением золы, фрагментов керамики, костей животных. Помимо этого, участки, где расположены указанные культурные остатки, имеют более розово-темную окраску, чем другие места распахки. Это объясняется тем, что остатки турлучных построек (когда есть куски обожженной глины) плугом были выброшены на поверхность пахоты и интенсивно уничтожаются. По нашим подсчетам, имеется более 25 участков, где зафиксировано скопление культурных отложений. Участки, содержащие включения обожженной глины (обмазки турлука), представляли собой площадки различных размеров.

Раскопки 1982 года позволили установить, что скопления обожженной глины, керамики и костей являются остатками разрушенных турлучных построек²⁰. В 1985 году на городище нами были разбиты два раскопа. Оба они располагались на распахке, так как культурные остатки на ней интенсивно разрушаются.

Раскоп № 2²¹.

Раскоп был разбит в 73 м к северо-востоку от раскопа № 1 (рис. 19). Он также был расположен на участке, где на поверхности земли хорошо наблюдалось скопление фрагментов керамики, костей животных и, особенно, кусков обожженной глины. Поверхность участка имеет более розовую окраску, выделяющуюся от окружающего темного гумусированного поля.

Раскоп был строго ориентирован по линии север-юг, имел размеры 8×8 м. (64 м²). На раскопе была разбита сетка квадратов со сторонами, равными 2 м, и поверхность ее была пронивелирована от «0» репера, установленного на южном углу. Это самая высокая точка раскопа. От юга к северу раскоп постепенно

понижается. Культурные напластования имеют следующую структуру. Сверху лежит перепаханный слой толщиной от 0,22 до 0,30 м. (рис. 20). В этом слое довольно часто встречаются фрагменты кухонных горшков, красноглиняных амфор, кувшинов, пифосов. Ниже лежит тонкий не тронутый плугом культурный слой — темная супесь. Толщина его составляет в разных участках раскопа (рис. 21), от 0,18 до 0,30 м. Он насыщен фрагментами керамики. Причем они аналогичны тем фрагментам, которые были зафиксированы на верхнем — перепаханном слое. Довольно часто встречаются куски обожженной глины, кости животных. Ниже лежит материковый слой, без культурных остатков — желтая глина (рис. 22).

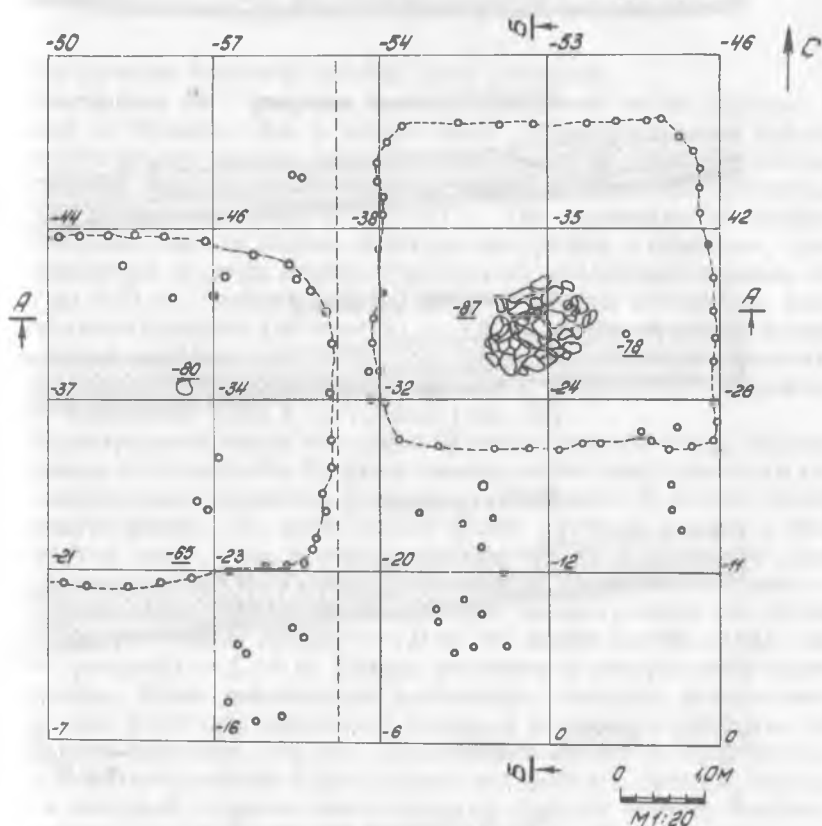

Рис. 20. План раскопа 2

восточная стена раскопа 2

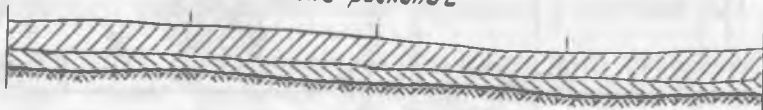
северная стена раскопа 2

западная стена раскопа 2

южная стена раскопа 2

бровка раскопа

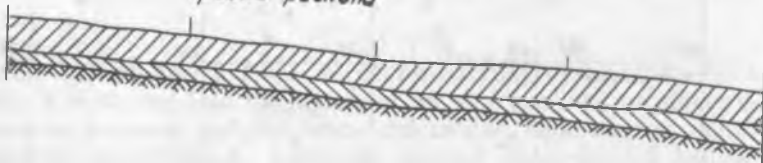

Рис. 21. Профиль стен раскопа 2

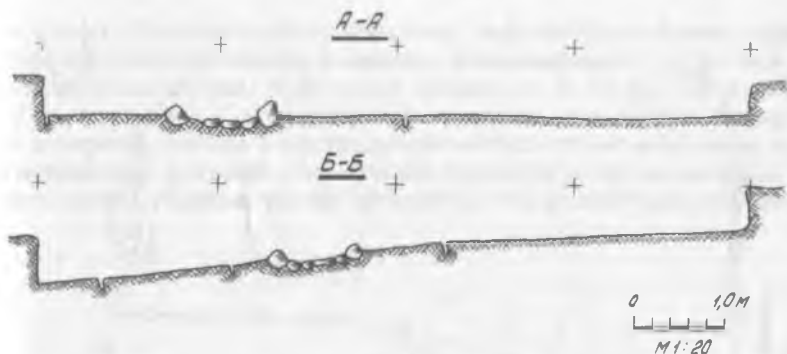

Рис. 22. Разрезы раскопа № 2

На раскопе открыты остатки двух построек.

Постройка № 1 открыта в северо-западной части раскопа, к западу от бровки. Она в плане имеет четырехугольную форму с закругленными углами (рис. 23). Пол земляной, плотно утрамбован. Имеет наклон от юго-запада к северо-западу. Пол постройки от «0» репера ниже на 0,78—0,87 с. По периметру постройки прослежены ямки от кольев. Контуры постройки, в основном, прослеживаются по этим ямкам. Размеры их различные: ширина от 0,05 до 0,10 м., глубина 0,10—0,20 м. Размеры постройки: длина по линии север-юг (по центру) — 3,90 м., по линии восток-запад (по линии разреза) — 4,06 м., т. е. постройка почти квадратная. Юго-западный угол постройки чуть-чуть расширен. Возможно, здесь находился вход в постройку (рис. 23).

В центральной части постройки (ближе к южной стене) зафиксированы остатки очага. Он представляет собой очаг открытого типа, выложенный камнями различных размеров. В плане имеет овальную форму. По краю лежат более крупные камни, и они находятся выше, чем в середине. Так, камни в середине (где углубление) лежат на глубине 0,88—0,90 м., а камни по краям — на глубине 0,65—0,69 м. от «0» репера. Диаметр очага по линии север-юг (по осевой линии) — 1,0 м., по линии восток-запад (по линии разреза) — 1,10 м. Камни, особенно в центральной части постройки, были значительно прокалены, изредка встречались и угольки. Месторасположение, форма и указанные элементы не оставляют сомнения, что это — очаг. В пользу этого говорят также и ямки, выявленные с трех сторон постройки. С южной, западной и северной стороны очага открыты ямки от кольев. Видимо, они тоже являются элементами конструкции очага, с помощью кольев подвешивали над ним котел для приготовления пищи.

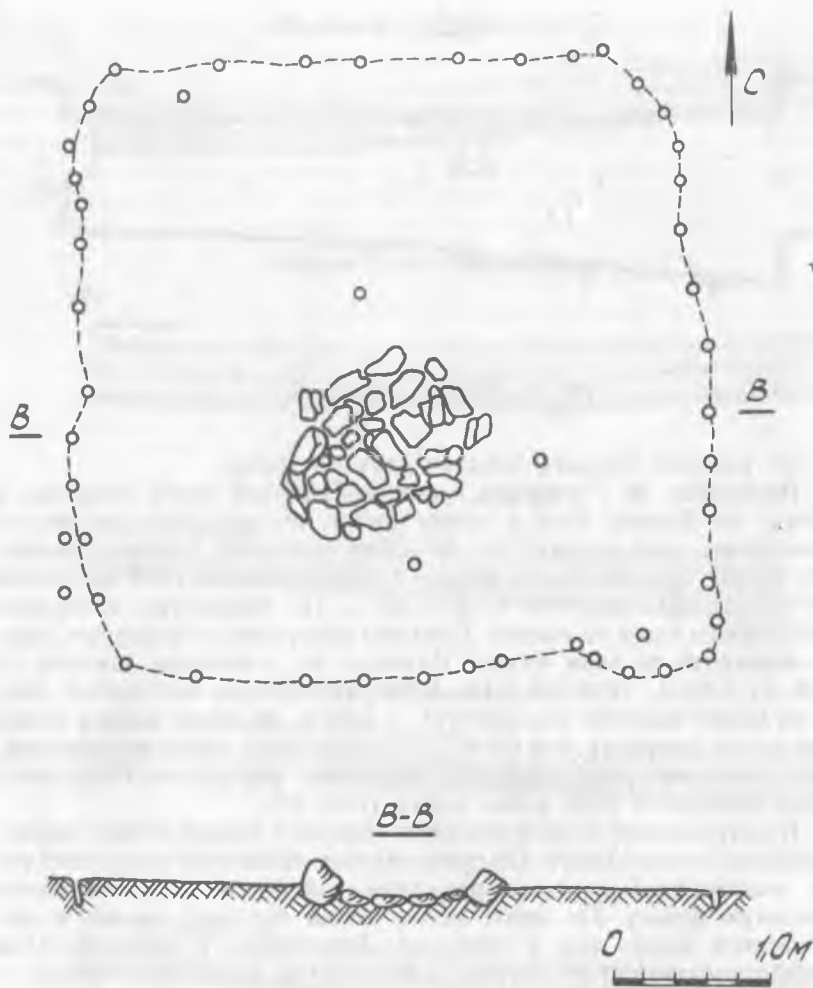

Рис. 23. Раскоп 2. План и разрез постройки № 2

Постройка № 2 открыта к востоку от первой постройки. Она по планировке очень близка к первой постройке. Отличается от первой лишь тем, что углы больше закруглены. Нами выявлены контуры постройки с трех сторон. Восточная стена не выявлена, и, видимо, она уходит под борт восточной стены раскопа, т. е. осталась за чертой раскопа. Помимо того, описываемая постройка отличается от первой тем, что внутри нее нам не удалось вы-

явить очаг. Пол постройки земляной, хорошо утрамбован, имеет небольшой наклон с юга к северу. Так, в южной части пол ее находится на глубине 0,65 м. от репера, а к северу на глубине 0,80 м. (рис. 24). Следует также отметить, что внутри постройки в северной, южной и центральной частях открыт ряд ямок, аналогичных тем, которые открыты по периметру. Их назначение не совсем ясно. Можно также отметить, что в центральной части

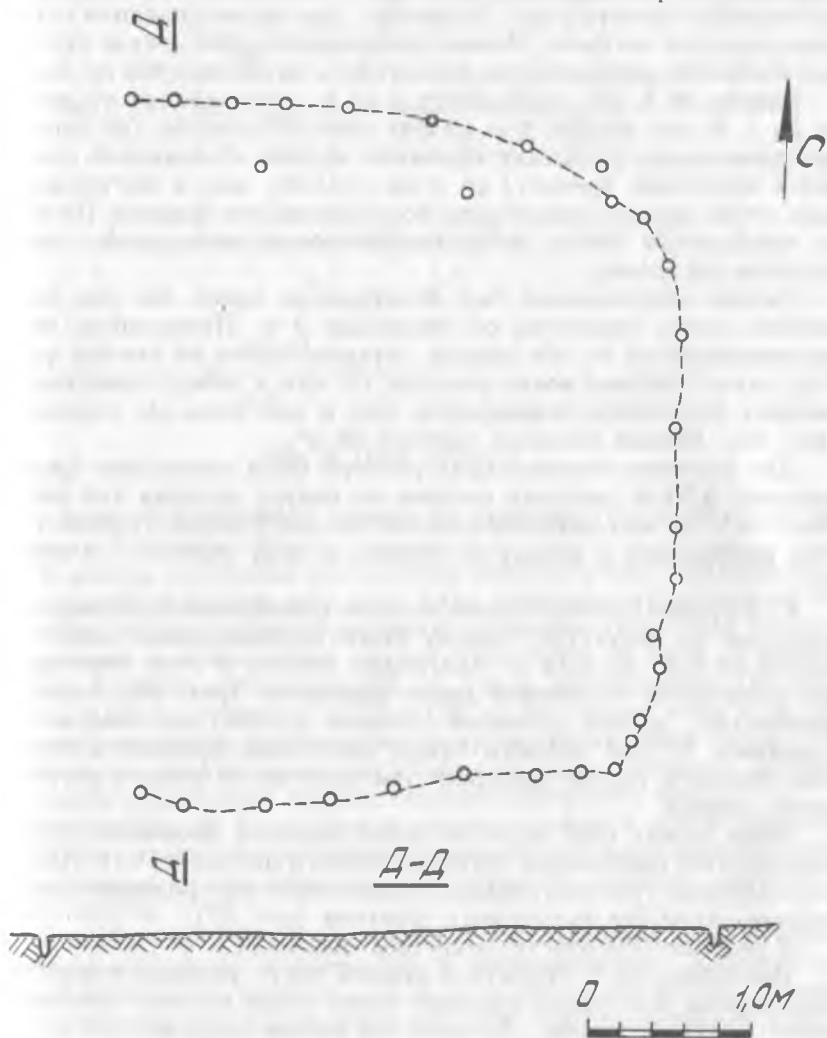

Рис. 24. Раскоп 2. План и разрез постройки № 2

зафиксирована каменная плита, имеющая небольшие размеры. Диаметр постройки по линии север-юг (по линии разреза) — 4,20 м. Ямки, прослеженные по периметру, и куски обожженной глины от обмазки позволяют рассматривать этот объект как легкую турлучную постройку.

Следует отметить, что в южной части раскопа открыто довольно много ямок, расположенных бессистемно, поэтому трудно что-либо сказать о них. Возможно, они также являются остатками каких-то построек. Можно предположить, что легкие турлучные постройки периодически обновлялись на одном и том же месте.

Раскоп № 3, он расположен в 30 м. к юго-западу от раскопа № 1. И этот раскоп был разбит нами на участки, где хорошо прослеживались скопления керамики, кусков обожженной глины, кости животных (редко), на этом участке, как и на предыдущем, грунт на поверхности имел более розоватую окраску. По опыту предыдущих работ, не вызывало сомнения наличие здесь остатков построек.

Раскоп ориентирован был по сторонам света. На нем была разбита сетка квадратов со сторонами 2 м. Поверхность была пронивелирована от «0» репера, установленного на южном углу. Это самая высокая точка раскопа. От юга к северу поверхность раскопа постепенно понижается, как и вся площадь городища (рис. 25). Общая площадь раскопа 66 м².

Для изучения стратиграфии раскопа была составлена бровка шириной 0,50 м., которая прошла по центру раскопа (по линии север-юг). Бровка разделила раскоп на два участка. Первый участок расположен к западу от бровки, второй участок — к востоку.

Культурные напластования раскопа аналогичны с предыдущим раскопом по структуре. Сверху лежит перепаханный слой толщиной от 0,20 до 0,42 м. Благодаря пахоте, в этом слое древние культурные отложения давно нарушены. (рис. 26). Большое количество кусков глиняной обмазки лежало на поверхности распашки. В слое найдены также различные фрагменты кухонной, столовой, тарной керамики. Имеются кости мелкого рогатого скота, свиньи.

Ниже лежит слой времени существования поселения, сохранившийся без разрушения. Он очень тонкий и составляет 0,10—0,22 м. на различных участках раскопа. Ниже лежит материковый слой — желтая глина без культурных остатков (рис. 27).

В раскопе открыты остатки трех построек.

Постройка № 1 открыта в южной части раскопа и контуры прослежены благодаря наличию ямок. Судя по ним, постройка имеет круглую форму. Диаметр по линии север-юг — 3 м., по линии восток-запад (по линии разреза) — 3,30 м. (рис. 28).

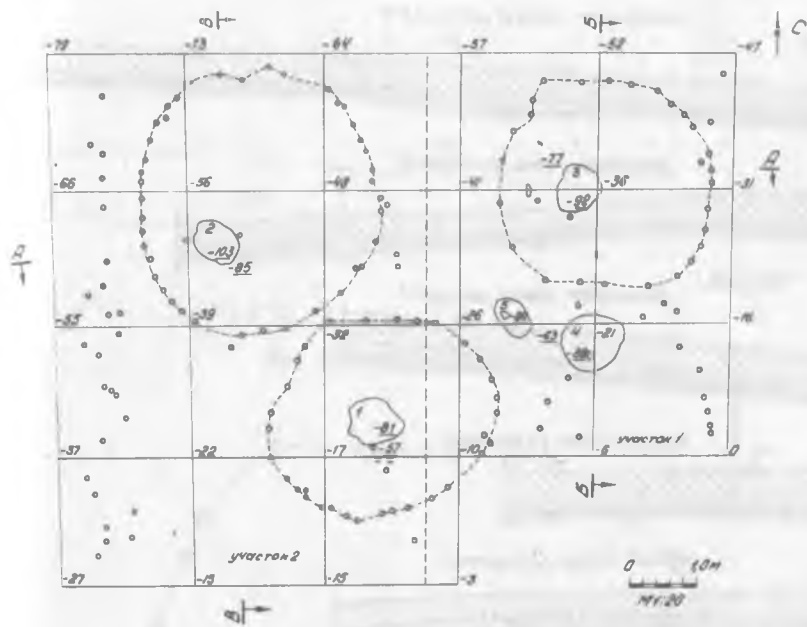

Рис. 25. План раскопа 3

Пол постройки глиняный, хорошо утрамбован. Пол ниже от «0» репера на 0,57 м.

В центре постройки прослежены остатки очага, представляющего собой овальную яму. Яма была заполнена культурными остатками, содержащими фрагменты керамики, куски угля и золы. Основание и стенки ямы сильно прокалены от огня. Размеры очага: диаметр максимальный по линии восток-запад (по верху) — 0,89 м., глубина — 0,20—0,23 м. На уровне пола и по периметру постройки зафиксированы куски обожженной глины. Помимо этого, внутри жилища найдены обломки керамики, особенно много фрагментов пифоса охристо-кирпичного цвета.

Постройка № 2 открыта в северо-восточной части раскопа. Контуры постройки прослежены по ямкам, которые расположились по периметру ее. Размеры ямок: диаметр 0,05—0,10 см., глубина — 0,10—0,15 м.

В постройке зафиксированы фрагменты горшков, амфор, куски обожженной глины (по периметру), кости животных. Диаметр постройки по линии разреза — 3,58 м. В центре постройки (ближе к юго-восточному углу) выявлен очаг, представляющий собой небольшое углубление.

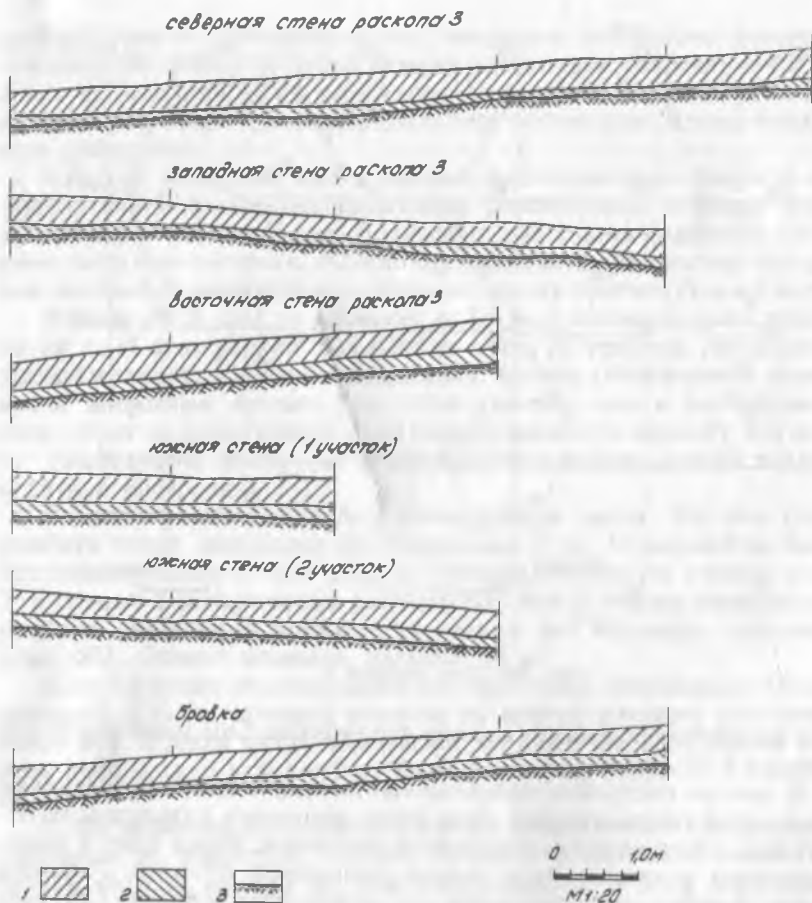

Рис. 26. Профиль стен раскопа № 3

Диаметр очага по линии восток-запад (по линии разреза) — 0,60 м., глубина — 0,18 м. Абсолютная глубина основания очага — 1,03 м. (рис. 29). С восточной и западной сторон очага открыты две ямки от кольев.

В заполнении очага найдены куски керамики, угли, зола, куски обожженной от обмазки глины.

Постройка № 3 открыта к западу от постройки № 2. Она аналогична предыдущей постройке. Ее контуры прослеживаются благодаря ямкам, расположенным по периметру ее. В плане постройка имеет круглую форму. Диаметр постройки по линии

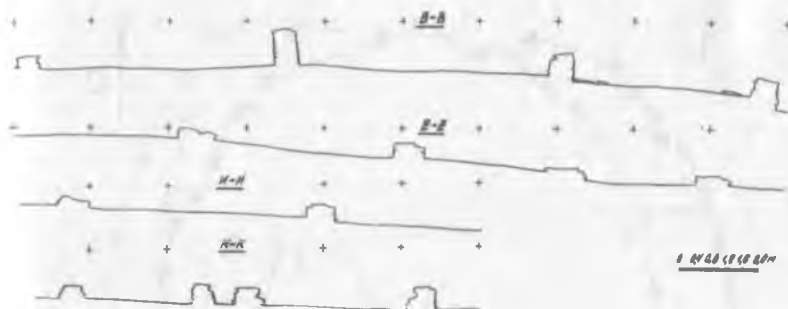

Рис. 27. Разрезы раскопа № 3

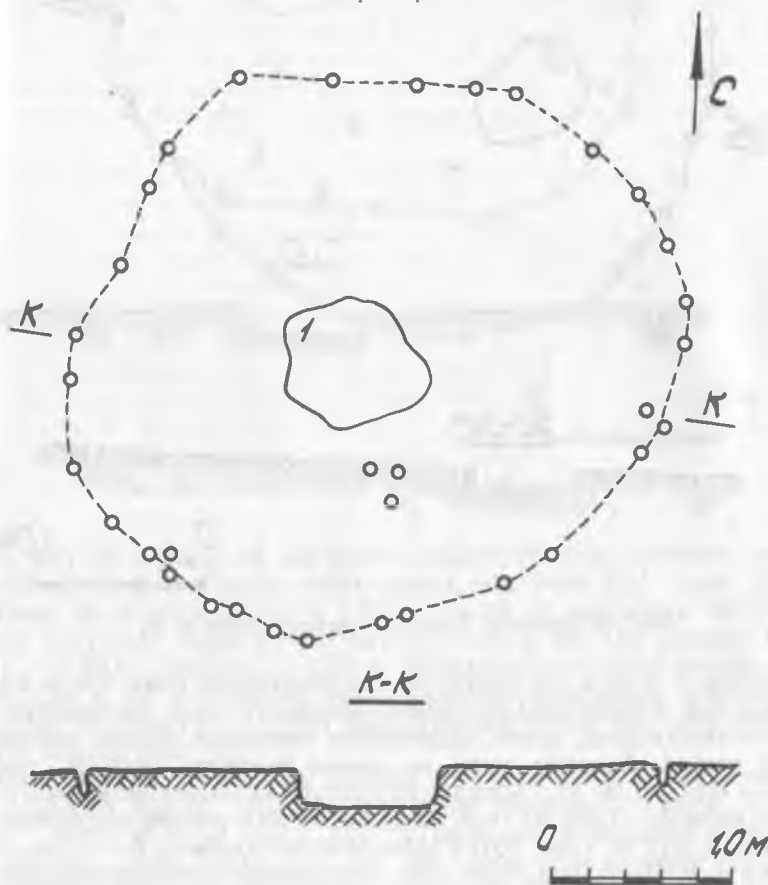

Рис. 28. Раскоп 3 План и разрез постройки № 1

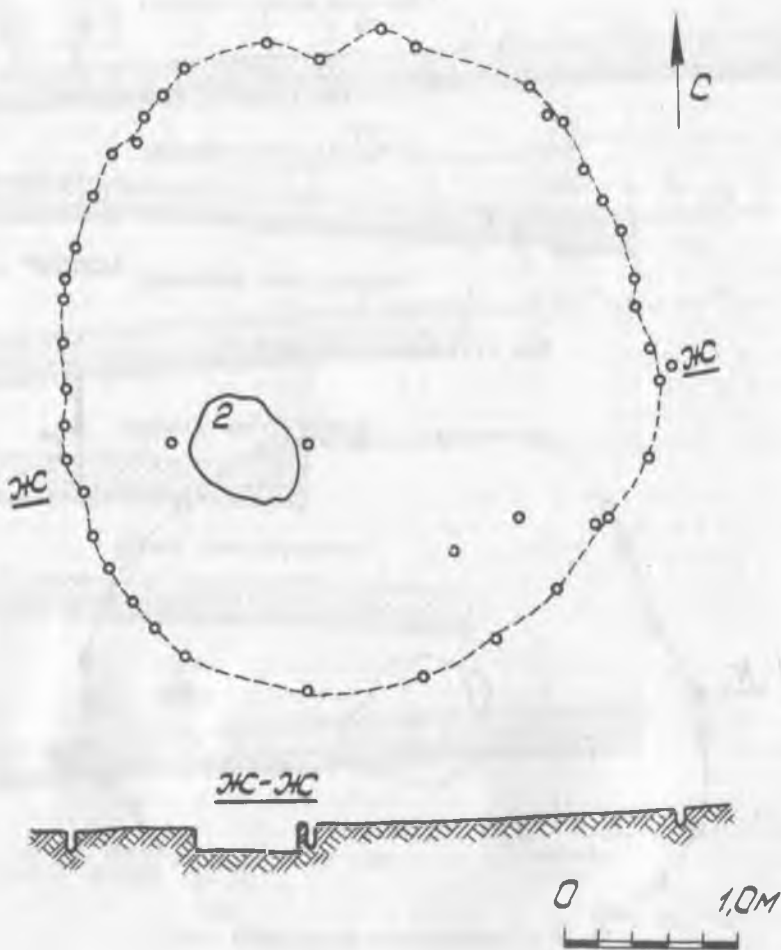

Рис. 29. Раскоп 3. План и разрез постройки № 2

разреза — 3,19 м. В центре ее располагается очаг. Он в плане овальный и представляет собой небольшую яму. Заполнение его состояло из лозы, углей, фрагментов керамики, кусков обожженной глины. Диаметр очага по линии разреза — 0,62 м., глубина — 0,17—0,18 м. Абсолютная глубина основания очага от «0» репера — 0,92 м. Пол жилища от «0» репера находится на глубине 0,77 м. (рис. 30). Размеры ямок: диаметр 8—10 см., глубина — 0,10—0,12 м. (рис. 30). Некоторые ямки (редко) имеют глубину до 0,20—0,24 м.

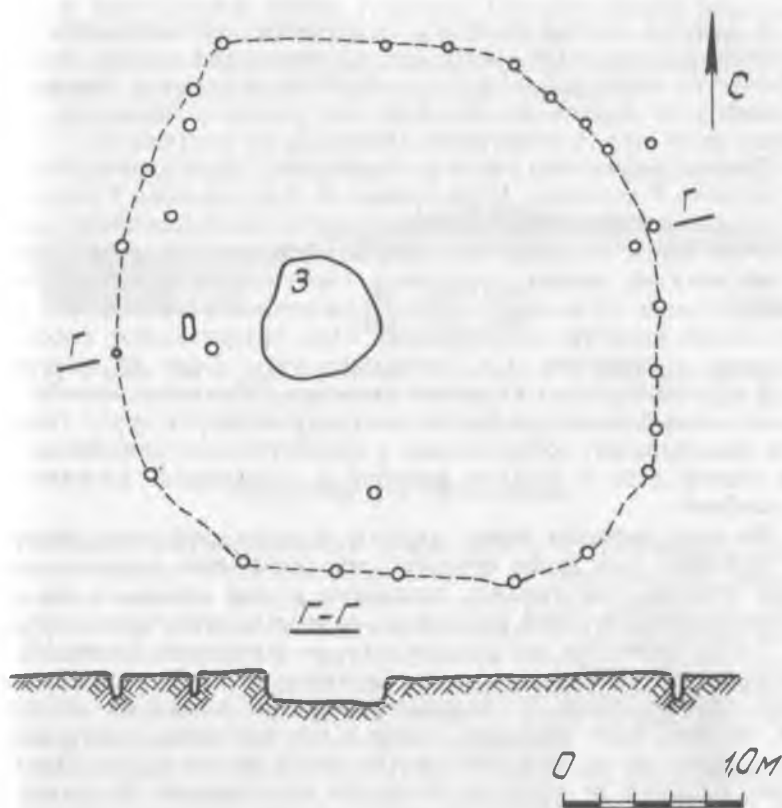

Рис. 30. Раскоп 3. План и разрез постройки № 3

К югу от описанной постройки зафиксированы остатки двух очагов (в плане раскопа обозначены под №№ 4,5) (рис. 25).

Очаг № 4 расположен в 0,45 м. к югу от постройки № 3. В плане круглый. Диаметр по линии север — юг (по осевой линии) — 0,90 м., глубина — 0,25 м. Абсолютная глубина от «0» репера 0,88 м. В заполнении очага найдены фрагменты кухонных горшков, угольки, зола. Очаг представляет собой яму, углубленную в землю (рис. 25).

Очаг № 5 расположен к востоку от очага № 4. В плане имеет овальную форму. Диаметр по линии разреза — 0,42 м., глубина — 0,18—0,20 м. (рис. 25). Внутри очага найдены обломки горшка, уголь, зола. На дне ямы лежала каменная плита. Абсолютная глубина основания очага то «0» репера — 0,84 м.

К югу и к западу от описанных очагов зафиксированы ямки. Возможно, здесь была постройка, но проследить трудно. Большое количество ямок открыто и в восточной части раскопа. Они прослеживаются от южной до северной стен раскопа. Возможно, здесь также было что-то сооружено (изгородь из плетенки?).

Таковы результаты работ на городище. В двух раскопах открыты остатки 5 построек. В постройке № 2 из раскопа 2 очага нет. В остальных постройках открыты очаги, расположенные в центральной части жилища. Все открытые постройки представляют собой остатки легких турлучных сооружений. В пользу этого говорят ямки от кольев, куски обожженной глины. Очаги имеют самую простую конструкцию. Они представляют собой небольшое углубление, т. е. открытый очаг. Очаг из постройки № 1 в раскопе 2 был выложен камнями. Обращает на себя внимание очень близкое расположение построек друг к другу. Видимо, они представляют собой жилые и хозяйственные комплексы, т. е. мы имеем дело в каждом раскопе с отдельными дворами или усадьбами.

Во всех раскопах были открыты остатки турлучных построек не случайно. Как выше отмечено, мы специально в пахоте выбирали участки, где имелись скопления кусков глины от турлука, представляющие собой развалины наземных турлучных построек.

Таких развалин мы подсчитали на распашке более 25. Не вызывает сомнения и то, что на памятнике имеются остатки и построек другого типа. В частности, остатки каменных построек. Их, видимо, было особенно много в юго-восточной части памятника. Здесь на пахоте попадают часто камни-плиты. Они, видимо, остались от стен разрушенных сооружений. В пользу наличия каменных построек свидетельствуют и местные жители. По словам жителей поселка Фортштадт, отсюда брали на строительство домов камень.

Для изучения конструкций рва и вала была заложена траншея в центральной части оборонительной линии городища (рис. 19). Ров в верхней части имел ширину — 8 м., в нижней — 5,8 м. Стенки рва достаточно отвесные. На широком горизонтальном дне легкий слой гумуса толщиной 0,3 м., накопившийся за время активного функционирования рва. Выше лежит сильно гумусированный смешанный слой, образовавшийся после прекращения функционирования рва и городища. В восточной части заполнение рва было уничтожено хозяйственной ямой, выкопанной на этом участке сравнительно поздно. Яма занимала большую часть рва и была завалена мусором (разбитый кирпич, стекло и т. д.). Вал был сооружен из грунта, выбранного из рва. В нижней части насыпи вала лежит супесь, а в верхней — глина (рис. 31). Интересно отметить, что в процессе изучения

вала, в центральной части траншеи зафиксированы несколько ямок от кольев. Трудно сказать точно что-либо о их назначении без дополнительных раскопок. Можно только предположить, что вал сверху дополнительно был укреплен плетенкой.

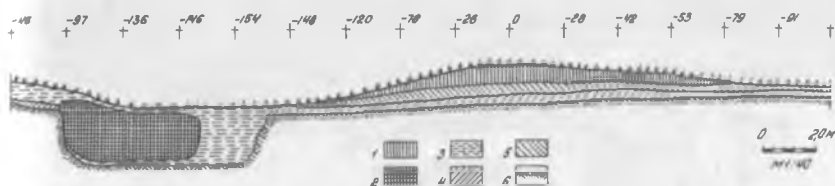

Рис. 31. Разрез рва и вала городища: 1 — глина, 2 — хозяйственная яма, 3 — гумус, 4 — погребенная почва, 5 — супесь, 6 — материк

Городище у с. Пелагиада

Наконец, мы обследовали памятники у с. Пелагиада Шпаковского района Ставропольского края. В окрестностях названного села имеется довольно много памятников различных эпох. Так, к западу от села (местность называется «Шахтерская Балка») есть поселение. В юго-восточной окраине (в местности «Черникова ручей») также расположено поселение указанного типа. По керамике, собранной нами, эти поселения относятся к позднекобанскому и сарматскому времени.

Наибольший интерес представляет городище, расположенное на западной окраине села, около правления зверосовхоза. Это городище мы посещали неоднократно. (рис. 32).

Памятник состоит из двух частей: укрепленной части и селища. Городище расположено на плоской вершине мыса, защищенного с двух сторон глубокими балками. С напольной стороны памятник защищен валом. Вал сооружен из камней и земли. Открытое поселение располагается в долине р. Ташлы. Большая часть территории и селища в настоящее время занята зверохозяйством и фермами. Точную границу памятника трудно определить. Но, судя по подъемной керамике, площадь селища более 7—8 га. На территории селища (на территории правления зверохозяйства) прослеживаются остатки каменных построек.

В канаве, вырытой на территории селища, прослеживаются куски турлука, уголь, зола, фрагменты керамики. Это разрушенные турлучные постройки. На этой территории собрана разнообразная керамика, которая по всем элементам тождественна посуде, найденной в городище под г. Армавиrom.

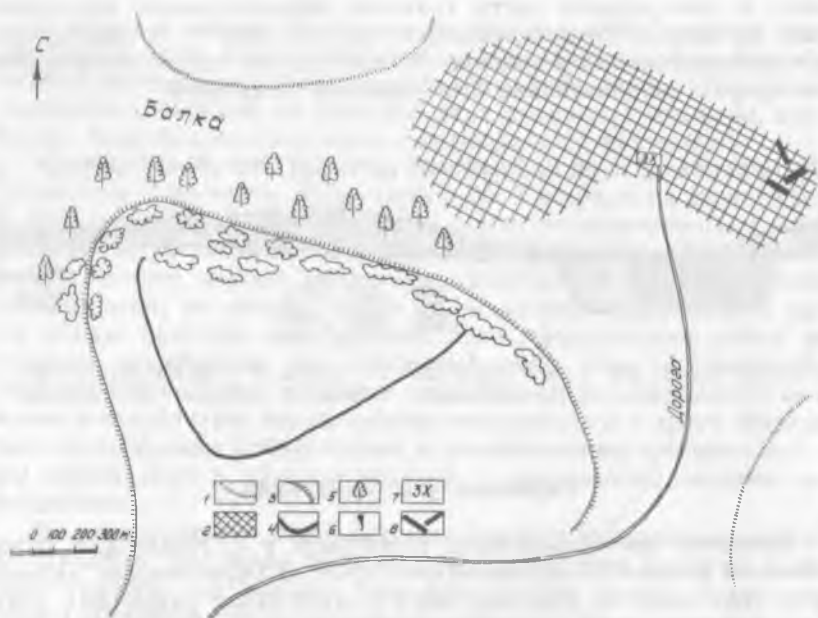

Рис. 32. План городища у с. Пелагиада под г. Ставрополем. 1 — ров, 2 — селище, 3 — крутой склон, обрыв, 4 — вал, 5 — лес, 6 — родник, 7 — зверхоозяйства, 8 — фермы

Единственным и массовым материалом из последних двух поселений является разнообразная керамика. Она служит датующим материалом и позволяет в определенной степени определить этническую принадлежность памятника. Собранная здесь керамика относится к одной культуре и одному времени.

Среди керамики больше всего фрагментов кухонных горшков яйцевидной или шарообразной формы, с отогнутым венчиком и плоским дном (рис. 32). Для них характерны темно-серый, кирпично-охристый и черный цвета (рис. 33). Некоторые по тулову имеют линейный, линейно-волнистый, ложно-витой орнамент, ряды отпечатков гребня и т. д.

Горшки указанного типа имеют широкое распространение — от Волги до Дуная. Они богато представлены в памятниках VIII—X вв. Восточной Европы²², в том числе на Северном Кавказе²³.

После горшков больше всего встречается фрагментов и ручек красноглиняных амфор VIII—X вв. н. э. Среди них преобладают фрагменты бороздчатых амфор (рис. 34). Немало также

Рис. 33. Фрагменты кухонных горшков

Рис. 34. 1 — горшок, 2—7 — фрагменты амфор

фрагментов амфор с зонами рифления (рис. 34). Они в VIII—X вв. были широко распространены на большой территории: в Таврике, на Нижнем Дону и Приазовье, на Северном Кавказе²⁴ (степные районы). (Рис. 35).

Рис. 35. Ручки амфор

Довольно много также фрагментов столовых кувшинов. Большинство из них на тулове имеют орнамент в виде вертикальных, линейно-волнистых, и сетчатых полос. Все они изготовлены из чистой глины с примесями, хорошо обожжены, черепок в изломе серый, поверхность черная или темно-серая (рис. 36). Кувшины указанного типа хорошо представлены а памятниках Восточной Европы, в том числе Северного Кавказа²⁵. Их тоже можно отнести к VIII—X вв. н. э.

Наконец, в составе керамики хорошо представлены фрагменты и венчики пифосов кирпично-охристого цвета. Это большие сосуды с расширяющимся кверху туловом, отогнутым массивным венчиком и узким дном (рис. 37). Они также характерны для памятников VIII — X вв. н. э.²⁶

Имеются фрагменты корчаг, пифосообразных сосудов, сковородок, мисок, но мало. В целом вся керамика относится к VIII — X вв. н. э. К этому времени нужно отнести и эти поселения.

Рис. 36. Фрагменты столовой керамики

Рис. 37. Фрагменты тарной посуды

Следует отметить, что в памятниках степных районов отсутствуют котлы с внутренними ушками. Достаточно сказать, что за несколько лет работы на многих поселениях Ставропольского и Краснодарского краев нами не обнаружен ни один фрагмент названной керамики. Правда, их отмечают другие авторы. Они встречаются в синхронных памятниках Карачаево-Черкесии. Например, несколько экземпляров найдено в слое VII — X вв. Хумаринского городища. Такие же ранние экземпляры встречаются в памятниках у аула Красный Восток и в ряде других мест области. Их отмечают в памятниках Ставропольского и Краснодарского краев А. В. Гадло, Н. Охонько и другие. Котлы наиболее богато представлены в памятниках X — XII вв., например, в Римгорском городище. Но если учесть, что они все же встречаются в памятниках VIII — X вв., то нет, как нам представляется, основания относить их все к X — XII вв. Можно предположить, что производство керамики возникло где-то на рубеже VII — VIII вв., и в VIII — X вв. ее производили мало. Массовое производство было налажено в X — XII вв., как и в других районах Восточной и Центральной Европы. Бытование их в VIII — X вв. позволяет поддержать гипотезу о болгарской принадлежности. Мне представляется, что и котлы X — XII вв. связаны с этим этносом, хотя их могли заимствовать и другие народы.

Итак, все исследованные поселения относятся суммарно к средним векам. Часть из них расположена в степной зоне, другие в горной части Карачаево-Черкесии. Памятники степной зоны по конструкции крепостных, жилых, хозяйственных построек и по облику инвентаря сближаются с болгаро-хазарскими памятниками Северного Кавказа, Подонья, Приазовья и Дунайской Болгарии. Это позволяет исследованные городища и многочисленные селища степного Предкавказья рассматривать как памятники болгар (или болгаро-хазар?) и датировать VIII — X вв. н. э. Эти поселения возникли в VIII в. и принадлежали болгарам орды Батбая, которые в VII в. вошли в Хазарский каганат и после арабских походов широко расселились в степях Северного Кавказа. Начиная с середины VIII в., в состав Хазарии вошла большая часть Северного Кавказа, в том числе территория Карачая и Балкарии. Более того, на территорию Карачаево-Черкесии проникает значительное болгаро-хазарское население, вступившее в тесные этнокультурные контакты с аланами и кавказоязычным населением, завершившиеся образованием нового этноса-карачаевцев и балкарцев. Это подтверждается данными археологии²⁷, топонимики²⁸ и письменными источниками. Так, в письме хазарского кагана Иосифа, написанного в X в. придворному Кордовского халифа Абдаррахмана III еврейю Хасдай Ибн-Шафруту, в южной

части Хазарии упоминаются топонимы под названием Агур (Агур), Шауна (Шуана) и Ухус-р (Усхур)²⁹. Эти топонимы хорошо локализируются на территории Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Река и гора под названием Агур бытуют в верховьях р. Кяфара и Теберды³⁰. По справедливому замечанию В. А. Кузнецова, топоним Агур связан с болгарской этнонимикой и в других районах Северного Кавказа не встречается³¹. Речка и гора Шауна-Шуана расположены недалеко от г. Карачаевска над с. Коста-Хетагурова. В Кабардино-Балкарии имеется гора Усхур и башня Усхур-кала. Интересно отметить сохранение в языках народов Кавказа и топонимике этнонима хазар³¹. Среди карачаевцев и доньше бытует крылатая поговорка «Ачкъалыгъа базар, ачкъасызгъа хазар», что буквально означает «Денежному базар, безденежному хазар», т. е., тот, кто имеет деньги, может позволить себе поторговать на базаре, кто не имеет, попадает в кабалу (под власть) хазарину.

Остальные исследованные поселения расположены в горной зоне Карачаево-Черкесии и ориентировочно относятся к VIII — XIII вв. Крепостные, жилые и погребальные сооружения здесь сооружены обычно из камня и характерны для горного Кавказа эпохи бронзы. Они имеют ближайшую аналогию в памятниках горной зоны Северного Кавказа, в частности в Карачаево-Черкесии. В качестве примера назовем Гилячское, Амгатинское, Адиухское, Джашырынкалинское, Джаланколское и другие городища Карачаево-Черкесии.

В целом исследования средневековых поселений имеют большую перспективу для изучения истории, культуры и этнической истории средневековых и современных народов Северного Кавказа.

¹ В составе экспедиции работали ленинградский археолог Н. П. Соволайнен и московский инженер Ю. В. Старков, выполнившие чертежи и рисунки экспедиции. Пользуюсь случаем выразить им свою благодарность.

² Биджиев Х. Х. Кяфарское городище в Карачаево-Черкесии // XIV «Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов)». Орджоникидзе, 1986, с. 55—56.

³ Фелицын Е. Д. Западно-кавказские дольмены // МАК, IX, М., 1904, с. 85, рис. 39.

⁴ Кузнецов В. А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае // КСИА, 1959, № 76; его же. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья // КСИА, 1961, № 85.

⁵ Марковин В. И. Испун — дома карликов: заметки о дольменах Западного Кавказа. — Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1985, с. 41—44.

⁶ Кузнецов В. А. Археологические разведки в Зеленчукском районе, Ставропольского края, 1953 г. // МИСК. — Ставрополь, 1954. Вып. 6, с. 345—351.

⁷ Прозрителев Г. И. Древние христианские памятники на Северном Кавказе // СССК, 1906, т. I, с. 8.

- ⁸ Археологическая карта Кубанской области. Составил Фелицын Е. Д. М., 1882.
- ⁹ А. Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии//Военный сборник. СПб., 1880, т. XI, с. 273—324.
- ¹⁰ Ракович Д. В. Тенгинский полк на Кавказе. Тифлис, 1900, с. 340—342.
- ¹¹ Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука.— М.: Искусство, 1977, с. 83—89.
- ¹² Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука, с. 87—88.
- ¹³ Кузнецов В. А. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае..., с. 89; его же. Средневековые дольменообразные склепы Верхнего Прикубанья..., с. 116.
- ¹⁴ Марковин В. И. Испун — дома карликов..., с. 43—44.
- ¹⁵ Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья.— Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1971, с. 47.
- ¹⁶ Средневековые селища Правобережья р. Кубани (Ставропольское плато)// XII — «Крупновские чтения. Тезисы докладов». М., 1982, с. 63—64.
- ¹⁷ Гадло А. В. Археолого-этнографические исследования 1972 года в западных районах Ставропольского края// МИСК, вып. 14, Ставрополь, 1976, с. 154—159.
- ¹⁸ Биджиев Х. Х. Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982—1983 гг.//Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985, с. 5—10.
- ¹⁹ Анфимов Н. В. Средневековые селища Правобережья..., с. 63—64.
- ²⁰ Биджиев Х. Х. Исследование болгарских поселений..., с. 10.
- ²¹ Раскоп № 1 был исследован в 1982 г. См. указ. работу автора, с. 1—10.
- ²² Плетнева С. А. От кочевий к городам.— М.: Наука, 1967, с. 166; Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение.//МИА, № 62, т. I, М.—Л., 1958, с. 305, рис. 52, 1, 2.
- ²³ Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1982, с. 65, рис. 37.; Гадло А. В. Археолого-этнографические исследования в западных районах Ставропольского края//Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 14, Ставрополь, 1976, с. 157.
- ²⁴ Якобсон А. Л. Средневековая керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979, с. 30; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 129; Биджиев Х. Х. Хумаринское городище, с. 71—73; Ляпушкин И. И. Карнауховское поселение, с. 309.
- ²⁵ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа.— М.: Наука, 1972, рис. 24, 27; Плетнева С. А. От кочевий к городам, с. 114—121; Биджиев Х. Х. Хумаринское городище..., с. 68—69.
- ²⁶ Биджиев Х. Х. Исследование болгарских поселений степного Предкавказья в 1982—1983 гг.//Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985, с. 5—34.
- ²⁷ Кузнецов В. А. Надписи Хумаринского городища//СА, 1963, № 1; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии.— М.: Наука, 1971, с. 132—133; Биджиев Х. Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983; его же. Раннесредневековые изваяния Карачаево-Черкесии и сопредельных территорий (к истории проблемы)//Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987, с. 27—44; его же. Древние болгары Северного Кавказа//Тюркология—88. Тезисы докладов и сообщений V всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988, с. 582.
- ²⁸ Хаджилаев Х. М. Очерки Карачаево-балкарской лексикологии.— Черкесск. Ставропольское книжное изд-во, 1970, с. 15—46; Хабичев М. А. К гидронимике Карачая и Балкарии.— Нальчик: Эльбрус, 1982; Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа.— Орджоникидзе: Ир, 1980, с. 103—107.

²⁹ Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке.— Л.: Наука, 1932, с. 101—102.

³⁰ Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа.— Орджоникидзе; Ир, 1980, с. 103.

³¹ Кузнецов В. А. Нартский эпос..., с. 103 и др.

³² Абаев В. И. Этноним «хазар» в языках Кавказа//ИСОНИИ, т. XXVII. Орджоникидзе, 1968, с. 217.

С. Я. БАЙЧОРОВ

ПАМЯТНИКИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА ДРЕВНИХ БИЙЧЕСЫНЦЕВ

Бийчесын «Памятник княгине» подробно описан в статье «Петроглифы Бийчесына»¹. Гора Эльбрус и этот монумент смотрят друг на друга уже несколько столетий. Памятник стоит километрах в 5 к юго-востоку от Штаба Бийчесынских отгонных пастбищ. Он дал свое наименование водораздельному плато верховьев Кубанско-Кумско-Терского трехречья. В этом регионе в 1985, 1987, 1988 гг. археолого-эпиграфическая экспедиция КЧНИИ, возглавляемая автором этих строк, разведала множество памятников изобразительного искусства. Находки 1985 г. рассмотрены в упомянутой выше статье «Петроглифы Бийчесына», находки последующих лет описываются здесь с возможной интерпретацией. Цель статьи — ввести в научный оборот материалы экспедиции.

Каменное изваяние женщины (табл. I). Находится километрах в 45 к юго-востоку от упомянутой выше стелы Бийчесын, километрах в 40 к северо-востоку от Эльбруса и в 500 метрах к юго-востоку от горы Тузлук-Тёбе, в местности Тузлук верховий Малки, у дороги Бийчесын — Джылы-Суу, над отвесной стеной скалы левой стороны ущелья речки Малки, на высоте около 600 м от водной глади речки.

Высота памятника, от световой поверхности земли — 2,20 м, диаметр его основания — 0,55 м, диаметр у подбородка — 0,45 м. Порода камня — бийчесынский твердый абразив. Руки изваяния не изображены.

Камень обработан способом отбивания от него мельчайших кусочков, так что одежда персонажа кажется ворсистой.

¹ Из-за ограниченности объема статьи к описаниям приложены лишь рисунки находок. Таблицы с фотографиями и рисунками — в Отчете эпиграфической экспедиции КЧНИИ (Разведки 1988 года в верховьях Малки и в прилегающих к ним местностях). Архив Института археологии АН СССР, р — 1.

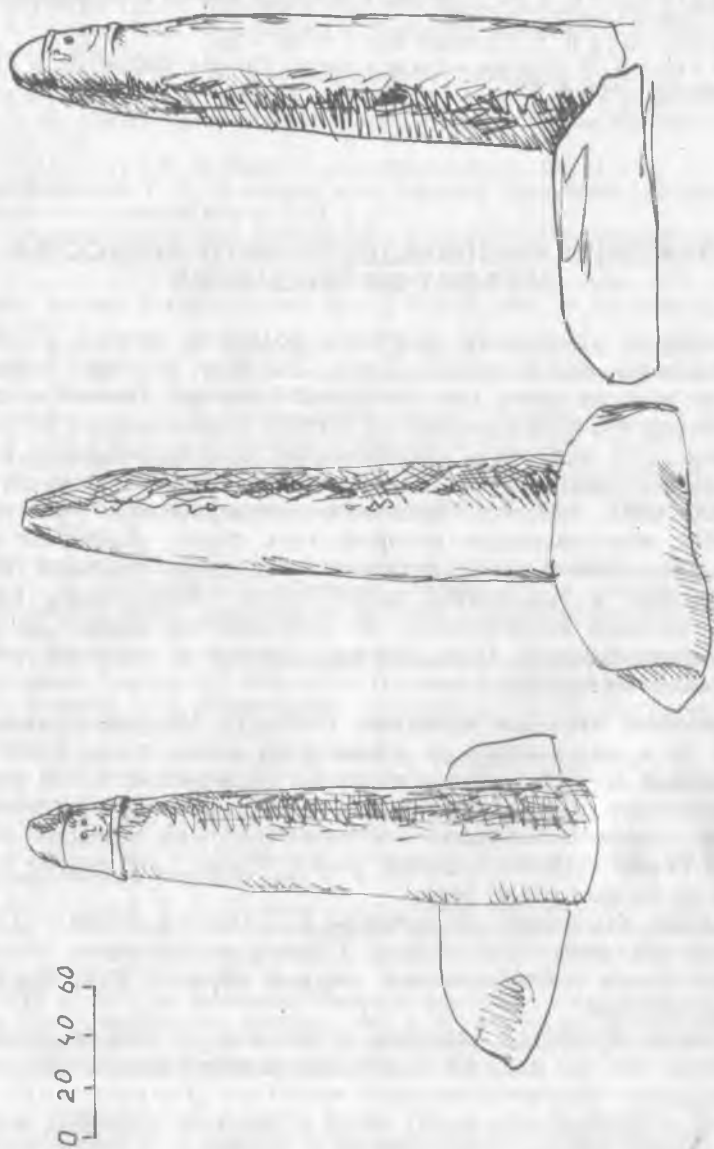

Табл. I. Каменное изваяние бийче («княгини») в верховьях Малки

На голове женщины — конусообразная шапочка, макушка которой отбита. Шейный обруч на изваянии имитирует, по-видимому, ожерелье. Глаза персонажа отмечены выемками, в которые, может быть, вставлялось соответствующее цвету глаз вещество. Нос прямой. Рот отмечен штрихом, имитирующим сжатые губы; при этом скобообразное утолщение нижней стороны штриха указывает на то, что нижняя губа толще верхней. Подбородок маленький, углы нижних челюстей несколько выступают. Уши изображены схематично. На висках, под шапочкой — подвески, имитирующие, может быть, пряди волос, кудри.

По словам животноводов, работающих в верховьях поймы Малки балкарцев и кабардинцев, памятник известен здесь истари, но никто из стариков не может сказать, кому именно он посвящен и когда поставлен. Он обращен лицом на восток, спиной к предполагаемому могильному кургану, ныне осевшему. Однако неизвестно, куда был обращен памятник лицом первоначально. Когда-то давно он свалился и долго лежал здесь, его установили в 1970 г. заново люди из Былымма КБАССР.

У карачаевцев бытует легенда, которую я не раз слышал от Тохчукова Хусея Топаевича, 75-летнего старика, согласно которой в средневековье в этой местности погибла княгиня («княгиня»), дочь владыки Бийчесына. Краткое содержание легенды следующее. Некий всадник, умыкнув княгиню, поскакал в сторону Малки. Преследовавший, хотя и был отменным стрелком, не стреляя, боялся, что попадет в княгиню. Когда преследующий прискакал до высокого обрывистого берега Малки, вор, с княгиней в руках, был уже на той стороне Малки. Обскакать весьма длинную пропасть — значит упустить вора. Тогда он, идя на риск, пустил стрелу, но, так как вор прикрылся княгиней, стрела пробила ее грудь. Следующая стрела поразила и вора. Парень поставил княгине памятник в том месте, откуда стрелял.

Памятник этот по своим особенностям или по типу исполнения близок к тому изваянию, которое стоит на Бийчесыне, на хребте между речками Джалан-Кол и Шайлык-Сырты. Оно описано, с приложением рисунка, в статье, упоминавшейся выше². Оно, как и рассматриваемый здесь памятник, не имеет «рук», представляет собой круглый каменный столб с изображением головы персонажа, обработанный способом отбивания от него мельчайших кусочков. Это характерно и для памятника Бийчесын, упоминавшегося выше.

Первый менгир Бабугея (табл. II) Километрах в 8 к северу от предыдущего памятника, на левом берегу Малки, в местности Бабугей, которую скашивают, метрах в 600 от берега речки, стоит менгир высотой, от световой поверхности земли, в 2,20 м.

Табл. II. Первый менгир Бабугея

Он сверху суживается. Верх отломлен. Куски от нижней части менгира лежат рядом (их два). Это указывает на то, что памятник установлен вновь. Высоту той части менгира, которая в земле, определить без специальных раскопок нет возможности, но, так как массивный столб стоит весьма прочно, нужно думать, что значительная часть менгира в земле. Подобного рода менгиры этого региона достигают высоты до 4,4 м.

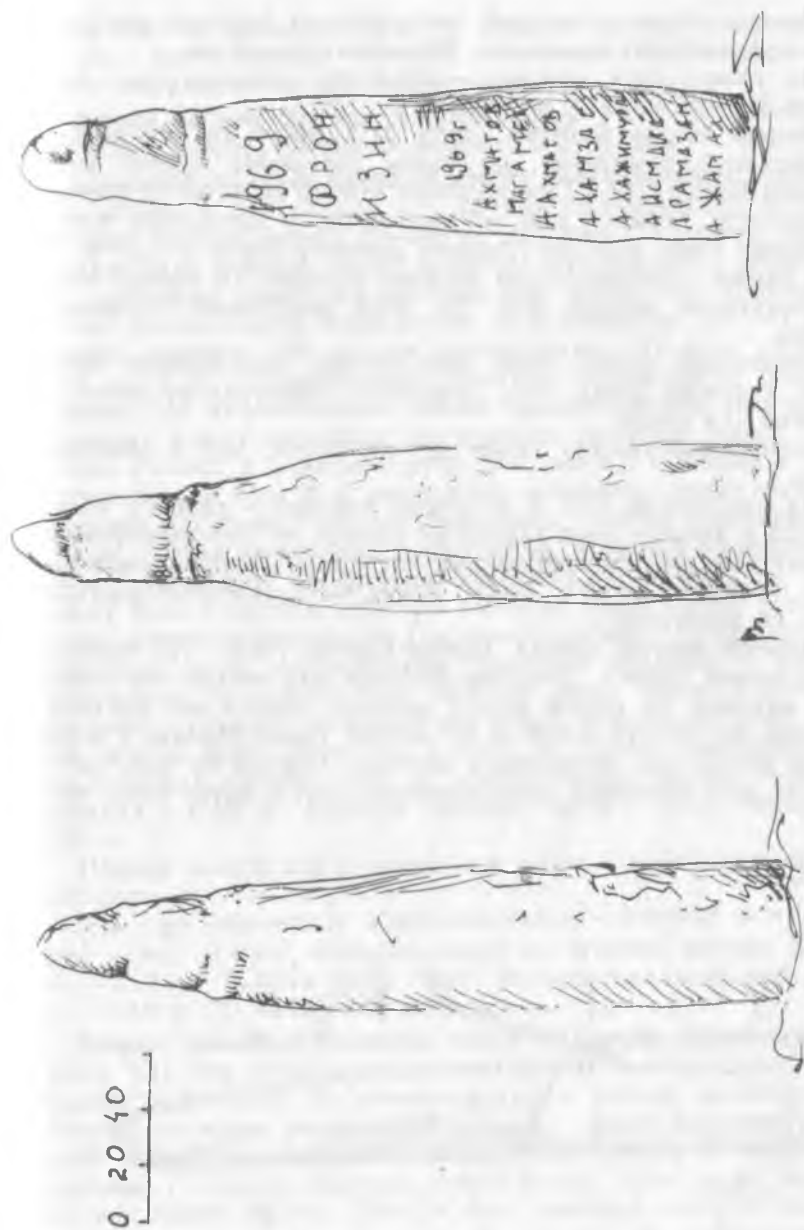

Табл. III. Второй менгир Бабугея

Порода камня — твердый бийчесынский абразив, как и поро-
да предыдущего памятника. Обработка такая же.

На поверхности менгира — множество современных автог-
рафов. Имеются также и тамги.

Второй менгир Бабугея (табл. III). На 1 км юго-западнее
предыдущего памятника, на узком перешейке хребта между
речками Балык-Суу и Суучук, стоит менгир высотой, от световой
поверхности земли — 2,65 м, диаметром у основания 0,50 м.
Памятник вверх идет на сужение. Диаметр верха — 0,20 м. По-
рода камня — бийчесынский твердый абразив. От берега Малки
до памятника метров 600. На этом расстоянии — скалистые
высоты.

Массивный столб стоит так прочно, выдерживая трения
боков гулевого скота, что, думается, значительная часть па-
мятника — в земле.

Камень совершенно такой же обработки, что и описанные
выше.

На расстоянии 0,55 м от верха менгира — двойное кольцо.
На 0,25 м выше — след такого же кольца, но уже выветренного.
В памятнике № 1 между такими кольцами — изображение жен-
ского лица (см. выше). Здесь, может быть, тоже изображалось
лицо, но выветрено.

Первый менгир хребта Харбаз-Сырты (табл. IV, памятник
на переднем плане). Западнее Бабугея или только что описан-
ного менгира, на хребте между речками Харбаз или Енгечли и
Малкой, на высоте в 600 м от водной глади Малки, у доррги
лежат рядом два поломанных менгира. Первый из них, состоя-
щий из двух обломков, приставленных друг к другу нами, имеет

0 15 30 45

Табл. IV. Менгиры хребта Харбаз-Сырты: первый — на переднем плане,
второй — на заднем плане.

длину 3,45 м, диаметр — 0,40 м. Порода камня, как и предыдущих,— бийчесынский твердый абразив. Обработан камень более аккуратно, чем описанные выше.

Второй менгир хребта Харбаз-Сырты (табл. IV, памятник на заднем плане). Половина менгира под дерном.

Каменное изваяние воина на хребте Борсуклу-Сырт (табл. V). Километрах в 6 к западу от Штаба бийчесынских отгонных пастбищ имеется ферма. От нее на юго-запад, в сторону ущелья Джалан-Кол, тянется узкий хребет, ограниченный с обеих сторон глубокими лесистыми балками. На хребте этом встречаются четыре значительных возвышения, отделяющиеся друг от друга узкими, шириной 100 метров, перешейками. На этих возвышениях, судя по сохранившимся остаткам фундаментов, были поселения. На юго-западном склоне предпоследнего возвышения (селища) лежат несколько памятников: изваяние воина с кинжалом у пояса и с рогом в руке (см. ниже), а метрах в 30 северо-восточнее и на 20 м выше этого памятника лежат несколько менгиров (см. ниже). Все эти памятники, судя по сохранившимся следам, стояли на вершине возвышения, метрах в 60 северо-восточнее нынешнего их местонахождения. Кто-то спускал их по склону вниз. При этом менгиры частично повреждены, а скульптурное изваяние разломано. По словам чабанов, работающих на Борсуклу-Сырты, скульптурный памятник поломан, а менгиры повреждены бульдозеристом, который делал дорогу с возвышения вниз, к кошаре. Основные два куска памятника, приставленные друг к другу нами, см. в табл. V. Длина памятника, без недостающих кусков,— 2,70 м, максимальная ширина — 0,40 м, толщина — 0,30 м. Ширина шейной части — 0,25, толщина — 0,20 м.

Порода камня, как и описанных выше,— бийчесынский твердый абразив.

Как уже отмечено, у пояса персонажа — кинжал, а в правой руке — рог. Длина кинжала — 0,40 м, ширина кобуры кинжала — 0,08 м. Высота рога — 0,21 м, максимальная его ширина — 0,08 м. Изображения лица нет.

Второе каменное изваяние воина на хребте Борсуклу-Сырт (табл. VI). Он расположен метрах в 200 юго-западнее предыдущего памятника, на северо-западном склоне последнего из упомянутых выше возвышений (селищ). Ныне он представляет собой уже не скульптурное изваяние, а остаток от такого памятника, туловище. Голова, левое плечо, ноги ниже верхних половин бедер отбиты. Поиски этих осколков здесь не увенчались успехом, нашли лишь кусочек затылочной части изваяния.

Высота остатка скульптуры — 0,65 м, ширина набедренной

0 10 20 30

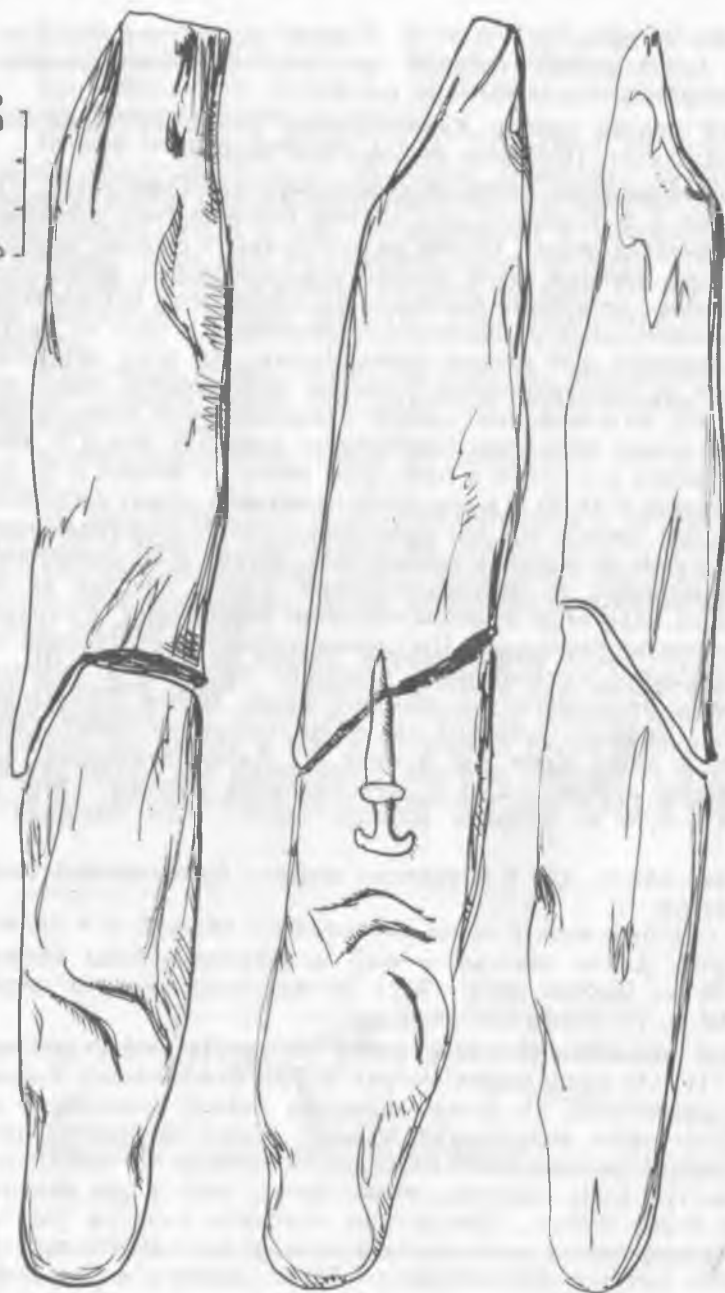

Табл. V. Первое каменное изваяние воина на хребте Борсуклу-Сырт

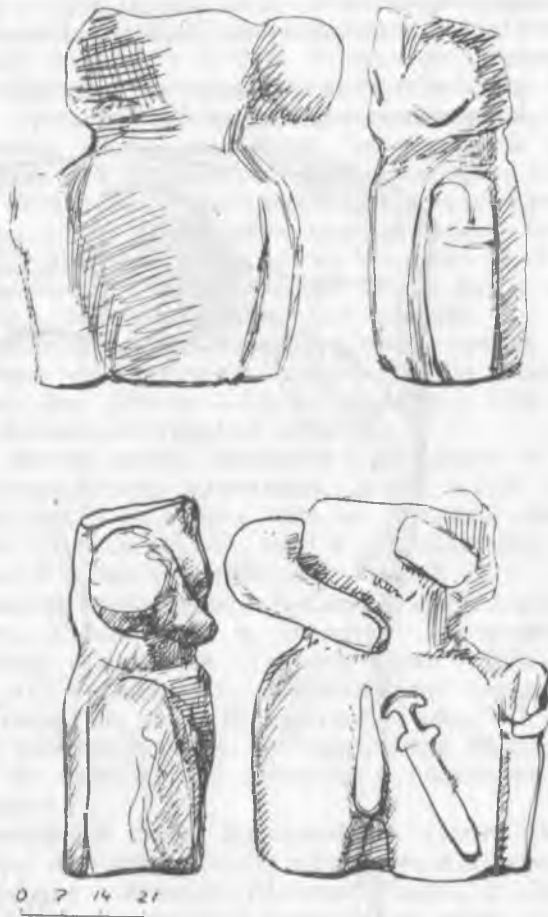

Табл. VI, 1—4. Второе каменное изваяние воина на хребте Борсуклу-Сырт: туловище изваяния.

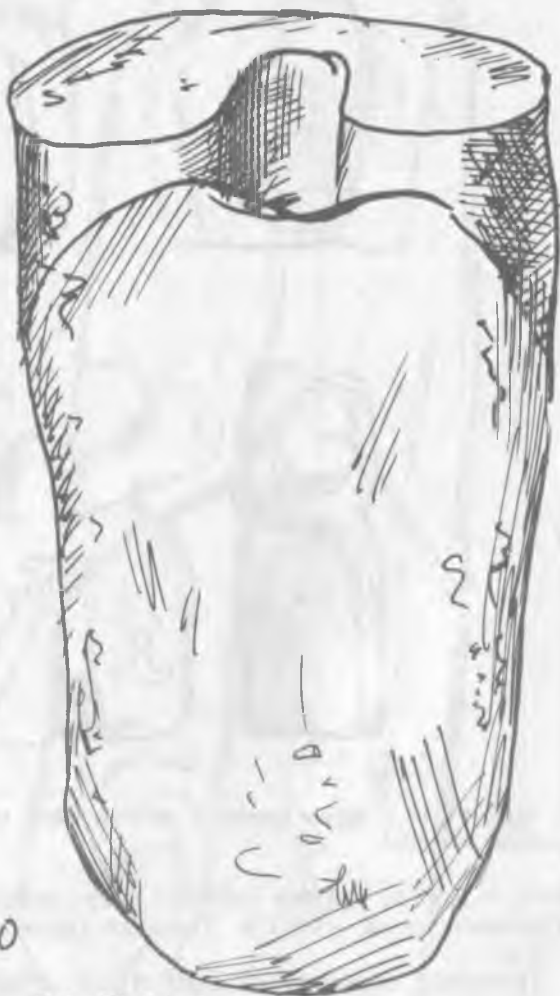
части — 0,50 м, ширина плеч без учета отколовшегося и необна-
руженного куска — 0,45 м. Толщина скульптуры (в среднем) —
0,33 м.

Персонаж левой рукой держит рог, а правая рука протяну-
лась к рукоятки кинжала, который на левом бедре воина висит
наклонно и который имеет длинное перекрестье. Правее рукоятки
кинжала свисает от пояса кистень или палица.

На левом боку воина — колчан. На левом бедре, между кин-
жалом и колчаном, какое-то изображение в виде кривой линии.

Ноги воина изображены на плите барельефно, о чем говорит тот факт, что проем, изображающий пространство между бедрами, несквозной.

Отбитый низ изваяния обнаружили мы там, где лежат упоминавшиеся выше менгиры (см. табл. VI, 5).

0 10 20 30

Табл. VI, 5 (продолжение).
Отбитый низ изваяния.

Место излома совпадает, выемка, имитирующая расстояние между бедрами, продолжается и в этом камне. Длина плиты —

1 м, ширина — 0,55. Ширина бедренной части в месте излома — 0,45 м, толщина — 0,25 м. Диаметр бедра — 0,18 м, ширина проема между бедрами — 0,10 м. Реконструкция памятника из описанных выше частей показана в табл. VI, 6.

Остаток третьего каменного изваяния хребта Борсуклу-Сырт — нижняя часть скульптуры, точно такая же, какая описана только что. Отличается лишь размерами. Она лежала на склоне в метрах 10 к северо-востоку от предыдущего обломка. Длина плиты — 0,61 м, максимальная ширина — 0,48 м, толщина — 0,20 м, ширина проема между бедрами — 0,10 м, диаметр места излома бедра — 0,20 м. Порода камня, как и порода описанных выше, — бийчесынский твердый абразив.

Первый менгир хребта Борсуклу-Сырт — метрах в 10 к северу от только что описанного памятника. Он лежит в земле, виден только бок. Длина — 2,5 м, диаметр — 0,30 м. Порода камня — бийчесынский твердый абразив.

Второй менгир хребта Борсуклу-Сырт лежит в 10 метрах к югу от предыдущего памятника. Длина — 3,60 м, диаметр у основания — 0,55 м, сверху идет на сужение. Диаметр верха — 0,35 м. Порода камня, как и предыдущих, — бийчесынский твердый абразив (см. табл. VII, 2; VIII, 1).

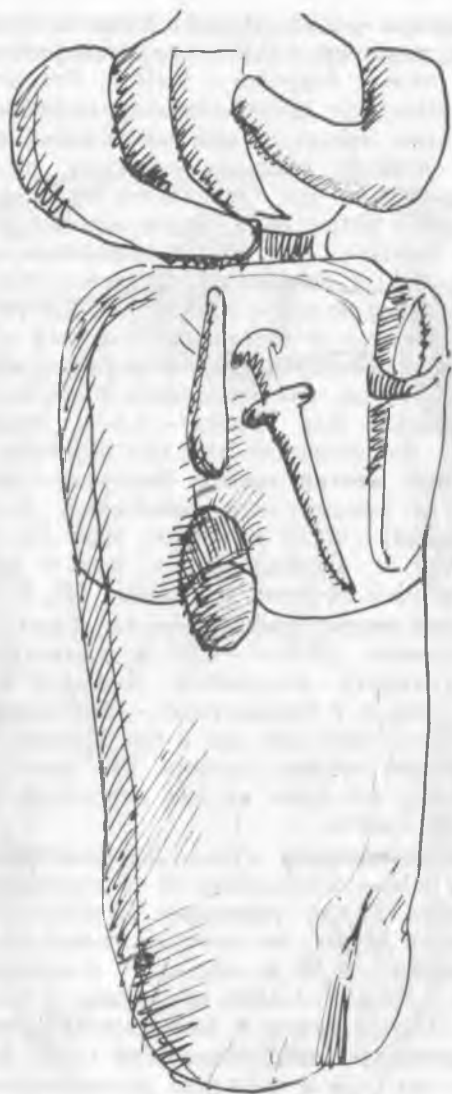
Третий менгир хребта Борсуклу-Сырт лежит в 3 метрах южнее предыдущего. Длина — 4,05 м, диаметр у основания — 0,48 м. Менгир сверху суживается. Диаметр верха — 0,35 м. Порода камня, как и у предыдущих, — бийчесынский твердый абразив. Обработка такая же, как и предыдущих (табл. VII, 1; VIII, 2).

Местные чабаны сказали, что здесь было четыре таких памятника и что один из них перевезен и поставлен у коша на соседнем хребте.

Антропоморфная стела Джалан-Кола (табл. IX, 1, 4) — метрах в 50 к юго-западу от скульптурного изваяния, стоящего на хребте между ущельями Шайлыкь-Сырты и Джалан-Кол.

Высота стелы, от световой поверхности земли, — 1,5 м, ширина верха — 0,40 м, ширина у основания — 0,60 м, ширина у плеч — 0,70 м. Толщина памятника — 0,30 м. Верх левого плеча отбит. Порода камня — бийчесынский твердый абразив.

Менгир при антропоморфной стеле Джалан-Кола (табл. IX, 2, 3) — на 0,35 м западнее предыдущего памятника. На месте сохранилось лишь основание высотой, от световой поверхности земли, в 0,40 м, максимальной шириной в 0,35 м. Верх памятника отломился когда-то давно и лежит под склоном, у родника, в 400 метрах западнее. Высота этой части памятника — 1,40 м. Сечение низа — овальный круг длиной в 0,4 м, шириной — 0,3 м. Кверху идет на сужение. Максимальная ширина — 0,27 м. По-

0 7 14 21

Табл. VI, 6 (продолжение). Второе каменное изваяние воина на хребте Борсуклу-Сырт (в сборе из описанных выше частей)

рода камня та же, бийчесынский твердый серый абразив. Памятник в сборе показан в табл. IX, 2, 3.

Каменные столбы рядом с антропоморфными изображениями

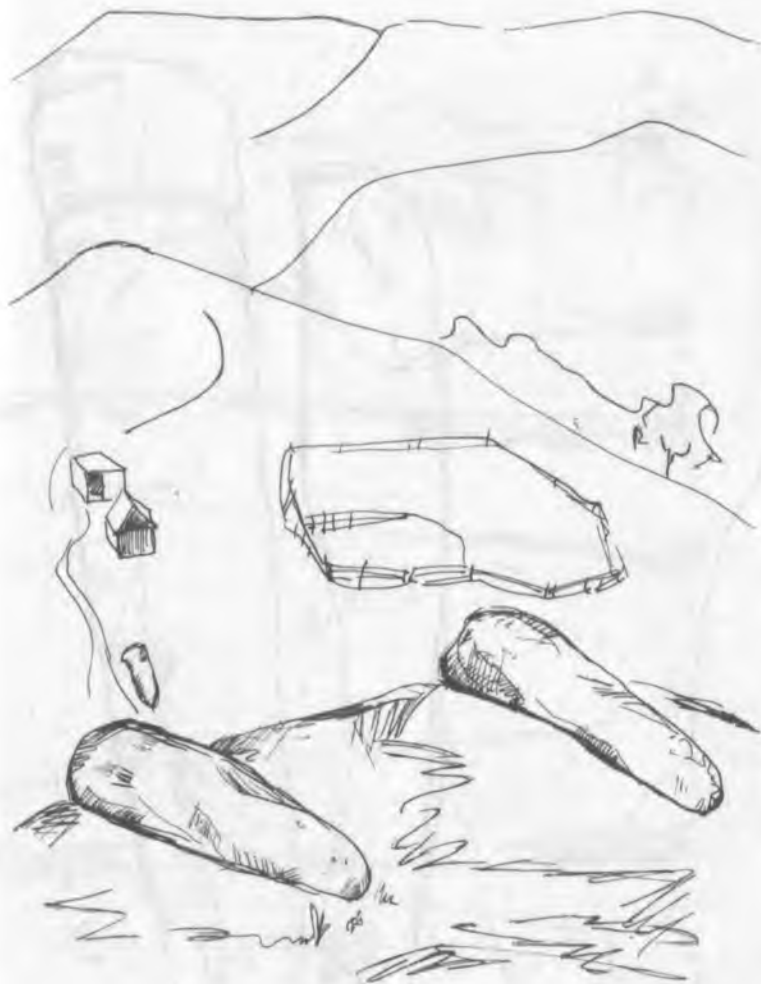

Табл. VII. Общий вид места обнаружения скульптурных памятников
хребта Борсуклу-Сырт

ставили в качестве балбалов (символов военных заслуг усопшего) древние тюркские народы.

Каменное изваяние воина в ущелье Баба-Ёзен (табл. X). На северо-восточной окраине Бийчесына или над селением В-Мара — Тохтамышевский масло-сырзавод, мимо которого на юго-

Табл. VIII. Менгирь хребта Борсуқду-Сырт

Табл. IX. Антропоморфная стела и менгир рядом с ней на склоне ущелья Джалан-Кол

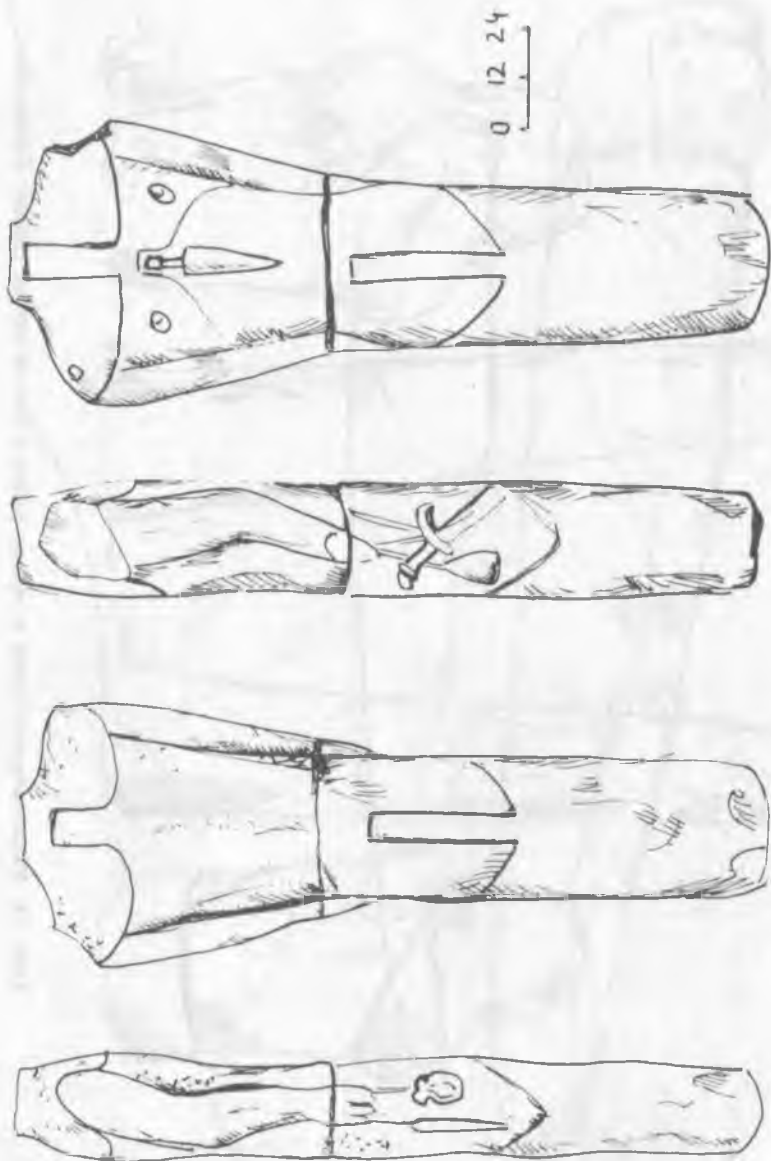
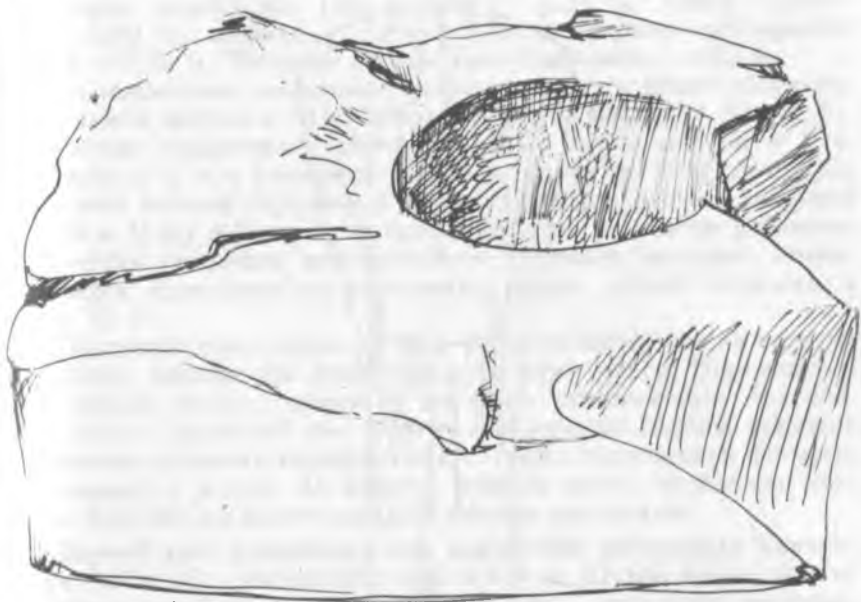

Табл. X, 1—4. Каменное изваяние воина в ущелье Баба-Езен: торс и низ памятника в сборе (виды с разных сторон)

0 7 14

Табл. X, 5 (продолжение). Сохранившаяся часть пьедестала изваяния

запад тянется, делая зигзаги, балка Дуарбат. Она соединяется с ущельем Джалан-Кол с правой его стороны. К Дуарбату, в средней его части, вливается слева речка Суучук. В этом месте — ферма Дыранбашла. Около фермы, по западной ее стороне, круто спускается с горы к речке Дуарбат сухая балка. У ее устья, в 100 метрах к югу от фермы, каменное изваяние воина. Местность называется еще Баба-Езен, «Ущелье Баба», т. е. «Ущелье предка», «Ущелье (памятника) предка», очевидно, по названию рассматриваемого памятника.

В 1974 г. мы с корреспондентом газеты «Ленинни байрагы» Б. О. Джанибековым приехали в ущелье Баба-Езен (Дуарбат) искать древние надписи. Здесь местные пастухи показали нам два куска каменной статуи, которые лежали в густой крапиве. Первый из этих кусков представлял собой туловище скульптуры, второй — часть последней ниже пояса. Мы скомбинировали эти части (см. табл. X, 1—4). Пастухи говорили, что в 1957 г. изваяние было цело, в 1958 г. оно также стояло, но уже с отбитой головой. Мы долго искали в крапиве голову памятника, но не нашли. Зато мы обнаружили часть весьма оригинального постамента скульптуры (см. ниже). Тогда же я поделился

Табл. X, 6 (продолжение). Реконструкция памятника из разрозненных частей своими впечатлениями о находках с этнографом Я. А. Федоровым и с начинающим археологом У. Ю. Элькановым, который очень скоро показал мне зарисовку памятника: оба ученых посетили изваяние и сообщили об этом в печати³. Однако полное описание и анализ памятника даются впервые.

Длина памятника (без головы) — 2,27 м, длина туловища — 0,80 м, ширина у плеч — 0,75 м, ширина набедренной части — 0,30 м. Толщина скульптуры, в среднем, — 0,23 м.

От пьедестала памятника сохранилось чуть более половины. Она лежит метрах в 10 от основных частей изваяния (см. X, 5). Пьедестал представлял собой каменную глыбу длиной в 1 м, шириной в 1 м и толщиной в 0,40 м. В центре этой глыбы выдолблена выемка глубиной в 0,30 м, длиной в 0,40 м и шириной в 0,35 м. В эту выемку было плотно всажено основание изваяния. Пьедестал по краям дополнительно крепился камнями. Реконструкция памятника из описанных выше частей показана в табл. X, 6.

Персонаж стоит прямо, в фас, руки опущены, слегка согнуты в локтях, пальцы рук отмечены чуть ниже пояса. Широкоплеч. На тонкой талии — ремень с висячими украшениями. На правом боку — короткий меч с вогнутым верхним концом рукоятки и толстым длинным перекрестьем, а также треугольная фигурка, свисающая с ремня. На животе, повыше пояса, изображен кинжал. Все это украшает пышный костюм персонажа.

Первый грот с надписью над нарзанным источником Боркулдаук (табл. XI). Километрах в 30 к югу от Штаба Бийчесьских отгонных пастбищ, в ущелье Кызыл-Кол, — нарзанный источник Боркулдаук. Ущелье проходит с востока на запад, отделяя друг от друга хребты Ташлы-Сырт и Тоханала-Сырты. На высоте 100 м от нарзанного источника Боркулдаук и от водной глади речки, к северу от этих объектов, имеется грот естественного происхождения. Его ширина — 5 м, высота — 3 м, глубина в скалу — 3 м. Потолок ровный. На нем — изображения темно-красной охрой. Некоторые места рисунков не сохранились, так что речь может идти об их остатках. Общая длина этих остатков памятника — 0,85 м, максимальная ширина — 0,53 м, толщина штриха, в среднем, — 0,015 м. Первая (северо-восточная) часть потолка осыпалась, поэтому рисунки этой части объекта сильнее пострадали.

В правой части грота, на 1 м выше его основания, имеется ниша шириной в 0,45 м у входа, а вовнутрь идет на расширение. Ширина ниши, по центру, — 0,90 м, а далее идет на сужение. Глубина в скалу — 1,5 м, высота — 1,1 м. Пол ровный.

Второй грот с надписью над нарзанным источником Боркулдаук (табл. XII) в 50 метрах к западу от только что описанного памятника.

Надпись эта на стене грота высотой в 4 м, шириной такой же и глубиной в скалу в 1 м. На полу — каменная глыба, упавшая когда-то сверху. Надпись располагается горизонтально в

Табл. XI. Знаки первого грота над нарзаным источником Боркулдаук:
 1) общий вид памятника; 2) остаток рунической надписи

Табл. XII. Надпись второго грота над нарзаным источником Боркулдаук:
 1) общий вид памятника (вверху — гнезда ласточек); 2) отдельная
 прорисовка надписи

средней части задней стенки. Наверху — гнезда ласточек. Длина строки — 1,35 м, высота, в среднем, — 0,13 м, толщина линии — 0,01 м.

Третий грот с надписью и одиночными знаками над нарзанным источником Боркулдаук (табл. XIII). Километрах в 1,5 к западу от предыдущего памятника, в гроте шириной в 8 м, высотой — 1,8 м, глубиной в скалу — 1,5 м имеются следующие изображения.

1. Надпись, как и предыдущая, на задней стенке грота горизонтальна. Толщина линии знака, в среднем, — 0,01 м. Надпись трехстрочная. Однако от последней строки сохранились, вследствие выветривания, один отчетливый знак и слабые следы некоторых других.

2. На 0,80 м правее только что описанного текста — одиночный знак в форме неправильного круга с вертикальным штрихом внутри и со значком «двускатной крышей». Высота рисунка — 0,07 м, толщина линии — 0,01 м.

3. На 1,4 м правее (восточнее) только что описанного знака — другой, имеющий форму неправильного круга, деленного двумя взаимно пересекающимися линиями на четыре равные доли. Такой солярный знак часто встречается среди петроглифов верховой Кубанско-Терского междуречья.

4. На 0,12 м. ниже надписи — следы выветренного солярного знака диаметром 0,09 м.

Первый грот с петроглифами в ущелье Аргъыш-Дорбунла (табл. XIV, 1—3). От Штаба Бийчесынских отгонных пастбищ ведет дорога по хребту Тегене-Башы к Худесу. Слева от хребта — балка Мусос-Кош-Езен, к которой присоединяется в ее низовьях балка Тебуланы-Кышлык. Продолжение балки, после этого слияния, называется Аргъыш-Дорбунла. Здесь, при верхнем течении ручья этой балки, природа образовала в отвесной стене скалы, на правом берегу, два грота, один над другим (см. табл. XIV, 1). Интересующие нас здесь изображения — на задней стенке верхнего грота, высота которого — 3 м, ширина — 5 м, глубина в скалу — 2,5 м. Изображения находятся на высоте 1,2 м от пола грота или 4,2 м от световой поверхности земли.

Общая длина изображений — 0,60 м (табл. XIV, 2). Они в основном представляют собой множество точек (пятнышек), которые, судя по тому, как часто встречаются в петроглифах разных районов региона⁴, имеют, безусловно, ритуальное значение. Правее (южнее) отмеченных точек (пятнышек) просматривается какая-то полувыветренная фигурка. Между основным составом изображений и этой фигурой — пустое пространство в 0,08 м.

Максимальная высота памятника — 0,30 м. Диаметр пят-

Табл. XIII. Надписи и петроглифы третьего грота над нарзанным источником Боркулдаук:
 1) общий вид памятника; 2) отдельная прорисовка надписи

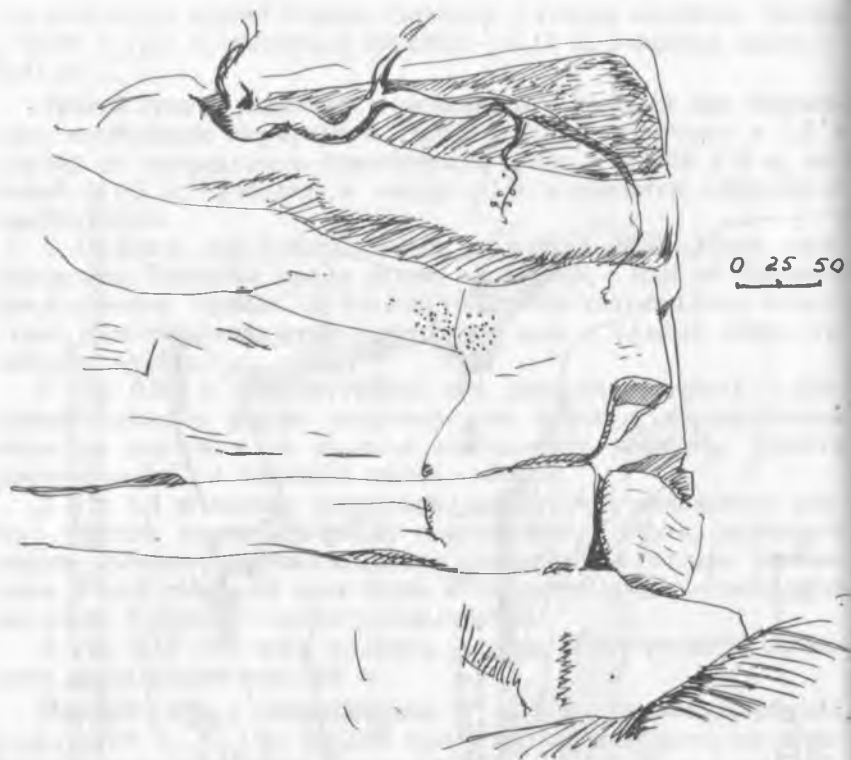
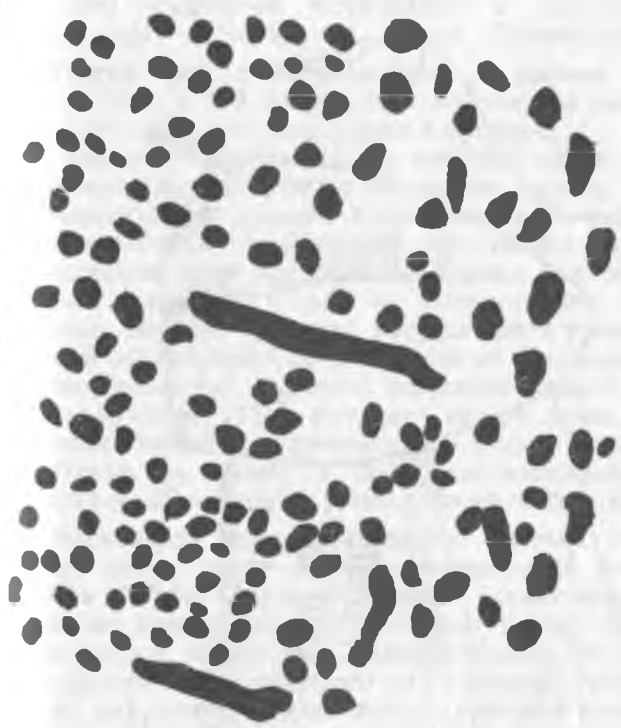

Табл. XIV. 1) Задняя стенка первого грота с петроглифами в ущелье Аргыш-Дорбунла (общий вид)

нышка, в среднем,— 0,01 м. Часть точек (пятнышек) заключена между прямой и скобообразной линиями, толщинами, соответственно, в 0,05 м и 0,01 м.

Наша находка является правым верхним углом уже выветренного значительного памятника: ниже описанных изображений слой каменной стены отпал и вместе с ним исчезли петроглифы.

Второй грот с петроглифами в ущелье Аргыш-Дорбунла (табл. XV) метрах в 100 вниз по течению реки или юго-западнее предыдущего памятника, в гроте имеются изображения. Высота грота — 8 м, ширина такая же. Петроглифы расположены на стенке, на высоте в 1,20 м от пола. Краска сильно поблекла, поэтому рисунки просматриваются с трудом и фотография не получилась. Изображения представляют собой пря-

0 3 6

Табл. XIV. 2. Петроглифы первого грота ущелья Аргыш-Дорбунла

Табл. XV. Второй грот с петроглифами в устье Аргъын-Дорунла

моугольнички, деленные взаимно перпендикулярными прямыми на разные количества клеток. Подобного рода петроглифы в большом количестве встречаются в Хасаутском наскальном могильнике⁵ и в других местах Приэльбрусья (см. ниже).

Третий грот с петроглифами в ущелье Аргыш-Дорбунла (табл. XVI) в 300 метрах вниз по течению речки или к юго-западу от только что описанного памятника.

Огромная каменная глыба оперлась одним концом о другую, и образовалась пещера со сводчатым верхом. На нижней части восточной стены древний художник вывел темно-красной охрой прямоугольнички и разделил их взаимно перпендикулярными пересекающимися прямыми на разные количества клеток. Памятник сильно пострадал от выветривания. Более или менее уцелела верхняя фигура, лесенка пятиступенчатая, деленная прямой вертикальной линией пополам. Толщина линии — 0,01 м. Прямоугольнички, деленные пересекающимися прямыми на разные количества долей, имеющих внутри точки (пятнышки) и не имеющих таковых, встречаются во втором гроте ущелья Аргыш-Дорбунла (см. выше), в Хасаутских наскальных могильниках⁶, в наскальной панораме ущелья Енгечли (см. ниже).

Наскальная панорама ущелья Енгечли (табл. XVII) — на левом берегу речки Енгечли, омывающей западное подножие хребта Харбаз-Сырты. Основные ориентиры панорама следующие: северо-западнее менгиров хребта Харбаз-Сырты (их описание см. выше) есть чабанский кош, от которого до речки или другого коша, стоящего на ее берегу, — метров 300. Здесь — загон для скота, примыкающий северной стороной к обнажениям скалы с гротами. Длина этих обнажений скал — 70 метров, высота — 4. Стена имеет несколько гротов, западный из которых наиболее крупный, длина его — 10 м, высота — 2,8 м, глубина, в скалу, — 2 м. На потолке грота — множество петроглифов, исполненных темно-красной охрой. Некоторые рисунки исчезли, основная же масса изображений сохранилась отчетливо.

Табл. XVII, 1 — четырехугольник, деленный двумя взаимно перпендикулярными и взаимно пересекающимися на четыре доли, в каждой из них по точке (пятнышку). Длина фигуры — 0,12 м, ширина — 0,20 м. Подобного рода фигуры с точками внутри и без них часто встречаются в хасаутских наскальных могильниках⁷, в гротах ущелья Аргыш-Дорбунла (см. выше) и в описываемой панораме (см. ниже).

Табл. XVII, 2 — на 0,02 м правее предыдущего рисунка две параллельных ломаных линии или знак в виде двух угловатых троек — рунический знак для слога с согласным *д*. Длина зна-

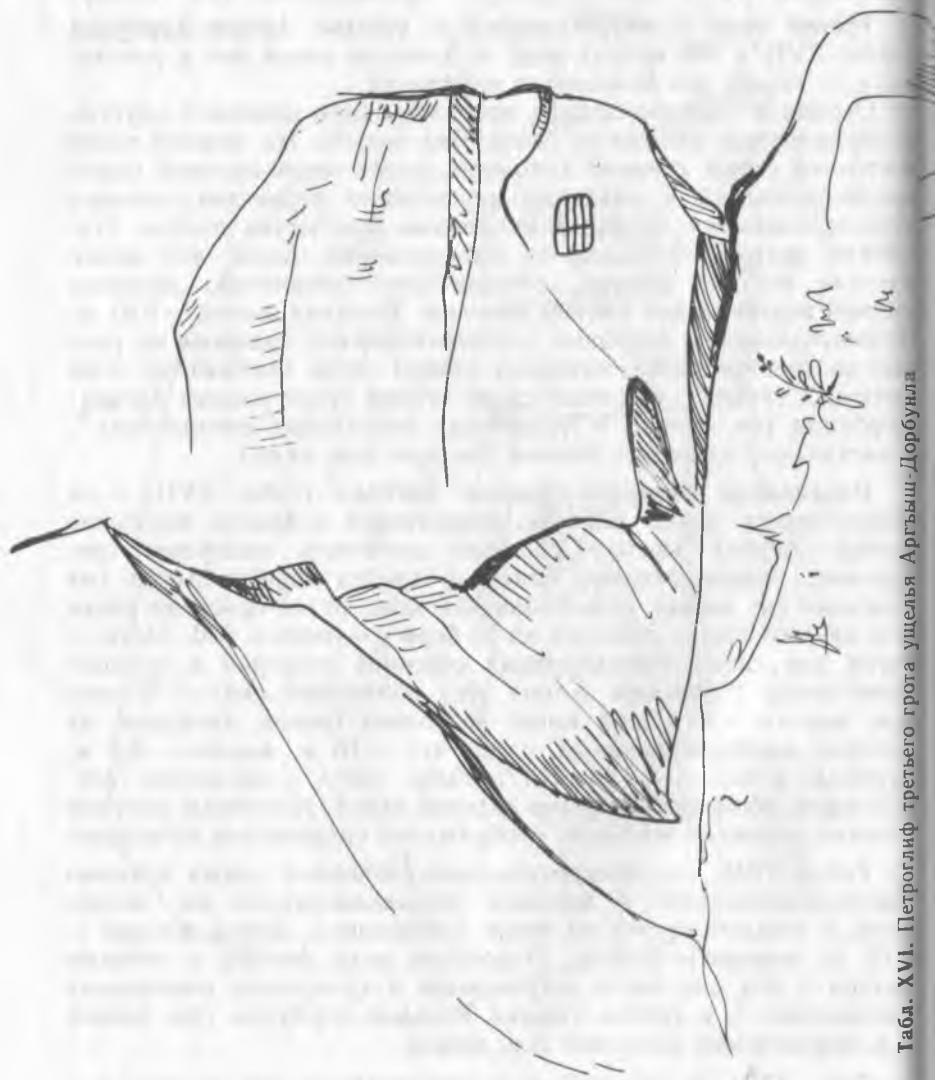

Табл. XVI. Петроглиф третьего грота ущелья Аргъыш-Дорбулла

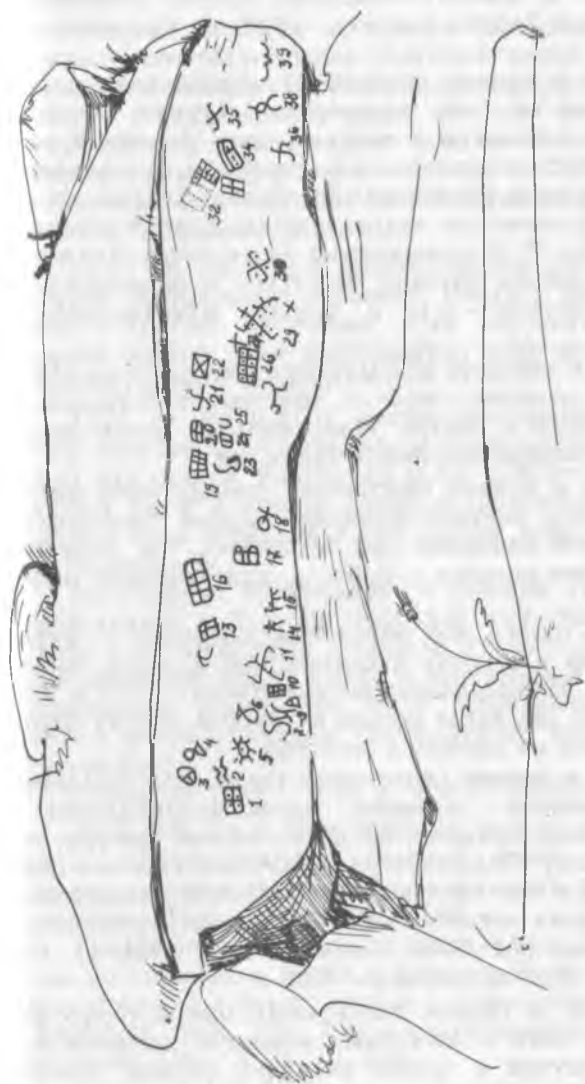

Табл. XVII, 1—39. Наскальная панорама петроглифов ущелья Енгечли

ка — 0,10 м. Эта графема встретилась и в первой надписи грота над источником Боркулдаук (см. выше).

XVII, 3. На 0,14 м южнее — овалный круг с Т-образным изображением внутри. Высота рисунка — 0,06 м, максимальная ширина — 0,04 м.

XVII, 4. На 0,04 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — знак «лежащая на боку восьмерка», верхняя половина которой имеет форму, близкую к треугольнику. Подобный знак очень часто встречается в рунических надписях из Мурфатлар⁸, несколько раз в енисейских рунических надписях;⁹ близкие аналоги встречаются в рунических надписях Надь-Сент-Миклоша¹⁰ и Маяцкого городища¹¹. В клинописных памятниках Ближнего Востока этот знак весьма активно участвует в формировании текстов¹². Длина рисунка — 0,10 м, ширина максимальная — 0,06 м.

XVII, 5. На 0,14 м севернее предыдущего рисунка и на 0,04 м правее (восточнее) второго — круг с десятью отходящими от него лучами и с точкой в центре. Максимальная длина рисунка — 0,10 м, максимальная ширина — такая же.

XVII, 6. На 0,04 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — знак «восьмерка», верхняя половина которой треугольная. Подобный знак в этой панораме уже встречался (см. описание рисунка № 4). Высота рисунка — 0,096 м, максимальная ширина — 0,06 м.

XVII, 7—9. Под только что описанным рисунком — группа знаков, нарисованных в строчку и близко друг к другу, может быть, это — надпись. Максимальная высота строки — 0,12 м, длина — 0,168 м. Первые два знака весьма витиеваты, третий похож на лук со стрелой или на пряжку с язычком.

XVII, 10. На 0,2 м правее (восточнее) только что описанных знаков — четырехугольник, деленный одной вертикальной и двумя горизонтальными прямыми на шесть частей, фигура, похожая на оконную раму. Подобного рода фигуры с точками (пятнышками) в отсеках и без них часто встречаются в хасаутских наскальных могильниках, в гротах ущелья Аргъыш-Дорбулла и в описываемой панораме (см. выше описание табл. XVII, 1). Высота изображения — 0,12 м, ширина — 0,06 м.

XVII, 11. На 0,32 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — Х-образный знак с загнутыми вовнутрь концами и с тремя отростками внутри и одним снаружи, справа. Высота знака — 0,14 м, максимальная ширина — 0,10 м. Х-образный знак с подобными отростками часто встречается в секлерских рунических надписях Трансильвании¹³.

XVII, 12. На 0,10 м южнее только что описанного рисунка —

фигурка в виде латинской строчной буквы *t* с загнутыми вниз концами перекладинки. Высота знака — 0,08 м, максимальная ширина — 0,92 м.

XVII, 13. На 0,04 м, правее (восточнее) предыдущего рисунка — четырехугольник, деленный двумя взаимно перпендикулярными и взаимно пересекающимися прямыми на четыре части, фигура в виде оконной рамы. Близкие аналогии этого рисунка встречались в этой панораме (см. описание табл. XVII, 1, 10), в гротах Аргъыш-Дорбунла, а также в Хасаутском наскальном могильнике (см. описание петроглифов второго и третьего гротов ущелья Аргъыш-Дорбунла).

XVII, 14. На 0,10 м южнее предыдущего рисунка — стилизованное изображение человека. Рисунок весьма схематичен. Голова — круглое пятнышко, руки персонажа раздвинуты, одна короче другой, ноги расставлены, пояс изображения пересекает горизонтальная полоска.

XVII, 15. На 0,02 м, правее (восточнее) только что описанного «человека» — зооморфное изображение с точкой (пятнышком) над спиной. Вытянутая вверх шея, туловище и приподнятый острый хвост отмечены одной непрерывной линией. Просматриваются одна передняя и обе задние ноги. Изображение головы не сохранилось.

Зооморфные изображения с точками (пятнышками) при них встречались в Аргъыш-Дорбунла (см. выше, описание первого грота с петроглифами в ущелье Аргъыш-Дорбунла), в наскальной панораме балки Сутул в верховьях Урупа, а в Хасаутском наскальном могильнике часто встречаются рисунки геометрических фигур с точками (пятнышками) внутри (см. прим. 4 библиографии).

Длина рисунка — 0,10 м, общая высота — 0,08 м.

XVII, 16. На 0,26 м севернее только что описанного рисунка — четырехугольник, деленный одной продольной и тремя пересекающимися ее прямыми линиями на восемь отсеков. Длина рисунка — 0,14 м, ширина — 0,08 м.

Такого рода петроглифы встречались в Хасаутском наскальном могильнике, а также в Аргъыш-Дорбунла (см. выше, описание второго и третьего гротов с петроглифами в ущелье Аргъыш-Дорбунла, табл. XIV; XV) и в этой панораме Енгечли (см. выше, описание табл. XVII, 10, 13).

XVII, 17. На 0,12 м северо-восточнее предыдущего рисунка — фигура, представляющая собой два четырехугольника, один над другим, левый нижний угол первого и левый верхний угол второго соединены прямой линией, другая прямая пересе-

кает оба четырехугольника на пары отсеков. Высота рисунка — 0,18 м, ширина максимальная — 0,14 м.

XVII, 18. На 0,12 м юго-восточнее предыдущего рисунка — оvalsный круг с ручкой в виде прямой полоски, конец которой пересекает другая прямая. Длина рисунка — 0,15 м.

XVII, 19. На 0,48 м правее (восточнее) рисунка № 16 — четырехугольник, деленный тремя прямыми линиями, пересекаемыми четвертой, на восемь отсеков. Длина рисунка — 0,135 м, ширина — 0,105.

Подобного рода петроглифы встречались в данной панораме (см. описание табл. XVII, 1, 10, 13, 16), в Аргъыш-Дорбунла (см. выше, описание второго и третьего гротов с петроглифами в ущелье Аргъыш-Дорбунла), в Хасаутском наскальном могильнике (см. там же).

XVII, 20. На 0,42 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — четырехугольник, деленный взаимно перпендикулярными и взаимно пересекающимися прямыми на четыре отсека. Длина рисунка — 0,105 м, ширина — 0,06 м.

Подобного рода петроглифы встречались в данной панораме (см. описание табл. XVII, 1, 10, 13, 16), в Аргъыш-Дорбунла (см. выше, описание второго и третьего гротов с петроглифами в ущелье Аргъыш-Дорбунла), в Хасаутском наскальном могильнике (см. там же).

XVII, 21. На 0,24 м правее (восточнее) — крест. Высота знака — 0,10 м, ширина — 0,105.

XVII, 22. На 0,21 м правее предыдущего рисунка — параллелограмм с диагоналями. Длина большей стороны — 0,15 м, высота — 0,12 м.

XVII, 23. На 0,12 м южнее рисунка № 19 — ломаная линия.

XVII, 24. На 0,03 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — четырехугольник, деленный пересекающей его прямой линией на два отсека. Длина рисунка — 0,09 м, ширина — 0,075 м. Фигуры в виде четырехугольников, деленных на разные количества отсеков, встречались в данной панораме (см. описания табл. XVII, 1, 10, 13, 16, 19, 20), в Хасаутских наскальных могильниках и в гротах ущелья Аргъыш-Дорбунла (см. описание второго и третьего гротов ущелья Аргъыш-Дорбунла). Но прямая аналогия данного петроглифа — в наскальном могильнике ущелья Гнакызы¹⁴.

XVII, 25. На 0,24 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — фигурка в виде сильно вытянутой буквы О. Высота петроглифа — 0,075 м, ширина — 0,03 м.

XVII, 26. На 0,12 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — четырехугольник, деленный одной продольной и тремя

пересекающими ее линиями на восемь отсеков, в центрах которых — по одному круглому пятнышку. Длина рисунка — 0,33 м, ширина — 0,204 м.

Фигуры в виде четырехугольников, деленных на разные количества отсеков, с точками (пятнышками) и без них, встречались в этой панораме (см. описание табл. XVII, 1, 10, 16, 17, 19, 20, 24), в Аргъыш-Дорбунла (см. описание петроглифов второго и третьего гротов ущелья Аргъыш-Дорбунла), в наскальных могильниках Хасаута (см. там же) и Гнакызы (см. описание табл. XVII, 24 панорамы ущелья Енгечли).

XVII, 27. На 0,045 м южнее левого угла предыдущей фигуры — остаток какого-то неясного изображения.

XVII, 28. У правого северо-восточного угла рисунка № 26 — крест.

XVII, 29. Справа от только что описанного креста — X-образное изображение с загнутыми вправо верхними и загнутыми вовнутрь нижними концами. Верхние концы фигуры пересекают прямые полоски, нижние концы фигуры имеют по одному внешнему и по одному внутреннему отростку. Фигура имеет по бокам по одному пятнышку, внутри нижней половины — четыре пятнышка. Общая высота изображения — 0,165 м, максимальная ширина — 0,13 м. Изображение представляет собой сложную лигатуру рун, основа которой уже встречалась в данной панораме (см. описание табл. XVII, 11), а также в секлерских рунических надписях Трансильвании (см. там же).

XVII, 30. На 0,045 м правее (восточнее) только что описанного рисунка — X-образное изображение с загнутыми наружу концами, имеющее по бокам по одному пятнышку и внутри верхней и нижней половин — также по одному пятнышку. Высота фигуры — 0,09 м, максимальная ширина — 0,105.

Такая графема, имеющая по одной точке внутри верхней и нижней половин, в секлерской рунике Трансильвании читается тй (-т) ¹⁵.

XVII, 31. На 0,04 м южнее рисунка № 29 — остаток какого-то уже неясного, выветрившегося изображения.

XVII, 32. На 0,80 м восточнее рисунка № 22 — четырехугольник, деленный пересекающимися прямыми на много отсеков, имеющих в центрах по одному пятнышку. Левая половина рисунка сильно выветрилась. Длина фигуры — 0,195 м, ширина — 0,16 м.

Петроглифы в виде четырехугольников, деленные на разные количества отсеков, с точками (пятнышками) и без них, встречались в рассматриваемой панораме (см. описание табл. 1, 10, 16, 17, 19, 20, 24, 26), в Аргъыш-Дорбунла (см. описание петрог-

лифов второго и третьего гrotов ущелья Аргъыш-Дорбунла), в наскальных могильниках Хасаута (см. там же) и Гнакызы (см. описание табл. XVII, 24 панорамы ущелья Енгечли).

XVII, 33. На 0,015 м южнее правого южного угла предыдущего рисунка — четырехугольник, деленный двумя взаимно перпендикулярными и взаимно пересекаемыми прямыми на четыре отсека. Высота фигуры — 0,07 м, ширина — 0,045 м. Четырехугольники, деленные на разные количества отсеков, в том числе и на четыре отсека, встречались в данной панораме (см. описание табл. 1, 10, 16, 17, 19, 20, 24, 26, 32), в Аргъыш-Дорбунла (см. описание петроглифов второго и третьего гrotов ущелья Аргъыш-Дорбунла), в наскальных могильниках Хасаута (см. там же) и Гнакызы (см. описание табл. XVII, 24, 33 панорамы ущелья Енгечли).

XVII, 34. На 0,06 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — четырехугольник, пересекаемый одной непрерывной и одной прерывистой линиями. Последний (третий) штрих прерывистой линии пересекает перпендикулярный к нему штрих, образуя крест. Длина фигуры — 0,12 м, ширина — 0,06 м. Четырехугольники, деленные на разные количества отсеков, встречались в данной панораме (см. описание табл. XVII, 1, 10, 16, 17, 19, 20, 24, 26, 32, 33), в Аргъыш-Дорбунла (см. описание петроглифов второго и третьего гrotов ущелья Аргъыш-Дорбунла), в наскальных могильниках Хасаута (см. там же) и Гнакызы (см. описание табл. XVII, 24, 33 панорамы ущелья Енгечли).

XVII, 35. На 0,15 м северо-восточнее предыдущей фигуры — X-образное изображение, верхний правый и нижний левый концы которого загнуты наружу. Высота рисунка — 0,06 м, максимальная ширина — 0,075 м. Близкие аналогии встречались в данной панораме (см. описание табл. XVII, 1, 11, 29, 30), а также в секлерской рунике Трансильвании (см. там же).

XVII, 36. На 0,21 м южнее рисунка № 32 — крестообразное изображение, нижний и верхний концы которого слегка загнуты в противоположные стороны. Высота фигуры — 0,06 м, ширина такая же. Близкие аналогии данного рисунка встречались в рассматриваемой панораме (см. описание табл. XVII, 21, 35). Эта фигура считается древнейшим видом солярного знака.

XVII, 37. На 0,18 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — крестообразная фигура, правый конец которой загнут вниз. Высота знака — 0,75 м, ширина — 0,09 м. Близкие аналогии данного рисунка встречались в рассматриваемой панораме (см. описания фигур №№ 21, 35, 36). Считается древнейшим вариантом солярного знака.

XVII, 38. На 0,18 м северо-восточнее предыдущей фигуры —

рисунок в виде шипцов с пересекающимися верхними концами (с усиками). Длина петроглифа — 0,105 м, средняя ширина — 0,045.

XVII, 39. На 0,10 м правее (восточнее) предыдущего рисунка — зигзагообразная линия длиной в 0,12 м.

Итак, наскальная панорама петроглифов ущелья Енгечли — это четыре десятка рисунков древнего художника и писца. Памятник этот вобрал в себя признаки различных памятников древнего изобразительного искусства, отдельные его рисунки (табл. XVII, 1, 10, 16, 17, 20, 24, 26, 32, 33) находят аналогии в петроглифах наскальных могильников ущелья Хасаут, гротов ущелья Аргъыш-Дорбунла, в писанице ущелья Гнакызы. Точки (пятнышки) в геометрических фигурах и в одном случае при зооморфном изображении сближают этот памятник с наскальной панорамой балки Сутул, с изображениями первого грота ущелья Аргъыш-Дорбунла. В панораме ущелья Енгечли имеются элементы, аналогичные знакам рунической письменности Мурфатлар, Надь-Сент-Миклоша Трансильвании, Енисея, Древнего Ближнего Востока. Наскальная панорама ущелья Енгечли является составной частью развитого раннесредневекового изобразительного искусства северокавказских носителей рунического письма, стало быть, древних болгар.

Первая каменная карта одной из местностей урочища Юй-Орунла (табл. XVIII). Прежде чем начать описание этого памятника, необходимо объяснить, почему мы назвали его картой.

На Бийчесыне и в прилегающих к нему местах эпиграфическая экспедиция КЧНИИ обнаружила три десятка комплексов петроглифов, представляющих собой различные комбинации зигзагообразных канавок, то отдельных, то сливающихся друг с другом, то разветвляющихся, то образующих петли, спирали. Волнистые линии эти зачастую имеют при себе различные рисунки, главным образом, космогонического толка. Большинство этих находок рассмотрено в упоминавшейся выше статье «Петроглифы Бийчесына»¹⁶ и в докладе «Каменные карты местностей Приэльбрусья...», прочитанном на III Всесоюзной конференции востоковедов¹⁷.

Встречающиеся на стенах дольменов Северо-Западного Кавказа эпохи поздней бронзы зигзагообразные узоры, которые назывались некоторыми авторами схематическими картами бассейнов рек, по мнению В. И. Марковина, исследовавшего дольменную культуру, не могут быть приняты как топографические карты, потому что они выступают как составные части орнамента, хотя значение зигзага издревле — «вода», «влага»¹⁸. Рассмотренные нами памятники отличаются от упомянутых изобра-

0 5 10

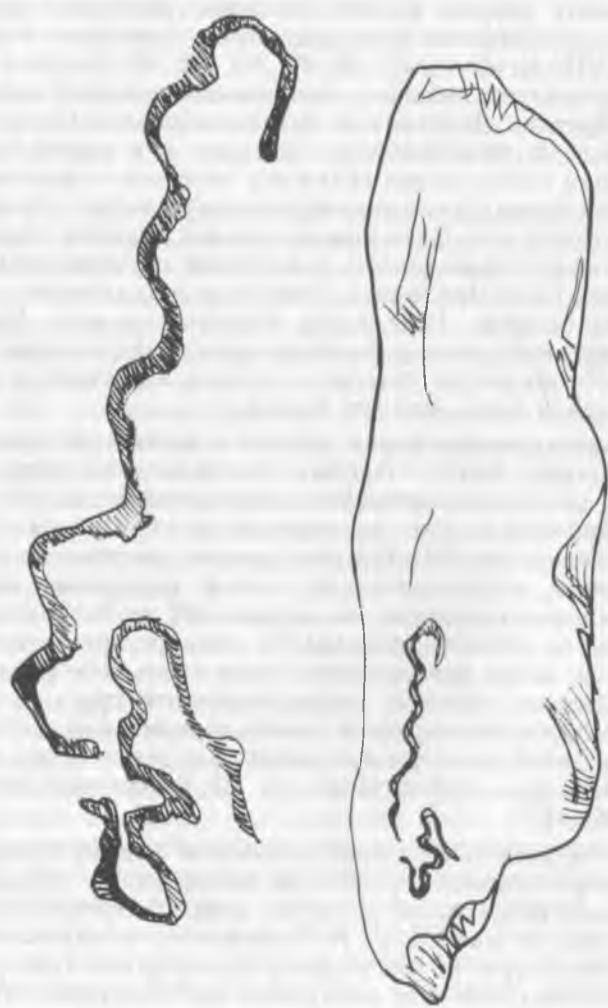

Табл. XVIII. Первая каменная карта одной из местностей урочища Юй-Орунла

жений на дольменах и, судя по их особенностям, являются картами местностей. Особенно показательны в этом отношении изображения третьего и четвертого камней Бийчесына¹⁹. От первого из них хорошо обозреваются все истоки и притоки реки Джалан-Кол, и все они распознаются в изображениях. Балки отмечены упомянутыми выше зигзагообразными канавками, многие участки балок помечены чашечными (полусферообразными) углублениями. На четвертом камне зигзагообразная канавка начинается от чашечного углубления и проходит с севера на юг 1,5 м, впадает в выемку. С восточной стороны зигзага смотрит на нас розетка с семью лепестками, восьмой (нижний) лепесток как бы заполнен канавкой. Похоже на то, что солнце восходит за рекой или ущельем. На западной стороне «ущелья», на 1 м юго-западнее только что упомянутого рисунка, — тот же символ солнца (розетка). Его часть (нижний лепесток) как бы уже скрыта за горизонтом. Символ заходящего солнца здесь смещен на 35 градусов вправо, что обычно прослеживается в период коротких световых дней в природе Приэльбрусья.

Каменные карты местностей Приэльбрусья и прилегающих к нему мест, обнаруженные нашей археолого-эпиграфической экспедицией, созданы по древней северокавказской традиции картографирования. Они напоминают карту-гравюру на серебряной чаше из майкопского кургана. «Ниже края сосуда, на полосе шириной около 3 см изображена горная цепь с двумя возвышающимися на ней вершинами. На одном участке эта цепь разорвана и на этом месте сделаны два дерева, между которыми изображен стоящий на задних лапах медведь. От подножия гор идут две «волнистые» линии в виде змейки, соединяющиеся на дне сосуда и образующие там круг...»²⁰. Н. И. Веселовский полагал, — пишет Р. М. Мунчаев, — что эти волнистые полосы означают реки, берущие начало в горах и при слиянии образующие озеро или пруд... Широко известно мнение о том, что горная цепь, изображенная на описанном сосуде, представляет собой панораму центральной части Большого Кавказа, а возвышающиеся над ней вершины — это не что иное как Эльбрус и Казбек... Однако это мнение едва ли можно признать обоснованным. Пожалуй, с большим основанием можно полагать, что перед нами панорама гор Армении с берущими начало там Тигром и Евфратом»²¹. Николаева Н. А. и Сафронов В. А. в исследовании хронологии и происхождения майкопского искусства пришли к следующему заключению: «Изображения на майкопских сосудах (особенно на I-м) — это воспоминание о той стране, из которой пришел народ-носитель майкопской культуры. Это, действительно, карта, но не Кавказа, как доказывал

Б. В. Фармаковский, а Месопотамии, которую майкопские кочевые племена хорошо знали и исходили от верховья до устья Евфрата и Тигра. В пользу этого предположения свидетельствует характерная излучина левой реки (если смотреть на суд), которая похожа на изгиб, который образует Евфрат. Водный резервуар, где соединяются две реки,— Персидский залив, куда впадают Тигр и Евфрат. Горный ландшафт на сосуде также знаком кочевникам сирийско-месопотамских степей и не может быть кавказским, а должен связываться с первыми горными цепями на север от Междуречья... Не удивительно, что одному из первых вождей, умерших на новой родине, положили такой сосуд — символическую связь со старой родиной»²². Как бы там ни было, ясно одно: речь идет о карте на сосуде из майкопского кургана. Традиции такого картографирования продолжались в Приэльбрусье до позднего времени, о чем свидетельствуют упоминавшиеся наши находки, в том числе петроглифы местности Юй-Орунла, рассматриваемые здесь.

Северный край хребта Харбаз-Сырты, урочище до слияния рек Енгечли и Малка, называют Юй-Орунла (из карачаево-балкарского «Места домов»). Здесь сохранились фундаменты зданий значительного селения. Селище это находится километрах в 6 к северу от описанных выше менгиров хребта Харбаз-Сырты. На южной стороне селища, на склоне безымянного левого притока Малки, в 50 метрах к юго-востоку от дороги, тянувшейся по центру хребта с юга на север, имеются камни с картообразными петроглифами. При более солидных поместьях — камни с более сложными комплексами петроглифов, при малых дворах — менее сложные комплексы изображений.

По словам местных пастухов, селение Юй-Орунла покинуто балкарцами в позднем средневековье. По-видимому, рассматриваемые памятники являлись объектами культовых церемоний балкарцев. В. П. Невская пишет, что «в период язычества каждый тукум («фамилия» — С. Б.) имел свою священную гору — Чоппа-Кая («Скала Чоппы» — С. Б.)»²³. При них имелись жертвенники «Чоппаны-Ташы», которыми, по-видимому, и являются наши находки. Об одном из тех жертвенников записал в 1940 г. Х. О. Лайпанов следующее: «В ауле Учкулан, у «священного камня Чоппаны ташы», с настулением весны собиралось целое общество. Над камнем устраивались подставки из жердей, на которые клали поперечную жердь. Специально для праздника откормленного козленка вешали за ноги на перекладину. Козленка качали за рога, а чаще за уши, чтобы он громко кричал. Было поверье: чем сильнее козленок кричит, тем угоднее божеству. Праздник начинался молитвой старика, выполняв-

Табл. XIX. Вторая каменная карта одной из местностей урочища Юй-Оруйла

шего обязанности жреца. В молитве старик просил божество даровать людям скот и обеспечить всякими другими благополучиями в жизни»²⁴. Камни-жертвенники украшались, разумеется, различными рисунками языческого религиозного толка, в том числе и рисунками общинной священной земли-воды, божеству которой приносились жертвы.

Первая каменная карта одной из местностей урочища Юй-Орунла — в 50 метрах к юго-востоку от упоминавшейся выше дороги. Длина камня — 5,4 м, ширина — 1,4 м. На поверхности камня — две зигзагообразных линии, занимающие полосу шириной в 0,30 м. Правая (южная) линия (табл. XVII, 1) сильно петляющая, имеет длину (по прямой) в 0,25 м, ширину канавки — 0,02 м, глубина такая же. Левая (северная) зигзагообразная линия имеет длину (также по прямой) в 0,75 м, ширина канавки — 0,02 м, глубина такая же.

Вторая каменная карта местности Юй-Орунла (табл. XIX) — в метрах 30 к востоку от предыдущего памятника по тому же уровню склона. Камень расположен по оси СВ-ЮЗ. Длина камня — 3,90 м, максимальная ширина — 1,20 м, высота, от световой поверхности земли, под склоном — 0,75 м. На северном краю поверхности камня — чашечное углубление диаметром в 0,05 м и глубиной в 0,02 м. От него начинается зигзагообразная линия, как река с определенного источника. Длина зигзагообразной линии, по прямой, — 0,60 м.

Третья каменная карта местности Юй-Орунла (табл. XX) — метрах в 100 к востоку от предыдущего. Камень неправильной формы. Максимальная длина его — 3,20 м, максимальная ширина 1,75 м. Высота, со стороны склона, от световой поверхности земли, — 0,20 м. Камень той же породы. Имеет на поверхности множество чашечных углублений и зигзагообразных линий, описываемых ниже.

XX,1. В юго-западном углу поверхности камня — чашечное углубление диаметром в 0,10 м. и глубиной в 0,03 м.

XX,2. На 0,03 м. ниже и правее только что отмеченной фигуры — такое же чашечное углубление, от которого начинается и проходит вниз зигзагообразная линия длиной, по прямой, в 0,85 м, шириной по поверхности, — 0,04 м и глубиной в 0,02 м. Она присоединяется в южном краю камня к выемке, может быть, естественного образования. Диаметр выемки — 0,35 м, глубина — 0,10 м.

XX,3. На 0,25 м северо-восточнее первого чашечного углубления — 4 таких же, расположенных в ряд. Диаметр первого из них — 0,08 м, второго — 0,05 м, третьего — 0,06 м, четвертого — 0,04 м. Глубина первого из этих чашечных углублений — 0,04 м,

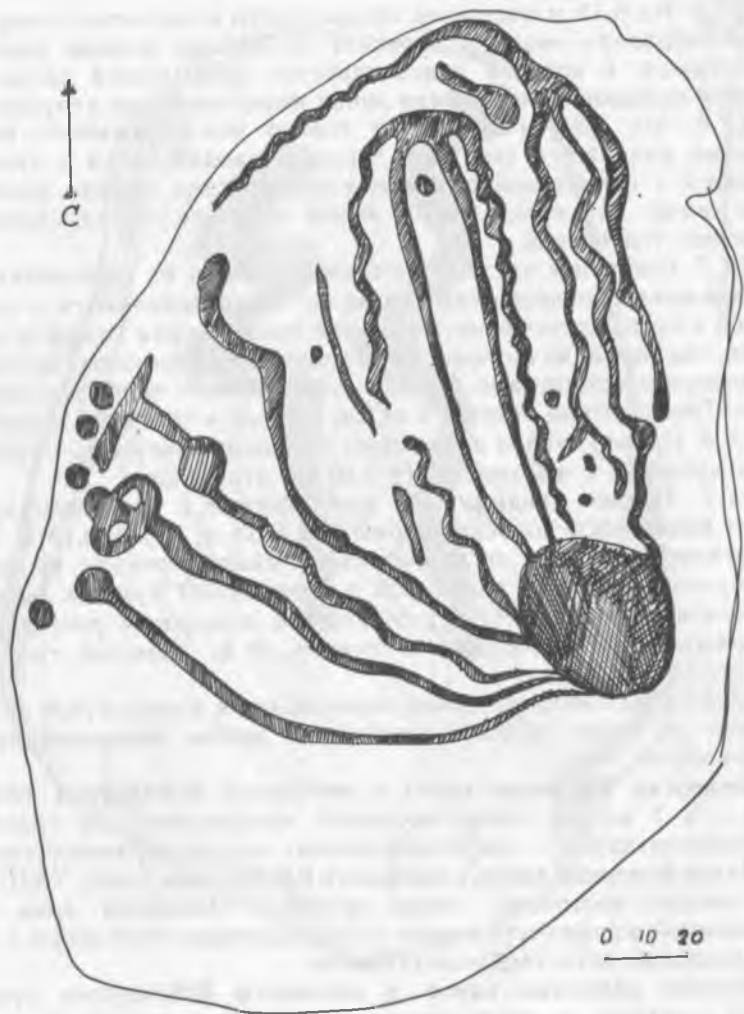

Табл. XX. Третья каменная карта одной из местностей урочища Юй-Орунла

второго — 0,03, третьего — 0,03 м, четвертого — 0,15 м.

XX,4. Южнее первого чашечного углубления, отмеченного в предыдущем пункте, — такая же выемка, от которой начинается и проходит зигзагообразная линия до выемки в южном краю камня. В верхней части этот зигзаг пересекает овальный круг.

XX,5. На 0,12 м восточнее предыдущего начинается такая же зигзагообразная линия и проходит до той же выемки южного края камня, к которой присоединяется предыдущий зигзаг. В верхней половине описываемая линия имеет чашечное углубление.

XX,6. На 0,24 м восточнее только что описанного изображения начинается такая же зигзагообразная линия и присоединяется к отмеченной в предыдущих пунктах выемке южного края камня. Эта «река» имеет левый «приток». Между ними — чашечное углубление.

XX,7. Восточнее предыдущего изображения от горизонтальной расположенной полоски тянутся на юг и присоединяются к отмеченной в предыдущих пунктах выемке южного края камня четыре линии, наружные из которых имеют множество зигзагов, внутренние относительно прямые. Между последними — чашечное углубление. Такая выемка имеется и между третьей и четвертой линиями.

XX,8. Правее начала описанного только что рисунка — чашечное углубление с небольшим (в 0,09 м) отростком.

XX,9. Правее предыдущего изображения с северного края камня начинается полоска шириной в 0,03 м, через 0,12 м она разветвляется на три зигзагообразных линии, средняя из которых присоединяется к указанной в предыдущих пунктах выемке южного края камня. Между только что описанным рисунком и изображением, отмеченным в пункте № 8, имеются три чашечных углубления.

XX,10. Над изображениями, описанными в пунктах №№ 5—8, тянется по краю камня с запада на восток зигзагообразное изображение.

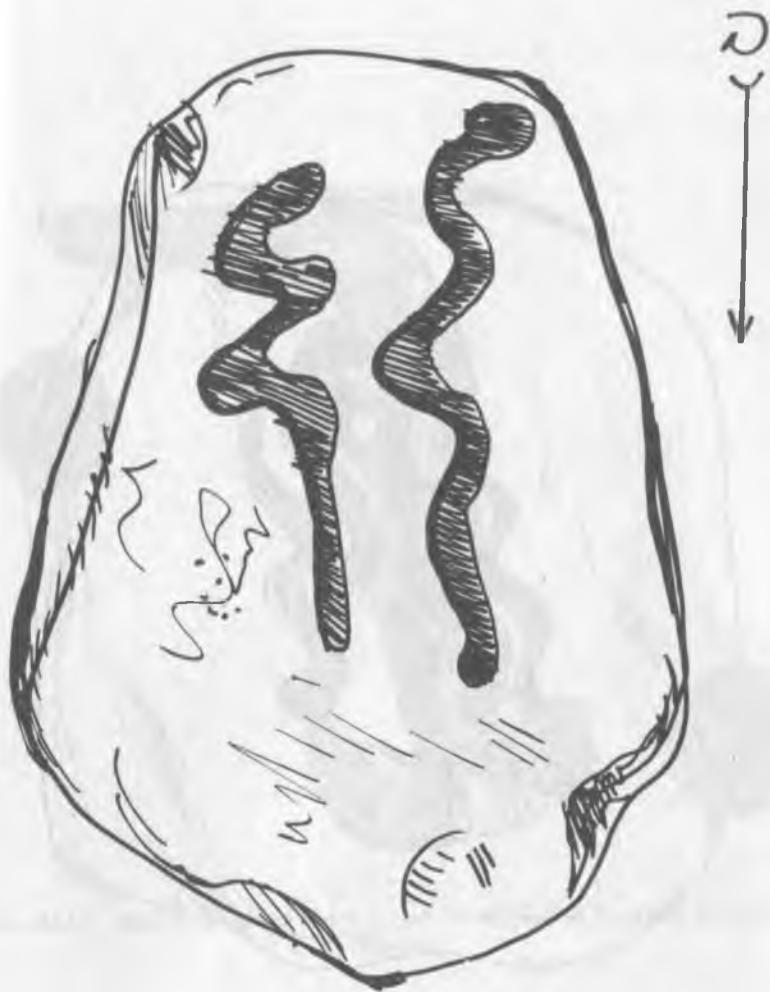
Четвертая каменная карта в местности Юй-Орунла (табл. XXI) — в 7 метрах северо-восточней предыдущей. На гладкой поверхности камня — две параллельных зигзагообразных линии.

Пятая каменная карта в местности Юй-Орунла (табл. XXII) — в 8 метрах восточнее, около остатков основания дома, на обнаженной поверхности камня — три чашечных углубления и три параллельных зигзагообразных линии.

Шестая каменная карта в местности Юй-Орунла (табл. XXIII) — рядом с предыдущим памятником зигзагообразная линия и два чашечных углубления на поверхности камня, основная часть которого в земле.

Символ божества охоты в местности Юй-Орунла (табл. XXIV) — в 30 метрах к юго-западу от предыдущего памятника. На поверхности камня, основная часть которого в земле, — изображение козла и креста, древнейшего соляного знака.

Вышеописанные памятники являются новым, важным материалом для изучения прошлого края.

XXI. Четвертая каменная карта одной из местностей урочища Юй-Орунла

Табл. XXII. Пятая каменная карта одной из местностей урочища Юй-Орунла

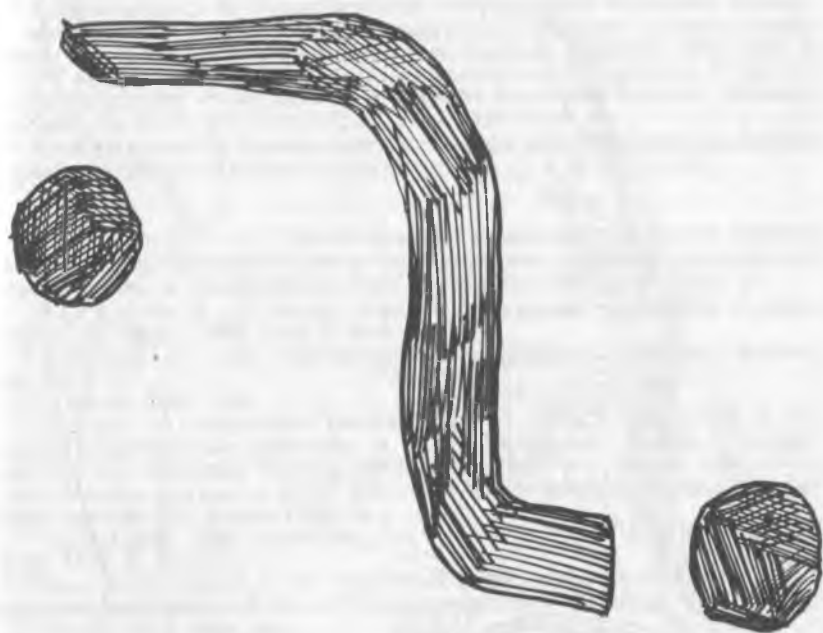

Табл. XXIII. Шестая каменная карта одной из местностей урочища Юй-Орунла

Табл. XXIV. Символ божества охоты в местности Юй-Орунла

- ¹ Байчоров С. Я. Петроглифы Бийчесына (Разведки археолого-эпиграфической экспедиции 1985 г.)// Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа.— Черкесск, 1988, с. 96—97.
- ² Там же, с. 98—100, табл. 1.
- ³ Федоров Я. А., Эльканов У. Ю. Раннесредневековые памятники Верхнего Прикубанья//Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 71.
- ⁴ Байчоров С. Я. Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубанско-Терского междуречья//Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1983, табл. 2, 4, 8; его же: Наскальная панорама раннесредневекового художника и писца// Вопросы археологии и традиционной этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987, табл. III, 6, 10, 17, 18, 28, 32, 33, 37, 39, 40, 45, 46.
- ⁵ Байчоров С. Я. Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубанско-Терского междуречья, табл. 2, 4, 8, 10, 11, 28.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волго-донскому и дунайскому ареалам. Ставрополь, 1989, табл. 105—110.
- ⁹ Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея.— Л.: Наука, 1983, табл. Е 2, Е 49, Е 94.
- ¹⁰ Байчоров С. Я. Древнетюркские рунические памятники Европы, табл. 88.
- ¹¹ Там же, Табл. 118.
- ¹² Deimel A. Sumerisches Lexikon Heft 1—6, Roma 1, 1927—1932, S. 137; Эламские хозяйственные документы из Суз. Транскрипции, перевод и комментарий Ю. Б. Юсифова//Вестник древней истории. М.: Наука, 1963, № 3, с. 254; Меликишвили Г. А. Урартские клинообразные надписи//Вестник древней истории. М.: Наука, 1953, № 1, с. 254.
- ¹³ Nemeth J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos.— Leipzig, 1932, S. 69, 77.
- ¹⁴ См. Байчоров С. Я. Протобулгарские эпиграфические памятники наскальных могильников Кубанско-Терского междуречья, табл. 28, 8.
- ¹⁵ Nemeth J. Указ. раб., с. 72.
- ¹⁶ См. Байчоров С. Я. Петроглифы Бийчесына.
- ¹⁷ Байчоров С. Я. Каменные карты местностей Приэльбрусья как источник древних месопотамско-северокавказских этнокультурных связей//III Всесоюзная конференция востоковедов «Взаимодействие и взаимовлияние цивилизаций и культур на Востоке»: Тезисы докладов и сообщений (Душанбе, 16—18 мая 1988 г) Т. 1., М.: Наука, 1988. С. 4—6.
- ¹⁸ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа.— М.: Наука, 1978, с. 215—216.
- ¹⁹ Байчоров С. Я. Петроглифы Бийчесына, табл. III, IV.
- ²⁰ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века.— М.: Наука, 1975, с. 218.
- ²¹ Мунчаев Р. М. Указ. раб., с. 218.
- ²² Николаева Н. А., Сафронов В. А. Хронология и происхождение майкопского искусства//Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982, с. 48.
- ²³ Невская В. П. Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX веке//Из истории Карачаево-Черкесии: Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института. Вып. VI. Серия историческая.— Ставрополь, 1970, с. 185.
- ²⁴ Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев.— Черкесск, 1957, с. 39.

НАХОДКИ СЛАВЯНО-РУССКОГО ОБЛИКА X—XV вв. НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

(К вопросу о северокавказско-русских связях в эпоху средневековья).

Проблема взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в эпоху раннего и позднего средневековья неоднократно ставилась в трудах русских и советских ученых.

В советской литературе имеются и публикации памятников (в частности, вещевых) славяно-русского происхождения X—XV вв. обнаруженных на Северном Кавказе¹. В меньшей степени ставился вопрос о том, каким образом попадали русские вещи на Северный Кавказ.

Целью настоящей статьи является не только перечисление древнерусских материалов X—XV вв., зафиксированных на Северном Кавказе, но и выяснение причин возникновения этих памятников в данном регионе и определение путей проникновения памятников на Северный Кавказ — в том случае, если речь идет о вещевых находках.

Назовем славяно-русские памятники X—XV вв., известные в настоящее время на Северном Кавказе.

На Азовском побережье, в районе Золотой Косы, найдена каменная иконка второй половины XI в. или начала XII в. с древнерусскими надписями. А. В. Гадло считает, что иконка сделана русским мастером в пределах Тмутараканского княжества².

Находки древнерусских памятников, в том числе вещей, имеются в Краснодарском крае.

Значительно количество их обнаружено на Таманском полуострове, в частности, на Таманском городище, где располагалась русская Тмутаракань.

На Таманском городище работала экспедиция ГАИМК (1930—1931 г), под руководством А. А. Миллера, экспедиция ИИМК АН СССР (1952—1955 гг.) под руководством Б. А. Рыбакова. Из работ последних лет назовем исследования Тмутараканской экспедиции, которая производит здесь раскопки ежегодно, начиная с 1982 г. (ГМИИ КГИАМЗ, Таманский отдел, руководитель О. В. Богословский)³. Нижние слои копает А. К. Коровина.

Материалы этих экспедиций не опубликованы. По работам 1952—1955 гг. имеется лишь сборник «Керамика и стекло древней Тмутаракани»⁴, а также отдельные статьи, например, статья С. И. Финогеновой⁵.

О работах последних лет на Таманском полуострове, проводивших изучение памятников тмутараканского времени, напечатаны только краткие отчеты⁶.

В 1952—1955 гг. экспедициями, возглавляемыми Б. А. Рыбаковым, в русском слое Таманского городища обнаружена мощная стена, возведенная из кирпича-сырца, выявлена планировка городища, улиц и переулков, зафиксирован некрополь, найдены русские церкви — церковь X в. и церковь 1023 г., построенная князем Мстиславом Тмутараканским. В остатках фундамента каменной церкви X в. и в строительном мусоре церкви XI в. встречены расчетные квадранты древних зодчих, сделанные на черепице и каменных плитах. Квадранты из первой церкви рассчитаны в византийских мерах, квадранты второй — в русских, тмутараканских мерах⁷.

В русских слоях Таманского городища найдены жернова, пряслица, в том числе овручские XI века, из розового шифера.

Найден камень-балласт, александрийский гранит, который добывался под Киевом⁸.

Керамикой Таманского городища занималась С. А. Плетнева. Она отметила, что в X—XI вв. в Тмутаракани работали русские гончарные мастерские. Керамика древнерусского типа, найденная на Таманском городище, датируется, начиная с конца X в. Орнамент на славянских горшках не сплошной, как на салтовских, а всего одна или несколько линий и волн на плечиках сосудов. Наносился орнамент на славяно-русских сосудах не зубчатым штампом, в заостренном конце плоской палочки, шириной 1,5—3 мм. Аналогии славяно-русских сосудов, найденные в Таманском городище, имеются в керамике Киева, Чернигова, Белой Вежи. Найдены и глиняные сковородки, которые С. А. Плетнева считает характерными именно для славян. Но здесь надо заметить, что глиняные сковородки встречаются и на не славянских городищах (Верхний Джулат в Северной Осетии, Хумаринское городище в Карачаево-Черкесии). Русские горшки и миски на Таманском городище в основном попадались там, где были русские постройки — фундаменты церкви и сырцовые стены, сооруженные князем Мстиславом Тмутараканским⁹.

Поливная керамика в русский период существования города немногочисленна¹⁰.

Стеклянные браслеты — очень частая находка на городище. Браслеты появляются в IX в. В X—XI вв. число браслетов резко увеличивается, причем максимум приходится на XI в. А в X—XI вв. они были очень модны в этих местах. В мастерских Тмутаракани по производству стеклянных браслетов работали византийские, и, возможно, русские мастера. Стеклянные

браслеты использовались не только в самой Тмутаракани, но и вывозились за ее пределы — в Херсонес, Белую Вежу и другие места. Местные браслеты — плоско-выпуклые, как правило, с одним валиком. Цвет — синий, желтый, фиолетовый, с росписью и без нее. Они покрыты иризацией и по своему химическому составу относятся к группе натриево-кальциевых кремнеземных стекол. Технология стекловарения и техника нанесения орнамента высокие ¹¹.

В осыпях Таманского городища обнаружены три русские серебряные монеты, относящиеся по стилю к XI—XII вв. На одной стороне имеется изображение архангела Михаила, на другой — четырехстрочная славянская надпись «Господи, помоги Михаилу».

На Таманском полуострове найдены свинцовые печати с надписями «от Ратибора», свинцовая печать жены князя Олега Феофано Музалон, каменный образец с резной фигурой и надписью «Давид-Глеб», налучие с тамгой Рюриковичей (тамга Мстислава) ¹².

В могилах встречены бусы, перстни XI—XII вв. Такие же вещи происходят из Приднепровья ¹³. В 1870 г. А. Е. Люценко на Таманском полуострове у Лысой Горы вскрыл погребения в каменных гробницах. Найдены медные, серебряные и золотые украшения, а том числе золотые серьги, бронзовые височные кольца с заходящими друг на друга концами, медный и серебряный крестики, бронзовые пуговицы-бубенчики и другие вещи славяно-русского облика XI—XII вв. Предметы эти подобны найденным в Киевской Руси ¹⁴.

В Патрее (на северном берегу Таманского залива) встречались глиняные корчаги. Некоторые исследователи считают их славяно-русскими ¹⁵. А. С. Башкиров публикует несколько глиняных яйцевидных сосудов из серой глины, происходящих из Патрея — под рубрикой славяно-русских ¹⁶. А. Л. Монгайт опровергает древнерусскую принадлежность этих сосудов ¹⁷. Действительно, подобные яйцевидные сосуды чрезвычайно характерны для аланских памятников, в частности, для памятников Карачаево-Черкесии.

Ю. С. Крушкол считает, что в Патрее, а также в Фанагории (на месте ст. Сенной) было русское население ¹⁸.

Следует упомянуть и о знаменитом Тмутараканском камне 1068 г., на котором есть славяно-русская надпись «Глеб князь мерил море от Тмутаракани до Корчева — 14.000 сажень». Эта находка окончательно установила тождество Тмутаракани и современной Тамани, находящейся в 14.000 сажень от Керчи-Корчева ¹⁹.

Есть находки древнерусских предметов и в Восточном

Причерноморье. Это крест-тельник из беловатого сплава из Мысхако, подобный крестам XI—XII в., встреченным в Центральной России²⁰, яйцевидная глиняная бусина из Натухайской, аналогичная глиняным поливным яйцам, обнаруженным на левобережном Цимлянском городище, в Киеве, Каневе, на Черниговщине²¹, серебряные серьги из вставок бирюзы также из Натухайской²². Как отмечает А. Л. Монгайт, в курганах X—XI вв., вскрытых А. А. Миллером, В. И. Сизовым, А. А. Спицыным в Мысхако, в бывшей усадьбе Пенчула, в Туапсе обнаружены предметы, сходные с найденными в славянских курганах X—XII вв. — бубенцы, колокольчики, наконечники стрел, кресты и др.²³.

На левобережье Нижней и Средней Кубани экспедиция В. А. Городцова исследовала ряд поселений, в том числе селища у аула Тлюстенхабль (левобережье Средней Кубани). А. В. Городцов датирует это поселение X—XI вв. и отмечает, что на нем, среди прочей керамики, найдены обломки керамики славянского типа²⁴. По мнению А. Л. Монгайта, только один фрагмент сосуда с Тлюстенхабльского селища имеет славянский облик²⁵.

У Махошевской (в верховьях реки Фарс, восточнее Майкопа) найден медный крест-энколпион²⁶. В. А. Кузнецов такие энколпионы суммарно датирует XI—XII вв. и считает их древнерусскими по происхождению²⁷.

В нижнем течении Кубани в 1912 г. была найдена свинцовая печать с греческой надписью, в которой было имя тмутараканского князя Олега-Михаила Святославича²⁸.

В кургане у хутора Суповского найден серебряный ковш. На этом ковше есть славянская надпись, которую Б. А. Рыбаков датирует XIV в. Из надписи явствует, что ковш принадлежал некоему Дмитрию Круждовичу. Как полагает Б. А. Рыбаков, ковш попал на Северный Кавказ из Литвы. Может быть, этот ковш был добычей адыгского воина, принимавшего участие в походе татар в Литву. Но возможно также, что ковш попал на Северо-Западный Кавказ и другим путем, например, в результате обмена с русскими²⁹.

А. П. Смирнов увидел славянскую керамику в собрании Краснодарского музея — из селищ «Восточный Пахарь», Прочноокопского № 1, селища у Корсаковой Балки. Этот автор считает, что кремационные погребения Убинского могильника (на берегу Шапсугского водохранилища) X—XV вв. могли быть славянскими³⁰. А. Л. Монгайт отвергает эту точку зрения А. П. Смирнова³¹. Коллекции из названных памятников были изучены мною во время работы в Краснодарском музее. Славянской керамики в этих материалах не нашла. По моему мнению, эти памятники

адыгские, а кремационные захоронения — протоабазинские ³².

Переходим к памятникам Ставропольского края. В Ставропольском музее краеведения хранится большой каменный крест, стоявший ранее на берегу реки Егорлык около села Преградного (Красногвардейский район Ставропольского края). На кресте имеется славяно-русская надпись, которая датируется первой половиной XI в. ³³.

В районе города Пятигорска обнаружен бронзовый литой наперстный крест с двусторонним изображением. В. А. Кузнецов, опубликовавший и описавший этот крест, считает его древнерусским и датирует XIII—XV вв. ³⁴. М. Д. Полубояринова относит его к более поздней дате — XV—XVI вв. ³⁵.

Еще один древнерусский предмет публикует В. А. Кузнецов — бронзовый литой змеевик с двусторонним изображением, найденный между Рим-Горой и «Красивым Курганом» в окрестностях Кисловодска. Он датирует эту находку XI—XIII вв. ³⁶. М. Д. Полубояринова относит змеевик к XIII в. ³⁷. Из окрестностей Кисловодска происходит энколпион с изображением святого Георгия на коне ³⁸.

На реке Куме, близ города Прикумска-Буденовска, расположено городище Маджары XIII—XIV вв. Здесь найден бронзовый крест-энколпион с обратной надписью. Э. В. Ртвеладзе опубликовал створку этого энколпиона ³⁹. А. П. Рунич нашел другую створку этого энколпиона ⁴⁰. В. А. Кузнецов считает этот энколпион древнерусским ⁴¹.

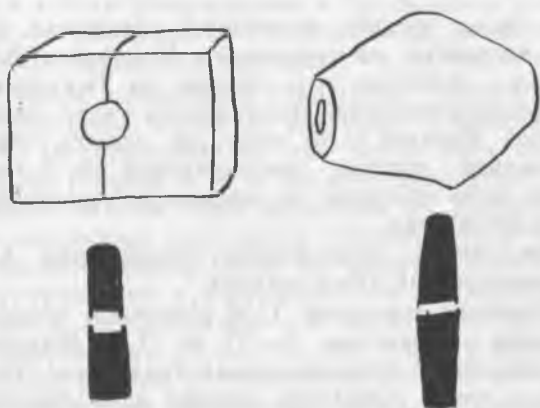
В Маджарах найдена псковская денга XV в. ⁴². Р. М. Булатов обнаружил русское влияние на керамическое ремесло Маджар. Так, при изготовлении поливной керамики маджарцы употребляли калиево-свинцовые кремнеземные поливы. Кремнеземные поливы характерны для русского керамического производства еще с домонгольского времени ⁴³.

Сравнительно большое количество древнерусских предметов обнаружено в юго-западной части Ставропольского края — в Карачаево-Черкесии. В КЧАО найдены бронзовые или медные нательные кресты-складни-энколпионы. Один из них обнаружен в Карачаевске, второй — на городище Адиях напротив сел. Хабез и два энколпиона — в церкви № 6 Нижне-Архызского городища. Эти энколпионы изданы В. А. Кузнецовым ⁴⁴.

Энколпион из Карачаевска близок целой серии энколпионов, датируемых XII—XIII вв. ⁴⁵.

Экземпляр из Адиях сходен с энколпионами, происходящими из киевской землянки XIII, погибшей в 1240 г. Эти киевские энкол-

пионы относятся к началу XIII в., что может служить ориентировочной датой для креста из Адиух⁴⁶. Т. М. Минаева, нашедшая адиухский энколпион, сопоставляет его с херсонскими и добавляет, что такие энколпионы весьма часто встречаются в развалинах древнерусских городов домонгольского периода в слоях XI—XII вв.⁴⁷

Жако. Могильник X века. Могила 10
Раскопки Е. П. Алексеевой, 1953 год
Янтарные бусины. Увеличено в 2 раза

Нижне-Архызский энколпион с чернью В. А. Кузнецов датирует второй половиной XII в. Оба ниже-архызских энколпиона находят абсолютные аналогии в русских древностях: первый в Херсонесе (оба отлиты в одной литейной форме), второй — на городище Княжа-Гора в Киевской области⁴⁸.

М. Д. Полубояринова относит ниже-архызские энколпионы не ко второй половине XII в., как это делает В. А. Кузнецов, а к первой половине XIII в.⁴⁹ Важно то, что оба эти энколпиона относятся к домонгольскому времени⁵⁰.

Суммарная дата энколпионов, происходящих с территории Карачаево-Черкесии, определяется В. А. Кузнецовым как XI—XIII вв.⁵¹

Б. А. Рыбаков считает, что энколпионы занесены на Северный Кавказ русскими людьми, которые были в плену у татаро-монголов⁵². Нижне-Архызские энколпионы с русскими пленниками татаро-монголов связывать нельзя. Следовательно,— заключает В. А. Кузнецов,— речь может идти о связях Западной Алании с Русью, либо о пребывании русских людей в Нижнем Архызе⁵³.

Может быть, русские энколпионы попадали на Северный Кавказ, в частности, на территорию Карачаево-Черкесии, и из Тмутаракани — известно, что русские из Тмутаракани способствовали распространению христианства среди населения Северо-Западного Кавказа — об этом мы скажем ниже. Нижняя дата бытования крестов, предложенная В. А. Кузнецовым,— XI в. А эта дата совпадает со временем существования Тмутараканского княжества.

На Рим-Горе в катакомбном захоронении XII—XIII вв. найден древнерусский крест-тельник⁵⁴.

На Кубинском городище Т. М. Минаевой обнаружена бронзовая пряжка — сьюльгама, X—XI вв. Т. М. Минаева сопоставляет эту сьюльгаму с древнерусскими пряжками. «Не случайно,— пишет она,— время появления пряжки на Кубинском городище совпадает с образованием Тмутараканского княжества на Тамани и укреплением славянского населения на Нижнем Дону после похода Святослава (X век)»⁵⁵.

В катакомбах Рим-Горы найдены янтарные бусы, происходящие, по мнению А. П. Рунича и Н. Н. Михайлова, из Приднепровья. Янтарные бусы обнаружены и на городищах Карачаево-Черкесии, в частности, на Нижне-Архызском⁵⁶.

В 1953 г. нами был раскопан могильник X века в ауле Жако. В погребении 10 этого могильника находились две янтарные бусины: плоская ромбическая шестигранная и плоская прямоугольная шестигранная⁵⁷.

Янтарные бусы интересующего нас времени найдены и в других могильниках Карачаево-Черкесии. Возможно, эти бусы приднепровского происхождения. Изделия из днепровского янтара могли попасть на Северный Кавказ из Руси⁵⁸.

На территории Карачаево-Черкесии найдены цветные стеклянные браслеты X—XIII вв.— на поселениях в обломках, а в могильниках иногда и целые экземпляры. Как правило, браслеты в сечении круглые, треугольные, плоскоовальные и плоские. Следов спайки не видно. Чаще же место спайки декоративно

оформлено — в виде овального или сердцевидного наплыва или овального углубления. Встречаются браслеты ложновитые или рубчатые. Преобладают синий или черный цвет, но бывают браслеты и желтые, коричневые, зеленые и рубиновые.

Сводка памятников Карачаево-Черкесии, где содержатся стеклянные браслеты, дана нами в монографии⁵⁹.

Здесь же отметим, что наибольшее количество стеклянных браслетов обнаружено в поселениях и могильниках у сел Нижняя Теберда и в Усть-Тебердинском и Дардонском могильниках, находящихся у г. Карачаевска⁶⁰. Стеклянные браслеты найдены также на Нижне-Архызском городище⁶¹ и на Рим-Горе⁶².

Большая часть стеклянных браслетов, обнаруженных на территории Карачаево-Черкесии, очевидно, закавказского происхождения⁶³. Но некоторые из них могли быть получены от русских. Так, А. П. Рунич и Н. Н. Михайлов полагают, что браслеты, найденные на Рим-Горе, привезены из Киевской Руси⁶⁴. Может быть, некоторые стеклянные браслеты из КЧАО тмутараканского происхождения. Выше мы говорили, что стеклянные браслеты, изготовленные в тмутараканских мастерских, вывозились за пределы Тмутаракании — в Херсонес и Белую Вежу. Нет ничего невероятного в том, что они могли вывозиться и на Северо-Западный Кавказ. В памятниках Карачаево-Черкесии, в частности, в Сентинских могильниках, найдены плосковыпуклые браслеты, подобные происходящим из Тмутаракани. Но к сожалению, химического анализа стеклянных браслетов из Карачаево-Черкесии произведено не было. А только такой анализ может сказать о тождестве или различии карачаево-черкесских стеклянных браслетов и тмутараканских.

Упомянем еще о некоторых памятниках, которые исследователи связывают с древнерусской культурой.

Описывая Сентинский храм, В. И. Марковин ссылается на статью епископа Владимира, который пишет, что Богоматерь в алтаре Сентинского храма напоминает образ так называемой «Нерушимой стены», мозаику в Софии Киевской⁶⁵.

Е. Г. Пчелина пишет о том, что в 1946 г. вблизи слияния рек Шиш и Архыз в истоках Большого Зеленчука она нашла два свалившихся придорожных каменных столба (плиты) с надписями. Плиты находились, как отмечает Е. Г. Пчелина, «на древней тропе, которая вела некогда к Тмутаракани». Путь этот пролегал через перевал в хребте Абишира Ахуба и спускался к нижнему течению Кубани по Большой Лабе. Г. Ф. Турчанинов высказал мнение, что представленные надписи сделаны глаголицей. Е. Г. Пчелина также считает, эти надписи славянскими

и полагает, что в Закубанье могут быть обнаружены и другие плиты со славянскими надписями⁶⁶.

Специалисты не разделяют мнения этих исследователей о вышесказанном⁶⁷.

Но сама мысль о том, что жители верховьев Кубани и Зеленчуков имели какие-то связи с Тмутараканью, кажется нам справедливой.

Несколько памятников славяно-русского происхождения обнаружено в Кабардино-Балкарии. В окрестностях г. Нальчика найдено железное навершие в виде княжеского герба, аналогичное «знакам Рюриковичей» X в.⁶⁸. У села Кудинетово близ Нальчика найден бронзовый энколпион с обратными надписями, точные аналогии которому имеются в киевских древностях⁶⁹. Из этого же селения происходит бронзовая литая нагрудная иконка, находящая аналогии в киевских древностях XIII в.⁷⁰. У Каменноостского найден энколпион древнерусского происхождения, состоящий из двух половинок⁷¹.

В Северной Осетии в Змейском катакомбном могильнике найдены два креста-тельника XI в. древнерусского происхождения и янтарные бусы, которые попали сюда, очевидно, из славяно-русского Поднепровья⁷².

Как пишет Б. В. Скитский, ссылаясь на Н. Е. Бранденбурга, в стилистических особенностях фресок церкви села Нузал заметно влияние искусства Древней Руси XII в. Это влияние видно, например, в цветовых гаммах фресок Нузальской церкви с изображением коня святого Георгия, сходных с цветовыми гаммами древнерусских фресок храма в Старой Ладоге⁷³.

На городище Верхний Джулат отрядом экспедиции СКАЭ, возглавляемым О. В. Милорадович, открыта кирпичная церковь. Е. И. Крупнов датирует ее XII в. и отмечает, что «по архитектурным особенностям храма устанавливается его опосредствованная связь через Тмутараканскую Русь с зодчеством Киевской Руси»⁷⁴.

В завале церкви обнаружен квадратный кирпич с процарапанным изображением вавилоня (расчетной таблицы древнерусских зодчих). Вавилоня найдены в памятниках IX—XIII вв. в Саркеле, древней Тмутаракани, на Старо-Рязанском городище и в Болгарии (в Преславе и в Плиске). Вавилон был изображен еще на одном обломке кирпича, происходящего из завала Верхне-Джулатской церкви. В храме обнаружено также яйцо из розового мрамора с просверленным продольным цилиндрическим отверстием. Это — кистень или болас. Такой же кистень найден в Саркеле — Белой Веже. На нем изображен княжеский знак. Применялись в Древней Руси в X—XIV вв. При раскопках

Верхне-Джулатского храма попадалась черепица с прямыми бортиками, украшенная полушаровидными выступами и крестами, аналогичная образцам из Полоцка и Херсонеса⁷⁵.

Е. И. Крупнов приводит аналогии Верхне-Джулатскому храму среди памятников славянского круга. Самым близким, по его мнению, аналогом Верхне-Джулатскому храму является тмутараканская церковь X века, раскрытая Б. А. Рыбаковым⁷⁶.

В. А. Кузнецов высказывает свое несогласие с датировкой Верхне-Джулатской церкви, предложенной Е. И. Крупновым. Как пишет В. А. Кузнецов, церковь построена в конце XIII века, а, может быть, даже в XIV веке.

Строительные материалы (золотоордынский кирпич), техника кладки противоречат датировке памятника XII веком. Нет в древнерусских храмах и крипт (подаaltarных усыпальниц), которая обнаружена в Верхне-Джулатской церкви⁷⁷.

Не могу ничего сказать о датировке храма, хочу только заметить, что Верхне-Джулатский храм мог быть образцом синкретической архитектуры — он мог нести в себе и древнерусские и кавказские черты. Во всяком случае, наличие в храме и в его отвалах вещей древнерусского происхождения может точно говорить о каких-то связях с Русью, может быть, даже с Тмутараканской Русью⁷⁸, и о русском влиянии, которое испытывала культура местного населения.

В окрестностях села Заманкул находился каменный придорожный крест, который, как пишет В. А. Кузнецов, был поставлен на месте убийства русского князя Михаила Тверского в 1318 г.⁷⁹ Историческая интерпретация В. А. Кузнецова может оспариваться⁸⁰. Но бесспорно то, что крест принадлежит к числу русских жальнических крестов⁸¹.

Ряд древнерусских предметов обнаружен на территории Чечено-Ингушетии. В могильнике Мохде (горная Ингушетия) найдена железная булава, идентичная предметам древнерусского оружия X—XIII вв.⁸²

На городище Алхан-Кала, недалеко от Грозного, найден бронзовый энколпион славяно-русского типа XII—XIII вв. Впоследствии он был утерян⁸³. В одном из катакомбных захоронений могильника XIII—XV вв. у села Ушкалой встречен небольшой крест-тельник русского облика XIII вв.⁸⁴. В Чечено-Ингушском музее краеведения некогда хранился крест-энколпион, из села Ялхой Мохк, который можно считать русским и датировать XIV—XV вв.⁸⁵. В селе Майртуп Шалинского района в 1969 г. была найдена одна створка медного русского креста-складня второй половины XV в.⁸⁶. В 1978 г. учитель Б. Ахмадов нашел здесь еще несколько древнерусских крестов: три бронзовых креста-

тельника XII—XIII вв. и один большой медный с позолотой XIV — начала XV вв. Опубликованы семь русских крестов XII—XV вв. из села Майртуп. Кресты нательные, два из них — створки энколпионов. Шесть крестов бронзовых, один серебряный. В окрестностях села Майртуп найден топор, относящийся к группе широколезвийных, так называемых «бородовидных» образцов. Близкие по форме топоры были распространены на Руси в конце X—XI вв. Таким образом, прослеживается славяно-русское влияние на Северном Кавказе в домонгольское время⁸⁷.

В склепе 4 позднесредневекового могильника у села Верхний Кокадой найдена русская серебряная монета-подвеска времени русских князей Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича (вторая половина XIV — начало XV вв.)⁸⁸.

В. Б. Виноградов и С. Ц. Умаров в своей работе пишут следующее: «Растет число случаев находок при раскопках местных памятников предметов, попавших сюда из Древней Руси или выполненных в подражание древнерусским образцам. Это чаще всего предметы вооружения (булавы, кистени, топоры)⁸⁹, нательные кресты, различные украшения из серебра и янтаря, найденные у сел. Шуан, Кошк, Алхан-Кола, Майртуп, Мартын-Чу и др.»⁸⁹. В другой работе, соавтором которой является В. Б. Виноградов, говорится о том, что в памятниках вайнахских древностей во многих чеченских селениях обнаружены русские вещи: образцы христианской пластики, монеты, детали доспехов и проч., а также металлические изделия, подражающие русским предметам⁹⁰.

Р. А. Даутова сопоставляет височные подвески, найденные в памятниках Чечено-Ингушетии, с киевскими котлами, на которых изображены грифоны и «древо жизни» — XII век. По мнению Р. А. Даутовой, в джейраховских подвесках использованы местные традиции, испытавшие некоторое влияние русского декоративного искусства XI—XIII вв. Лопастные подвески напоминают вятические височные кольца⁹¹. По данным Х. М. Мамаева и Д. Ю. Чахкиева аналогичный процесс влияния древнерусского ремесленного производства на некоторые категории вещевых находок наблюдается и при анализе отдельных образцов вооружения — майртупский топор, шлем из Ярыш-Марды и друг.⁹²

* * *

Как мы видим, находки славяно-русского облика на Северном Кавказе датируются, в основном, X—XV вв. К X—XII вв. относятся памятники-поселения и могильники, предположительно связываемые с русскими.

Несомненно, русское население в X—XII вв. было на Таманском полуострове — не только в Тмутаракани, а также, вероятно, в Фанагории и в Патрее⁹³.

В. А. Городцов во время экспедиции 1930 г. нашел славянскую керамику на средневековых поселениях Нижней и Средней Кубани. Из этого он сделал вывод, что славянское население могло проживать на этих поселениях⁹⁴. А. Л. Монгайт отрицал возможности проникновения русского населения в эти места, но славянско-русской керамики указанные памятники не содержали.

Но нет ничего невероятного в том, что русские поселенцы, в частности, выходцы из Тмутаракани, могли проникать на Нижнюю, а, возможно, и Среднюю Кубань. Это, кажется, находит подтверждение и в письменных источниках. Так, автор IX — начала X вв. ибн Аль-Факих сообщает о славянском народе, который жил на Кавказе. Такой же вывод можно сделать и из сообщения хазарского кагана Иосифа⁹⁸. А. Л. Монгайт полагает, что ибн Аль-Факих говорит о северо-западной части Кавказа⁹⁹.

Через Ставропольский край проходили дружины русов, направившихся на Каспий — об этом, в частности, свидетельствует Преградненский каменный крест со славяно-русской надписью XI в¹⁰⁰.

В. А. Кузнецов поставил вопрос о возможности пребывания русских людей в Нижнем Архызе в XI—XII вв., но отверг эту возможность¹⁰¹.

Во второй половине XIII в. в степных районах Предкавказья появились кочевья татаро-монголов, в которых проживали и русские пленники¹⁰².

В северо-западном Прикаспии, очевидно, с X в. появились русские форпосты¹⁰³.

С X в. и позднее в дремучих дубравах пойм Терека и Сунжи появилось население, которое источники XII—XIII вв. называют бродниками. В состав бродников входили славяне-русские, в частности, бежавшие из татарского плена, горцы-северокавказцы, тюрки. Впоследствии бродники частью смешались с горацами, частью явились предшественниками казаков¹⁰⁴.

Одним из пунктов, где жили бродники, было, очевидно, селение Майртуп в Чечено-Ингушетии. Об этом могут свидетельствовать находки здесь русских нательных крестов XII—XV вв. Само название «Майртуп» означает, как пишет В. Б. Виноградов, «стан хабрецов»¹⁰⁵.

Таким образом, в X—XV вв. русское население на Северном Кавказе, несомненно, существовало, особенно на Северо-Запад-

ном и Северо-Восточном Кавказе. В этих регионах русские люди проживали постоянно. Через центральные районы Предкавказья русы проходили во время своих походов в Прикаспие. Возможно, часть их отправлялась в эти походы из Тмутаракани. Позднее здесь могли обитать русские пленники татаро-монголов.

Некоторая часть вещей славяно-русского происхождения, найденная на Северном Кавказе, могла быть оставлена этими русскими поселенцами. К таким вещам относится керамика, нательные кресты, а также некоторые украшения и принадлежности одежды, происходящие из погребений X—XII вв. Таманского полуострова.

Но были и другие пути проникновения древнерусских предметов на Северный Кавказ.

Одним из таких путей мог быть обмен.

Сведения о торговых связях народов Кавказа с русскими мы имеем, начиная с IX в. Так, арабский автор ибн-Хордадбех, писавший в 60—70-е годы IX в., отмечал, что русские купцы плавали по Черному морю, а также по морю Каспийскому, выходя на любой берег этого моря и доставляя свои товары на верблюдах в Багдад. Русы привозили меха выдр, черных лисиц и мечи¹⁰⁶. Масуди (X век) писал, что никто, кроме русов, не плавает по Черному морю. Тот же автор сообщает, что славяне привозили меха, а в Дербент лён, полотняные белоснежные изделия, которые расходились по всему Кавказу¹⁰⁷.

Как показали исследования советских ученых, русские купцы везли на Северный Кавказ дорогие меха — куны, беличьи, бобра, черной лисицы, выдры, песца; лён, льняные ткани — полотно; кожи, хлеб, воск, свечи, серебряные изделия и другие предметы русского ремесла; янтарь, моржовую кость, оружие (мечи, кольчуги)¹⁰⁸.

Возможно, с Руси привозили на Кавказ стеклянные бусы¹⁰⁹.

Труднее перечислить то, что вывозилось с Северного Кавказа на Русь. Этот вопрос, как правило пишет С. А. Голованова, очень мало разработан в нашей литературе. Исследователи полагают, что в обмен на свои товары русские купцы получали от северокавказцев хлеб, воск, рыбу¹¹⁰; скот, лес, изделия из металла, кожи, дерева; кавказское оружие, украшения¹¹¹.

Из более поздних источников нам известно, что русские получали от северокавказцев овчины, бараньи шубы, орехи, яблоки и другие фрукты, марену, а также скот¹¹².

Таким образом, главной статьёй северокавказского экспорта являлись скот, продукты скотоводства, садоводства и т. д.

Поэтому в русских археологических памятниках, очевидно, трудно будет найти импортные северокавказские вещи интере-

сующего нас времени. Пока известны лишь гребни X—XIII вв. из северокавказского самшита, найденные в Новгороде ¹¹³.

Итак, северокавказцы, безусловно, получали какие-то вещи от русских в результате обмена. И здесь интересно отметить, что местные мастера стали изготавливать некоторые предметы по русским образцам — например, в Чечено-Ингушетии (см. выше). В Змейской найдены украшения, в орнаменте которых наблюдается русское влияние ¹¹⁴. Несколько слов о значении Тмутаракани как торгового пункта. С. А. Плетнева пишет, что в русский период Тмутаракань являлась, прежде всего, крупным, военным постом для русских князей. Торговые функции этого города резко снизились ¹¹⁵. К этой точке зрения примкнула и С. И. Финегонова ¹¹⁶.

Следует сказать, что Тмутаракань в конце X — начала XII вв. была не только военным постом. Там развивалось ремесло, существовали керамические и стеклоделательные мастерские ¹¹⁷. И изделия тмутараканских мастерских вывозились за пределы города ¹¹⁸. Местное население Северо-Западного Кавказа вряд ли бы отказалось от своих торговых операций в таком удобном для обмена пункте, как Тмутаракань. Да и сами русские, выбирая место для обоснования на Северо-Западном Кавказе, учитывали международное торговое значение Таманского полуострова ¹¹⁹. В XII веке в Тмутаракани еще могли оставаться русские ¹²⁰. Таким образом, Таманское городище как традиционный торговый центр, очевидно, и в русский период являлось тем пунктом, в котором происходили торговые сделки между русским населением и близлежащими и отдаленными народами. В Тмутаракани, очевидно, продолжалась и транзитная торговля.

Советские исследователи считают Тмутаракань торговым пунктом. Об этом писал А. Н. Насонов ¹²¹. Г. А. Кокиев подчеркивал международное значение Таманского полуострова, где велась с давних пор оживленная торговля с греками и другими народами хлебом, воском, рыбой — в обмен на греческие ткани и металлические изделия. Это послужило главной приманкой для русов при постройке здесь русского города ¹²². Тмутараканская Русь занималась торговлей с причерноморскими странами, с Византией и другими государствами ¹²³.

Б. В. Скитский отмечал, что Тмутаракань была торговым пунктом, через который шла торговля народов Северного Кавказа — ясов, касогов и обезов — с городами Черноморья ¹²⁴. Об общении населения Северного Кавказа с русской Тмутараканью писал В. А. Кузнецов ¹²⁵.

М. И. Артамонов считал, что во времена Бируни (943—1048), когда Итиль (на Волге) лежал в развалинах, торговое и полити-

ческое значение этого города перешло к Тмутаракани. Возможно, в Тмутаракань переселилась и та часть купечества, которая связывала Восток с Западом, с Русью и Византией и с еще более отдаленными странами ¹²⁶.

Н. П. Гриценко отмечал, что в Тмутаракань русские привозили хлеб, меха, кожи, изделия ремесла, льняные ткани. Народы Северного Кавказа торговали через Тмутаракань с Русью и Крымом ¹²⁷.

Не отрицают торгового значения Тмутаракани и такие специалисты по вопросам обмена, как А. П. Новосельцев и В. Т. Пашуто. Они пишут, что, по-видимому, в XI в. в период существования на Таманском полуострове Тмутараканского княжества через Тмутаракань шла черноморская торговля с Малой Азией и Западным Кавказом ¹²⁸.

Д. С. Васильев считает Тмутаракань главным торговым и культурным центром Северо-Западного Кавказа. На ярмарки в этом городе съезжались купцы не только с разных мест Кавказа, но и из других стран ¹²⁹.

Таким образом, в советской исторической науке принято считать — и не без обоснования, что торговля в Тмутаракани имела место и в русский период существования этого города.

Другой торговый форпост русских существовал на Северо-Восточном Кавказе, в северо-западном Прикаспии ¹³⁰. Возможно, это поселение русов находилось в устье Терека или на Агранской косе ¹³¹.

С. А. Голованова отмечает, что не получило еще должной исторической интерпретации сообщение Балами о русах, которые жили между Беленджером и Дербентом. Именно здесь, как считает Р. М. Магомедов, могла находиться одна из первых русских факторий на побережье Каспийского моря ¹³².

Крупным торговым центром был Дербент. По словам Масуди, славяне привозили в Дербент лен, белоснежные полотняные изделия, которые расходились по всему Кавказу ¹³³.

О большом значении Дербента как торгового пункта писали советские исследователи. Так, Н. П. Гриценко отмечал, что Дербент становился посредником между Русью и восточными странами. Через Дербент на Восток русские отправляли такие традиционные товары, как дорогие меха, мед, воск, изделия ремесла и другие вещи ¹³⁴.

Другим торговым центром на побережье Каспийского моря был Семендер. Его посещали русские и восточные купцы. Русские купцы привозили сюда меха, льняные изделия, предметы ремесла ¹³⁵.

Татаро-монгольское нашествие не могло полностью разру-

шить контакты между северокавказцами и русскими ¹³⁶.

Здесь интересно привести сообщение о том, что русские воины сражались на Куликовом поле с татарами в 1380 г. в «черкасских» шлемах ¹³⁷.

Любопытно вспомнить и тот факт, что в Верхнем Кокадое (Чечено-Ингушетия) найдена русская монета времени Дмитрия Донского — героя Куликовской битвы.

В XIV в. русские купцы были в Маджарах и в других торговых центрах Северного Кавказа, где они вели торговлю с местным северо-кавказским населением ¹³⁸.

Торговые связи между северокавказцами и русскими имели место и в XV в.

Русские купцы жили по соседству с Таманью, в Кафе. Русские летописи свидетельствуют о том, что когда в 1475 г. турки взяли Кафу, то они там побили много московских «гостей», то есть купцов. Возможно, что кафинские русские купцы до погрома 1475 г. вели торговлю с местным населением Таманского полуострова и других регионов Северо-Западного Кавказа. Русские купцы проникали в Кафу и в конце XV в. В это время в Кафу и в Азов по Донскому пути постоянно проходили караваны русских купцов ¹³⁹.

В XV веке русские вели торговлю и с Северо-Восточным Кавказом. Русские купцы побывали в Дербенте в 1404 г. Возможно, русский купец посетил Дербент между 1436 и 1447 гг. ¹⁴⁰.

Во второй половине XV в. торговые связи русских с Дагестаном, в частности, с Дербентом, усиливаются. Значение Дербента как крупного торгового пункта росло. В 60-х годах XV в. Дербент посещали тверские купцы, в том числе знаменитый Афанасий Никитин ¹⁴¹.

В 1475—1476 гг. в Дербенте побывал русский посол Марко Росо. Из Дербента он отправился в Цитрахань (Астрахань). С ним в Цитрахань поехали русские купцы с сарацинским пшеном (рисом), шелковыми тканями и разным мелким товаром, предназначенным для того, чтобы их променять на меха у русских и болгар ¹⁴².

Из Дербента по всем странам развозился рыбий жир, который использовался для освещения ¹⁴³.

Может быть, в результате торговых связей русских купцов с народами Северо-Восточного Кавказа и Закавказья попала на Северный Кавказ серебряная монета конца XIV — начала XV вв., найденная в сел. Верхний Какадой в Чечено-Ингушетии ¹⁴⁴. Вспомним также, что монета XV в. — псковская денга — была обнаружена в Маджарах.

Несколько слов о торговых путях, которые пролегали через Северный Кавказ. Еще до X в. через Хазарию шел транзитный

торговый путь, которым пользовались и русские купцы¹⁴⁵. Население, через территорию которого пролегал этот путь, в частности, северокавказцы, втягивались в торговые операции. Это был сухопутный торговый тракт. Водным путем был Волго-Каспийский¹⁴⁶. Из Дербента через Кумух и Ведено также шел торговый путь в северокавказские степи. На Северо-Восточный Кавказ русские купцы шли по Оке и Волге. «Залозным путем» русские купцы из Киева попадали на Дон и Тмутаракань. Этим путем русские купцы пользовались с VIII в.¹⁴⁷

Таким образом, торговые отношения русских с народами Северного Кавказа в X—XV вв. (и раньше), несомненно, существовали.

В числе предметов, которые русские поставляли на Северный Кавказ, были и изделия из серебра, и, очевидно, из меди. Так могли попасть на Северный Кавказ браслеты, пряжки и другие металлические вещи древнерусского происхождения, которые мы перечислили в начале настоящей статьи. Стекланные браслеты и янтарь могли доставляться из Тмутаракани и через Тмутаракань¹⁴⁸. Металлические нательные кресты и иконки также могли попасть на Северный Кавказ в результате обмена.

Но мог быть и другой путь проникновения предметов христианского культа на Северный Кавказ.

Известно, что Тмутараканская Русь занималась распространением (вернее, возобновлением) христианства среди населения Северного (в основном, Северо-Западного) Кавказа. Существует предание, что тмутараканский князь Мстислав крестил сыновей касожского богатыря Редеди после 1022 г. Одного из них он назвал Юрием, второго — Романом. За Романа он отдал замуж свою дочь¹⁴⁹.

Распространение христианства среди народов Северного Кавказа в X—XII вв. было явлением прогрессивным, так как эта религия была религией нового, более передового в ту эпоху общественного строя — феодального¹⁵⁰. О распространении христианства Тмутараканской Русью среди населения Северного Кавказа пишут советские исследователи¹⁵¹.

В результате этого процесса и могли попасть на Северный Кавказ древнерусские предметы христианского культа, в частности, энколпионы, в домонгольскую эпоху.

В связи с вопросом о распространении христианства русскими на Северном Кавказе следует вспомнить и о том, что русские элементы наблюдаются в церквях — Сентинской, Нузальской и Верхне-Джулатской.

Таким образом, памятники славяно-русского облика и происхождения, X—XV вв., известные на Северном Кавказе, могли оказаться в этих местах и в результате проживания здесь рус-

ских людей, и в результате торговых отношений северокавказцев с русскими, и в результате распространения среди северокавказцев христианства, которое осуществлялось Русью, в частности, Русью Тмутараканской.

¹ Репников Н. И. О древностях Тмутаракани. // Труды секции археологии РАНИОН, т. IV, 1928, М., 1929, с. 437—447; Городцов В. А. Археологические изыскания на Дону и Кубани в 1930 г. Предварительное сообщение. // Памятники древности на Дону. Ростов-на-Дону, 1940, с. 3—6; Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. — М.: Изд-во АН СССР, 1948; его же: Древняя Тмутаракань и проблема славянской колонизации Приазовья. // Тезисы докладов на сессии отделения и пленума Института истории материальной культуры АН СССР, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. М., 1954, с. 116—121; Плетнева С. А. Средневековая керамика Таманского городища. // Керамика и стекло Древней Тмутаракани. — М.: Изд-во АН СССР, 1963; с. 5—72; Макарова Т. И. Поливная керамика Таманского городища. Там же, с. 72—101; Шапова Ю. Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани. Там же, с. 102—133; Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа. // СА XXIII, М., 1955, с. 321—340.

Специально вопросом о древнерусских находках на Северном Кавказе занимается В. А. Кузнецов. См.: Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г. // Археологические раскопки в районе Земской в Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев. Осет. кн. изд-во, 1961, с. 134—135; его же. Энкалпионы Северного Кавказа // Славяне и Русь. М.: Изд-во АН СССР, 1968, с. 80—86; его же. Древнерусские предметы, найденные на Северном Кавказе. // МИА № 176. Древние славяне и их соседи. М., 1970, с. 153—156; Кузнецов В. А., Мединцева А. А. Славяно-русская надпись XI века из села Преградного на Северном Кавказе. // КСИА 144, М., 1975, с. 11—17; Кузнецов В. А. Очерки истории алан. — Орджоникидзе: Ир, 1984.

См. также: Виноградов В. Б. Через хребты веков. — Грозный: Чеч. — Ингушск. кн. изд-во, 1970; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. — Грозный: ЧИГУ, 1979; Виноградов В. Б. Время, годы, люди. — Грозный: Чечен. Ингушск. кн. изд-во, 1980; Ртвеладзе Э. В. Крест-энколпион из Маджар. // СА, 1965, № 2, с. 281—282; Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники в верховьях реки Чанты-Аргуна. // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 243—278, Полубояринова М. Д. Русские вещи на территории Золотой Орды. // СА, 1972, № 3, с. 164—187; ее же. Русские люди в Золотой Орде. М.: Наука, 1978; Магомадова Т. С. Русский крест из окрестностей сел. Майртуп. // АЭС ЧИНИИ IV, Грозный, 1976, с. 72—75; Даутова Р. А. О генезисе и этнической принадлежности некоторых типов серег и височных подвесок XIII—XIV вв. горной Ингушетии. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 153—163.

Сводку древнерусских вещей, найденных на Центральном Предкавказье и Северо-Восточном Кавказе см.: Магомадова Т. С., Голованова С. А. Находки древнерусских предметов в бассейнах рек Кумы и Терека. // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 120—125.

Касался этих вопросов и автор данной статьи: Алексеева Е. П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов — черкесов // ТЧНИИ II, Черкесск, 1954, с. 199—260; ее же (в соавторстве с И. Х. Калмыковым и В. П. Невской). Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск. КЧНИИ, 1957; ее же. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Вопросы этнического и социально-экономического развития. — М.: Наука, 1971.

Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I. Ставрополь: Стavr. кн. изд-во, 1967.

В настоящее время этой проблемой занимается С. А. Голованова (ЧИГУ).

В процессе работы над настоящей статьей я неоднократно обращалась с вопросами к специалисту по данной проблеме профессору В. Б. Виноградову (ЧИГУ) и получала от него исчерпывающие ответы. Приношу Виталию Борисовичу мою глубокую благодарность.

Автор благодарен и В. Н. Каминскому (КГИАМЗ), давшему справки по некоторым вопросам археологии Краснодарского края.

² Гадло А. В. Новый памятник тмутараканского времени из Приазовья. // СА, 1965, № 2, с. 217—224.

³ Миллер А. А. Таманская экспедиция ГАИМК 1930 г. // СГАИМК 1931, № 1, с. 26—29; его же. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г. // СГАИМК 1932, № 7, с. 67—68.

Об экспедиции 1952—1955 гг. см., например: Рыбаков Б. А. Древняя Тмутаракань; его же. Предисловие. // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 3—4; ВИ, 1954, № 8, с. 163.

Новейшие раскопки на Таманском городище: Богословский О. В. Стекланные браслеты Таманского городища. // Древности Кубани. Материалы семинара. Краснодар, 1987, с. 52—54. Есть и более ранние информации о работах на Таманском полуострове, в частности — на Таманском городище: Сокольский Н. И., Сорокина Н. П. Работы Таманской экспедиции. // АО 1967, М., 1968, с. 85—88; Зеест И. Б., Коровина А. К. Раскопки Таманского городища. // АО 1971, М., 1972, с. 142—143; Коровина А. К. Раскопки древней Тмутаракани — Гермонассы. // АО 1976, М., 1977, с. 105.

⁴ Керамика и стекло древней Тмутаракани. — М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁵ Финогенова С. И. Поливная керамика из раскопок Таманского городища. // СА, 1987, № 2, с. 192—211.

⁶ Воронов А. А., Николаенко Т. Д., Паромов Я. М. Разведки на Таманском полуострове. // АО 1985, М., 1987, с. 131—132.

См. также более раннюю публикацию: Паромов Я. М. Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981—1983 гг. // КСИА, 188, М., 1986, с. 69—76.

⁷ Рыбаков Б. А. Краткое изложение доклада на археолого-этнографической сессии, посвященной итогам работ 1953 г. // ВИ, 1954, № 8, с. 163.

⁸ Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв. // УЗ Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. XI, Л., 1938, с. 25.

⁹ Плетнева С. А. Средневековая керамика..., с. 17, 23—26, 68.

¹⁰ Макарова Т. И. Поливная керамика..., с. 73—95; Финогенова С. И. Поливная керамика..., с. 197, 209.

¹¹ Щапова Ю. Л. Стекланные изделия..., с. 102, 103, 117, 118, 125; Кропоткин В. В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. // КСИИМК 68, М., 1957, с. 35—44.

¹² Репников Н. И. О древностях Тмутаракани, с. 437; Рыбаков Б. А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XIII вв. // СА VI, М.—Л., 1940, с. 227—257. См. также: Лопарев Хр. Византийская печать с именем русской княгини. // Византийский Временник, т. I, вып. I, СПб., 1894, с. 159—166.

¹³ Репников Н. И. О древностях Тмутаракани, с. 437.

¹⁴ ОАК за 1870—1871 гг. СПб., 1874, с. XVI—XVII; Лунин Б. В. В поисках древнего Тмутараканя. // На подъеме, № 3—4, Ростов-на-Дону, 1935, с. 179.

¹⁵ Башкиров А. С. Археологические обследования Таманского полуострова летом 1927 г. // Труды этнографо-археологического музея 1-го МГУ, М., 1927, с. 327; Смирнов А. П. К вопросу об истоках Приазовской Руси. // СА, 1958,

№ 2, с. 278; Крушкол Ю. С. Раскопки древнего Патрея в 1950 г.//ВДИ, 1951, № 2, с. 225.

¹⁶ Башкиров А. С. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г.//УЗ Московского гос. педагогического института им. В. И. Потемкина, т. XIII, № 2, 1949, рис. 19, 22.

¹⁷ Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники..., с. 340.

¹⁶ Крушкол Ю. С. Раскопки Древнего Патрея..., с. 225.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Предисловие..., С. 3. О тмутараканском камне см.: Монгайт А. Л. Надпись на камне. М.: Знание, 1969; Медынцева А. А. Тмутараканский камень. М.: Наука, 1979.

²⁰ Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологическая экскурсия.//МАК II, М., 1889, с. 145, фот. XI, 14.

²¹ Сизов В. И. Указ. раб., с. 140—141, фот. XVI. 2; Артамонов М. И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. (По материалам Северокавказской экспедиции).//ИГАИМК 131, Л., 1935, с. 17, примеч. 1

²² Сизов В. И. Указ. раб., с. 74, 145, 147, фот. XI, 1—10, 12—14 Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники..., с. 330—331.

²⁴ Городцов В. А. Указ. раб., с. 5—6; Лунин Б. В. Указ. раб., с. 183—184.

²⁵ Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники..., с. 337.

²⁶ ОАК 1903, СПб., 1906, с. 170, рис. 336.

²⁷ Кузнецов В. А. Энколпионы..., с. 80.

²⁸ Лунин Б. В. Указ. раб., с. 177.

²⁹ Рыбаков Б. А. упомянул об этом ковше в докладе «Русская эпиграфика X—XIV вв.». Доклад был прочитан на Пленуме сессии ИА и ИЭ АН СССР, посвященной итогам полевых исследований 1967 г. М., 1968, апрель. Датируется ковш также и XII веком (Аутлев П. У., Анфимов Н. В. Археологические исследования в Адыгее за годы Советской власти//XIII КЧ по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Майкоп, 1984, с. 7). Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987, фото.

³⁰ Смирнов А. П. К вопросу о формировании кабардинского народа по данным археологии.//УЗКНИИ IV, Нальчик, 1948, с. 87, 89, 90.

³¹ Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники..., с. 331, 332, 337.

³² Алексеева Е. П. Материальная культура черкесов в средние века по данным археологии.//ТКЧНИИ IV, серия историческая, Ставрополь, 1964, с. 203—205, 210; ее же: Древняя и средневековая история..., с. 193, 196.

³³ Кузнецов В. А., Медынцева А. А. Указ. раб., с. 11—17; Кузнецов В. А. Очерки..., с. 132.

³⁴ Кузнецов В. А. Древнерусские предметы..., с. 153.

³⁵ Полубояринова М. Д. Русские люди..., с. 127.

³⁶ Кузнецов В. А. Древнерусские предметы..., с. 154—155.

³⁷ Полубояринова М. Д. Русские люди, с. 127.

³⁸ Там же.

³⁹ Ртвеладзе Э. В. Указ. раб., с. 282.

⁴⁰ Полубояринова М. Д. Русские люди..., с. 127.

⁴¹ Кузнецов В. А. Энколпионы..., с. 82.

⁴² Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 123.

⁴³ Полубояринова М. Д. Русские люди..., с. 127.

⁴⁴ Кузнецов В. А. Энколпионы..., с. 80—86.

⁴⁵ Там же, с. 83.

⁴⁶ Там же, с. 84.

⁴⁷ Минаева Т. М. Городище на балке Адиух.//Сборник трудов СГПИ, т. IX, Ставрополь, 1955, с. 141.

¹⁸ Кузнецов В. А. Энколпионы..., с. 84.

- ⁴⁹ Полубояринова М. Д. Русские люди..., с. 168.
- ⁵⁰ Кузнецов В. А. Очерки..., с. 131.
- ⁵¹ Кузнецов В. А. Энкалпионы..., с. 84.
- ⁵² Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 263, 455, 615.
- ⁵³ Кузнецов В. А. Очерки..., с. 131.
- ⁵⁴ Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 132.
- ⁵⁵ Минаева Т. М. Городище близ аула Кубины.//ИСОНИИ XXII, вып. IV, Орджоникидзе, 1960, с. 185, рис. 9, 3 на с. 166.
- ⁵⁶ Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Городище Бургусант или Рим-Гора.//МИСК XIV, Ставрополь, 1976, с. 180; Каминская И. В. Новые исследования Нижне-Архызского городища в Карачаево-Черкесии//XV КЧ по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов 19—22 апреля 1988 г. Махачкала, 1988, с. 70.
- ⁵⁷ Алексеева Е. П. Отчет о работе археологической экспедиции в окрестностях аула Жако Хабезского района Черкесской автономной области. 1953 г. Альбом, табл. 60, 12; табл. 61, 68//Архив ИА АН СССР, Р-1, №№ 787 и 788.
- ⁵⁸ Кузнецов В. А. Очерки..., с. 131. Отметим, что месторождения янтаря имеются, в частности, в окрестностях Киева (БСЭ, 2-е изд., т. 49, с. 571).
- ⁵⁹ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 88—90.
- ⁶⁰ Там же, табл. 26а, 5; 27б, 29, 30, 33а, 1; Минаева Т. М. Могильники в устье Теберды.//МИСК, 7, Ставрополь, 1955, с. 261—289.
- ⁶¹ Кузнецов В. А. Нижне-Архызское городище X—XII вв.— раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований).//Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986, с. 238—245.
- ⁶² Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Указ. раб., с. 180.
- ⁶³ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 119.
- ⁶⁴ Рунич А. П., Михайлов Н. Н. Указ. раб., с. 180.
- ⁶⁵ Марковин В. И. Сентинский храм и его изучение.//Вопросы средневековой археологии Северного Кавказа. Черкесск, 1988; См.: Владимир. Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. 1886.//Русский Архив, № 4, 1904, с. 674.
- ⁶⁶ Пчелина Е. Г. Греко-славянские эпиграфические памятники на Северном Кавказе.//Археографический ежегодник АН СССР за 1959 г. М., 1960, с. 298—299.
- ⁶⁷ Кузнецов В. А., Мединцева А. А. Указ. раб., с. 16.
- ⁶⁸ Рыбаков Б. А. Знаки собственности..., с. 242; Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 122.
- ⁶⁹ Рыбаков Б. А. Ремесло..., с. 529; Кузнецов В. А. Энкалпионы..., с. 82; Полубояринова М. Д. Русские люди..., с. 127.
- ⁷⁰ Кузнецов В. А. Древнерусские предметы..., с. 153; Полубояринова М. Д. Русские люди..., с. 127.
- ⁷¹ Кузнецов В. А. Энкалпионы..., с. 82.
- ⁷² Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник по раскопкам 1957 г.//Археологические раскопки в районе Змейской в Северной Осетии. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1961, с. 134; его же. Очерки..., с. 331, рис. 19.
- ⁷³ История Северо-Осетинской АССР.— М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 76. В. А. Кузнецов датирует Нузальскую церковь XIII—XIV вв. и древнерусских аналогий не находит (Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании.— Орджоникидзе: Ир, 1977, с. 145—146).
- ⁷⁴ Крупнов Е. И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат.//МИА 114, М., 1963, с. 65.
- ⁷⁵ Там же, с. 63—64.
- ⁷⁶ Там же, с. 64.
- ⁷⁷ Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон.— М.: Искусство, 1974, с. 58.

Кроме церкви № 1, опубликованной Е. И. Крупновым, были обнаружены еще четыре церкви: №№ 2, 3, 4 — В. А. Кузнецовым и церковь № 5 — О. В. Милорадович (История Северо-Осетинской АССР с древнейших времен до наших дней. Изд. 2-е, т. 1. — Орджоникидзе: Ир, 1987, с. 132—133; Милорадович О. В. Письмо к Е. П. Алексеевой от 11 января 1988 г.).

В докладе, прочитанном в 1975 г., В. А. Кузнецов датирует Верхне-Джугалские церкви XIV—XV вв. и полагает, что эти церкви принадлежали католической кафедре, засвидетельствованной в начале XV в. И. Шильтбергером на Джугале. Церкви были построены местными мастерами по заказу католических миссионеров (Кузнецов А. В. Церкви Верхнего Джугалата. Их время и интерпретация. // V КЧ по археологии Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 107—109).

В. Б. Виноградов и С. А. Голованова считают, что Верхне-Джугалские христианские храмы были построены и использовались под прямым влиянием грузинской церкви и в результате постоянного взаимодействия местного населения с Грузией. Дата их постройки XIII в. (до 1278 г.). В 30-х годах XIV — в начале XVI в. имело место оживление христианства под воздействием католических миссионеров. Как следствие этого произошло восстановление и перестройка части ранее разрушенных храмов, потерявших на этом этапе свою исходную близость к кругу грузинской церковной архитектуры (Виноградов В. Б., Голованова С. А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джугалата (Дедаков). // Мацне. Изв. АН Груз. ССР, 1981, № 2, с. 149—150).

⁷⁸ Крупнов Е. И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. // КСИИМК 78, М., 1960, с. 116—118.

⁷⁹ Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 60.

⁸⁰ Виноградов В. Б. Рец. на книгу: Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. М., 1974. // ИСКНЦВШ, общественные науки, 1975, № 2, с. 117.

⁸¹ Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 123.

⁸² Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 122.

⁸³ Виноградов В. Б. Через хребты..., с. 89; Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 122.

⁸⁴ Даутова Р. А., Мамаев Х. М. Аланская катакомба XIV в. у сел. Ушкалой. // СА, 1974, № 3, с. 268—269; Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 122.

⁸⁵ Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 122.

⁸⁶ Магомадова Т. С. Русский крест..., с. 72—73.

⁸⁷ Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 123, 124.

Сноски 11, 17; Виноградов В. Б., Куза А. В., Магомадова Т. С. Русские кресты XII—XV вв. из селения Майртуп. Чечено-Ингушетия. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984, с. 76—82; Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей селения Майртуп. // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный, 1987, с. 64.

⁸⁸ Марковин В. П. Чеченские средневековые памятники..., с. 254; Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 123.

⁸⁹ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. раб., с. 17.

⁹⁰ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. На вечные времена. Истоки проблемы. // Вехи единства. Сборник статей, посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. — Грозный: Чеч. Игнущск. кн. изд-во, 1982, с. 21.

⁹¹ Даутова Р. А. О генезисе..., с. 156—165.

⁹² Магомадова Т. С., Голованова С. А. Указ. раб., с. 124, сноска 18.

⁹³ Крушккол Л. Ю. Указ. раб., с. 225; Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники..., с. 225.

⁹⁴ Городцов В. А. Указ. раб., с. 5, 6.

⁹⁵ Мавродин В. В. Указ. раб., с. 17.

⁹⁶ Ляпушкин Т. И. Славяно-русские поселения IX—XII вв. на Дону и Кубани по археологическим памятникам. // КСИИМК VI, М. — Л., 1940, с. 90; его же. Славяно-русские поселения XI—XII вв. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. // МИА 6, М. — Л., 1941, с. 232—233.

⁹⁷ Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники..., с. 327.

⁹⁸ Мавродин В. В. Указ. раб., с. 17—18.

⁹⁹ Монгайт А. Л. Некоторые..., с. 328—329.

¹⁰⁰ Кузнецов В. А., Медынцева А. А. Указ. раб., с. 17.

¹⁰¹ Кузнецов В. А. Очерки..., с. 131.

¹⁰² Кузнецов В. А. Древнерусские предметы..., с. 155.

¹⁰³ Кузнецов В. А. Очерки..., с. 132.

¹⁰⁴ Волюнкин Н. М. Предшественники казачества — бродники. // ВЛГУ 1949, № 8, с. 56—62; История Северо-Осетинской АССР, 1959, с. 80; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Указ. раб., с. 18; Кузнецов В. А. Очерки..., с. 1—34.

¹⁰⁵ Виноградов В. Б. Время..., с. 80; Виноградов В. Б., Куза В. А., Магомадова Т. С. Русские кресты..., с. 81.

¹⁰⁶ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с конца VII в. до конца X в. по Р. Х.). СПб., 1870, с. 49; Ибн. Хордадбех. Книга путей и стран. Пер. Н. Велихановой. — Баку: Элм, 1986, с. 124.

¹⁰⁷ Гаркави А. Я. Сказания..., с. 130—131.

¹⁰⁸ Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. — М.: Наука, 1965, с. 46; Гриценко Н. П. Истоки дружбы чечено-ингушского народа с русским народом. — Грозный; ЧИГПИ, 1963, с. 4; его же. Истоки дружбы (Из истории экономических, культурных связей и дружбы чеченского и ингушского народов с великим русским народом и народами Кавказа). — Грозный: Чеченско-Ингушское кн. изд-во, 1975, с. 17; его же. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. — V — середина XIX в. Ростов-на-Дону, 1984, с. 11; Голованова С. А. Торговые связи Древней Руси и Северного Кавказа в домонгольский период. Историкографический обзор. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984, с. 71—76; Васильев Д. С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. — Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986, с. 8—11.

¹⁰⁹ Фехиер М. В. Некоторые сведения по археологии русско-восточных связей. // Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 47—48.

¹¹⁰ Кокиев Г. А. Из истории сношений России с Кавказом. XI—XIX вв. // УЗКНИИ 1, Нальчик, 1946, с. 36.

¹¹¹ Гриценко Н. П. Истоки дружбы..., 1962, с. 17; Алексеева Е. П., Калмыков И. Х., Невская В. П. Указ. раб., с. 6; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 124.

¹¹² Кушева Е. Н. Русско-дагестанские отношения XVI—XVII вв. // Материалы научной сессии по истории народов Дагестана. Махачкала: 1954, с. 8—12.

¹¹³ Голованова С. А. Торговые связи..., с. 71—75; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988, с. 274.

¹¹⁴ Крупнов Е. И. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа. // КСИИМК 78, М., 1960, с. 116—118.

¹¹⁵ Плетнева С. А. Указ. раб., с. 70.

¹¹⁶ Финогенова С. И. Указ. раб., с. 209.

¹¹⁷ Плетнева С. А. Указ. раб., с. 68—69; Щапова Ю. Л. Указ. раб., с. 102, 117.

¹¹⁸ Щапова Ю. Л. Указ. раб., с. 117.

¹¹⁹ Кокиев Г. А. Из истории..., с. 36.

¹²⁰ Рыбаков Б. А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК 43, М.—Л., 1952, с. 18—19.

¹²¹ Насонов А. Н. Тмутаракань в истории Восточной Европы X в. // ИЗБ М., 1940, с.

¹²² Кокиев Г. А. Из истории сношений..., с. 36; его же. Сношения России с народами Северного Кавказа. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Северного Кавказа. Сборник статей. Махачкала, 1982, с. 101, 108.

¹²³ Кокиев Г. А. Из истории сношений..., с. 42.

¹²⁴ История Северо-Осетинской АССР, 1959, с. 78.

¹²⁵ Кузнецов В. А. Змейский катакомбный могильник..., с. 134, 135; его же. Очерки..., с. 126—135.

¹²⁶ Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во гос. Эрмитажа, 1962, с. 445.

¹²⁷ Гриценко Н. П. Истоки дружбы, 1962, с. 5.

¹²⁸ Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля древней Руси (до середины XIII в.). // История СССР, 1967, № 3, с. 107.

¹²⁹ Васильев Д. С. Указ. раб., с. 8—11. О том, что Тмутаракань и в XI в. была крупным торговым пунктом, писали также В. В. Мавродин и А. Л. Якобсон (Очерки истории СССР. Период феодализма. IX—XV вв. Часть I.— М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 400; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры.— М.—Л. Наука, 1964, с. 77). См. также новейшие издания: История Северо-Осетинской АССР, изд-е 2-е, т. I.— Орджоникидзе: Ир, 1987, с. 97; История народов Северного Кавказа, с. 148.

Тмутаракань в русский период, в частности, вела торговлю с Византией (История народов Северного Кавказа, с. 148). На Таманском городище найдены золотые византийские монеты. В 1976 г. в Тмутараканском слое Таманского городища обнаружены две золотые византийские монеты: одна из них представлял собой золотой солид с изображением Христа на аверсе и Никифора Фоки и Василия II на реверсе. Дата монеты 963—969 гг. Вторая монета—солид с изображением Феофила на аверсе и Михаила с Константином VIII на реверсе. Дата монеты 840—842 гг. (Коровина А. К. Раскопки древней Тмутаракани-Гермонассы, с. 105). См. также: Розов В. Н. Византийские золотые монеты Таманского городища. // Сообщения гос. Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Вып. 8, М., 1987, с. 154—157. О византийской керамике X—XI вв. на Таманском городище см.: Зеест И. Б., Коровина А. К. Указ. раб., с. 143.

¹³⁰ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда.— М.: Изд-во восточной литературы, 1963, с. 152, сноска 125.

¹³¹ Магомедов Р. М. Древнейшие истоки русско-дагестанских связей. // ИСКНЦВШ, общественные науки, 1982, № 4, с. 53 сл.

¹³² Голованова С. А. Торговые связи..., с. 71—76.

¹³³ Гаркави А. Я. Сказания..., с. 130—131.

¹³⁴ Гриценко Н. П. Города..., с. 11.

¹³⁵ Там же, с. 12.

¹³⁶ Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ. // История СССР, 1977, № 3, с. 159.

¹³⁷ Хизриев Х. А. К вопросу об историческом значении Куликовской битвы для народов Северного Кавказа. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии. XIII — начало XX вв. Грозный, 1983, с. 11. См.: Задонщина. // Воинские повести древней Руси. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1949, с. 37. Сообщение автора конца XIV — начала XV вв. Софония Рязанца.

¹³⁸ Полубояринова М. Д. Русские лиди..., с. 45; Голованова С. А. Некоторые аспекты русско-северокавказских связей в XIV — начале XVI вв. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987, с. 72; История народов Северного Кавказа, с. 271.

- ¹³⁹ Кокиев Г. Русско-кабардинские отношения в XVI—XVIII вв. // Вопросы истории, 1946, № 10, с. 44; История народов Северного Кавказа, с. 274.
- ¹⁴⁰ История народов Северного Кавказа, с. 273; Голованова С. А. Некоторые аспекты..., с. 73. См.: Кучкин В. А. Русский путешественник в Азербайджане в первой половине XV в. // Вопросы истории, 1965, № 3, с. 204—205. Памятник XV века «Сказание о Железных Вратах» (Дербенте).
- ¹⁴¹ Афанасий Никитин. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг. — М.: Географгиз, 1960, с. 58, 59; Гриценко Н. П. Города..., с. 22.
- ¹⁴² Контарини Амвросий. Путешествие Амвросия Контарини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Гассану, совершенное в 1473 г. Пер. с итальянск. В. Семенова. // Библиотека иностранных писателей о России. Отделение первое, т. I. Издание М. Кондратьева. Переводчик В. Семенов. СПб., 1836, с. 79, 83; Козубский Е. И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906, с. 50, 52; Гаджиев В. Г. Указ. раб., с. 61, 64; История Дагестана, т. I. — М.: главн. изд-во восточной лит-ры, 1967, с. 180; Гриценко Н. П. Города..., с. 22.
- ¹⁴³ История Дагестана, т. I, с. 180.
- ¹⁴⁴ Марковиц В. Н. Чеченские средневековые памятники..., с. 273.
- ¹⁴⁵ Голованова С. А. Древняя Русь и Северный Кавказ в X веке // Археология и краеведение вузу и школе. Грозный, 1981, с. 13—14.
- ¹⁴⁶ Гриценко Н. П. Города..., с. 12, 22.
- ¹⁴⁷ Там же, с. 16.
- ¹⁴⁸ Заседателева Л. Б. Терские казаки. Середина XVI — начало XX вв. Историко-этнографические очерки. — М.: Изд-во, МГУ, 1974, с. 166.
- ¹⁴⁹ Хицунов П. Сношения России с северной частью Кавказа. // Сборник газеты «Кавказ». 1846. Первое полугодие. Тифлис, 1846, с. 204.
- ¹⁵⁰ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции. Т. I. — М.: Наука, 1967, с. 71.
- ¹⁵¹ Турчанинов Г. Ф. Эпиграфические заметки. IV. Кабардинская приписка на памятнике славяно-русского письма XI в. из-под села Преградного. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 1948, т. 7, вып. I, с. 80; Аутлев М. Г., Хоретлев А. О. 400 лет с русским народом. // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института, т. I, Майкоп, 1957, с. 4; Лавров Л. И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев. // Труды Института этнографии, новая серия, т. 51, изв. АН СССР, М., 1959, с. 228—229; История Кабардино-Балкарской АССР, т. I, с. 71.

А. А. КАРДАНОВ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ АДЫГОВ XIV—XVII ВВ.

Изучению истории и культуры бесписьменных народов, археологическая наука отводит ведущую роль, так как материальная культура этих народов является часто единственным историческим материалом, с помощью которого по крупицам удастся восстановить их историю¹. Исторические судьбы адыгского населения (в древности они были известны как

синды, зихи, меоты и другие) тесно переплетались с историей греческих городов Северо-Восточного Причерноморья, культура которых наложила некоторый отпечаток на культуру местных племен. Поэтому в связи с греческой, а затем и с римской колонизацией Северо-Западного Кавказа в античных письменных источниках упоминаются названия племен, которые историческая наука относит к предкам адыгов. По мнению специалистов смежных наук, исконной территорией, населенной адыгами в древности и раннем средневековье, являлось Восточное Причерноморье, и Северо-Западный Кавказ. По мнению известных археологов Е. И. Крупнова, Е. П. Алексеевой, Р. М. Мунчаева, В. И. Марковина² древние адыги под влиянием социально-экономических и политических причин проникли в более восточные области Кавказа³. На социально-экономическом и политическом развитии народов Северного Кавказа, в том числе и адыгов, пагубно отразилось татаро-монгольское нашествие⁴. Это событие перекроило этническую карту Северного Кавказа, и это хорошо прослеживается археологически. Например, многочисленные аланские городища и могильники в середине XIII в. прекращают функционировать⁵ и вскоре на территории Северного Кавказа появляются большое количество адыгских курганных групп, насчитывающих от нескольких десятков до нескольких сот насыпей, которые привлекли внимание русских археологов еще в XIX в.⁶

В изучении адыгских памятников Северного Кавказа можно наметить условно 4 периода. I-й период начинается со II-й половины XIX в. и продолжается до Великой Октябрьской социалистической революции; II-й период начинается со II-й половины 20-х годов и продолжается до 40-х годов XX века; III-й период начинается со II-й половины 40-х годов и продолжается до 60-х годов; IV-й период начинается с 60-х годов и продолжается до наших дней. Изучением этой проблемы занимались Е. П. Алексеева и А. Х. Нагоев. Но их работы посвящены истории изучения памятников Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии.

Специальной работы, охватывающей все памятники Северного Кавказа адыгов эпохи позднесредневековья с XIV по XVII написанной в последние годы, нет. Имеется сводная работа Е. П. Алексеевой «Очерки по истории черкесов в XIX — XV вв.», но она написана почти 30 лет назад. В работе речь идет об изучении адыгских погребальных памятников⁷.

Изучение адыгских курганов эпохи позднего средневековья на всей территории их распространения позволило выделить три группы⁸. Впервые это было сделано Е. П. Алексеевой. 1. Вос-

точно-Причерноморская; II. Белореченская или Закубанская; III. Кабардино-Пятигорская. Восточно-Причерноморская группа памятников располагается по берегу Черного моря от Сочи до нижнего и среднего течения реки Кубань на севере до Кавказских гор на юге и от реки Адагум на западе до верховьев Зеленчуков на востоке. Кабардино-Пятигорская группа памятников расположена от верховьев Кубани на северо-западе до рек Сунжи и Фортанги на юго-востоке. Первые две группы памятников именуется западно-черкесскими, а третья группа — кабардинскими. Курганные могильники западночеркесского и кабардинского типа объединяют следующие признаки⁹: 1. представлены скоплениями нескольких десятков курганных насыпей; 2. курганы, как правило, небольшие, полушаровидные; 3. костяки лежат в грунтовых могилах, деревянных гробах или колодах, обычно головой на запад; 4. в могилах и насыпях много древесного угля; 5. погребальный инвентарь имеет много сходных черт¹⁰. Отличительные особенности западно-черкесских могильников: встречаются насыпи не только круглые в плане, но и овальные. 2. Чаще имеется несколько гробов одной насыпью. 3. В кабардинских курганах ориентировка выдержана строго на запад, в западно-черкесских варьируется¹¹. 4. В западно-черкесских курганах, кроме деревянных гробов, имеются каменные гробницы (в Восточном Причерноморье). 5. В западно-черкесских курганах есть глиняные местные сосуды и глиняные импортные, в кабардинских курганах сосудов почти нет, кроме двух случаев¹². В настоящее время известен еще один могильник — Шалушкинский, где есть глиняная посуда. 6. В кабардинских курганах встречаются рога козы и других животных. 7. Для кабардинских курганов характерно единство погребального сооружения обряда и инвентаря на всей территории их распространения. Западно-черкесские курганные могильники имеют и некоторые локальные особенности.

Исследования адыгских курганов эпохи позднего средневековья связаны с именем русского археолога Н. Г. Керцелли¹³. Правда в районе верхнего прикубанья, недалеко от а. Эльбурган, у речки Байтал-Чапкан в 1848 году Фирковичем во время его второго путешествия были открыты адыгские курганы, но они не были исследованы автором¹⁴. В 1867 г. с целью археологических разведок совершили путешествие на Кавказ братья Нарышкины¹⁵. В своем отчете о путешествии Нарышкины говорят о могильнике возле а. Лоова (ныне аул Кубина). Могильник этот действительно там был и относится к эпохе позднего средневековья. В 1941 г. этот могильник был исследован Т. М. Минаевой¹⁶. Но А. Фирковича и братьев Нарыш-

киных мы можем упоминать только как открывателей.

По поручению Московского общества любителей естествознания и этнографии Н. Г. Керцелли в 1877 году раскопал несколько десятков небольших курганов в районе г. Пятигорска близ с. Горячеводской и осетинского села Ардон. Н. Г. Керцелли датировал исследованные курганы правильно — эпохой позднего средневековья. Через два года в 1879 году профессор В. Б. Антонович исследовал курганы эпохи позднего средневековья, расположенные у ст. Солдатской¹⁷. По инвентарю и погребальному обряду являются адыгскими. В четырех раскопанных курганах Антоновичем В. Б. костяки лежали в деревянных гробах, в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Инвентарь (железные наконечники стрел, сабли, ножи, огнива, кольца, бронзовые пуговицы, остатки кожаной обуви, тканей и головного убора, костяные предметы, гребни и т. д.). Датируются эти предметы XIV—XV вв. В том же году В. Б. Антонович раскапывал курганы у ст. Прохладной¹⁸. Из пятнадцати курганов четырнадцать оказались позднесредневековыми. В них выявлены остатки деревянных гробов, в которых костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад. Инвентарь (железные сабли, скобы, пряжки, серебряные и бронзовые застежки; золотые серьги, различные бусы, остатки кольчуги и др.) — типичный инвентарь для адыгских курганов XIV—XVI вв.¹⁹. В том же году В. Б. Антонович исследовал позднесредневековые курганы адыгского типа возле сел. Эльхотово, Назрань и Христианское (ныне Дигора). Материалы были изданы им с подробным описанием, таблицами и рисунками. Адыгские могильники конца XIII — начала XIV вв. находятся на территории значительно более восточной, чем Лаба. Так, на данной территории крупные полевые исследования в 1881 — 1882 гг. были проведены известным русским археологом, профессором Варшавского университета Д. Я. Самоквасовым. Он раскопал около двухсот курганов эпохи позднего средневековья и несколько каменных ящиков с деревянными гробами. Раскопки велись в Пятигорье, недалеко от Кисловодска, над р. Подкумком, в урочище «Против третьей балки²¹».

В опубликованной работе часть курганов автор рассмотрел детально, сопроводив рассказ о них иллюстрациями. В каменных гробницах, врытых в землю, помещались деревянные гробы, в которых лежали костяки на спине, вытянуто, головой на запад. При женских скелетах найдены украшения: серебряные серьги с подвеской из дутых, покрытых зернью шариков, пуговицы, бусы, ножницы — обычные для стрижки овец. При мужских костяках обнаружены огнива (в виде буквы В) плоские, ромбические и

листовидные наконечники стрел «с порожком». Керамики нет. Ближайшие аналогии им имеются в инвентаре могильников XIII—XIV вв. Восточного Причерноморья, заведомо принадлежащих черкесам. Сочетание деревянных и каменных конструкций в погребальном сооружении и отсутствие предметов конской упряжи (столь обычных для кочевнических захоронений) также говорят о том, что могильник является адыгским²².

Но описание большинства курганов Д. Я. Самоквасов просто пропустил, сославшись на то, что все обследованные им курганы аналогичны. В 1897 году по поручению Археологической комиссии классный художник И. А. Владимиров исследовал несколько курганов в различных районах Нальчикского округа. В могильнике, раскопанном И. А. Владимировым недалеко от а. Зелчи, погребенные лежали на глубине 0,25 м в деревянных гробах (без дна), на спине, вытянуто, головой на запад, со скрещенными на груди руками. Деревянные гробы вставлены в гробницы из песчаника. Инвентарь (серебряные серьги с дутыми шаровидными подвесками, пуговки и др.) сходен с инвентарем адыгских погребений XIII—XVI вв. Восточного Причерноморья. Могильник раскопан в 1881 году Д. Я. Самоквасовым в урочище «Против третьей балки» в Пятигорье. Обряд погребения — в деревянных гробах, вставленных в каменные гробницы; костяки со скрещенными на груди руками — все это также говорит об адыгском происхождении могильника.

В 1912 году секретарь статистического комитета Терской области М. А. Караулов вел раскопки у бывшей немецкой колонии Эбенецер, в окрестностях села Карагач²⁴. Костяки лежали в деревянных гробах, в вытянутом положении, на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища, или сведены у паха. Инвентарь погребений (шишак от «тюрбана», бронзовые и серебряные бляхи и пряжки, остатки шелковой материи и ленты, бубенчики, золотая подвеска и др. М. А. Караулов, основываясь на том, что во вскрытых им комплексах встретилось много оружия и нередко пробитые черепа, высказал мысль, что в курганах захоронены воины, погибшие в сражении между войсками Тимура и Тохтамыша в 1395 году. Как справедливо отметил А. Х. Нагоев, мнение Караулова ошибочно, т.к. погребальный обряд и инвентарь этих могил типичны для адыгских курганов эпохи позднего средневековья.

Близ ст. Змейской и городища Татартуп в Северной Осетии в 1912 году Ф. С. Панкратов раскопал 11 адыгских курганов²⁵. Автор пользовался примитивной методикой раскопок (копал сквозными траншеями через насыпи) и допустил ряд погреш-

ностей в фиксации формы могильных ям и гробов. В дореволюционное время были исследованы адыгские памятники и в Восточном Причерноморье. В. Сизов в 1885 году исследовал курганный могильник близ ст. Береговой. Костяки лежали на помосте у камней, головой на северо-запад, керамика находилась у ног²⁷. Могильник датируется XIII—XIV вв. Им же были исследованы курганные могильники близ Геленджика и Мысхако (Малая Земля). Могильник здесь датируется XIII—XV вв. В другом курганном могильнике с каменными гробницами, костяк лежал головой на запад, с керамикой (датируется XII—XIV вв.) Особо следует сказать о раскопках дореволюционного периода известного русского археолога Н. И. Веселовского в районе Закубанья. Им были раскопаны курганные могильники белореченского типа возле ст. Варениковской²⁸, ст. Абинской²⁹. Кроме Н. И. Веселовского, ранее исследовал этот могильник В. Г. Тизенгаузен в 1879 году³⁰.

Следует отметить также раскопки В. А. Беренштамма в 1897—1899 годах³¹ курганных могильников у бывшего Ульского аула (ныне Уляпский), Темиргоевский, а также Некрасовских, курганы у Старой Мышастовки и Краснодарский могильник. Все эти курганные могильники датируются в основном (кроме Уляпского XIII—XVI вв.) XIV—XV вв. Обращает внимание тот факт, что обряд захоронения аналогичен обряду адыгских курганов эпохи позднего средневековья, но есть существенные отличия. Так, в Некрасовском могильнике имеются принадлежности конской упряжи, то же самое наблюдается в могильнике возле Старой Мышастовки³². Как известно, принадлежности конской упряжи свойственно было класть в могилу кочевникам. Возможно, эти могилы принадлежат половцам или их остаткам, после того как они были разгромлены монголо-татарами.

В разные годы и в разных районах Центрального Предкавказья раскопки курганов позднего средневековья вели П. П. Надеждин³³, В. Р. Апухтин³⁴. Последний исследовал курганные могильники возле Ессентуков и ст. Горячеводской в 1902 году. Оба курганных могильника адыгские и относятся к XV—XVI вв. Раскопки адыгских курганов XV—XVI вв. производились также В. И. Долбежеевым³⁵, А. Н. Греном³⁶.

Такова краткая история археологического изучения адыгов эпохи позднего средневековья в дооктябрьский период. Правоммерно поставить вопрос, каковы достоинства и недостатки исследований дореволюционных археологов, изучавших адыгские па-

мятники эпохи позднего средневековья? Заслуга дореволюционных археологов в том, что они, во-первых, поставили проблему изучения данного вопроса; во-вторых, собрали большой фактический материал; в-третьих, некоторые из дореволюционных археологов верно определили этническую принадлежность курганов и верно их датировали³⁷. Дореволюционные археологи пытались решать и глобальные вопросы адыгской истории, как, например, время переселения адыгов на восток. Так, М. А. Караулов считал, что адыги стали продвигаться на восток в XIV—XV веках³⁸, хотя автор не дал аргументов в пользу своей версии. Общим недостатком дореволюционных археологов является низкий уровень методики исследования, краткость, отрывочность сообщений о результатах раскопок. Подавляющее большинство из них не ставили перед собой задач исторической интерпретации материалов, решения кардинальных проблем истории адыгов, ограничивались определением этнической принадлежности и приблизительной датировкой курганов, подходили к истории изучаемого ими народа с идеологических позиций своего времени.

Коренной перелом в изучении археологических памятников Северного Кавказа произошел после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Исследования советских археологов, в отличие от дореволюционных, характеризуются не только точной фиксацией объектов и подробной публикацией материалов, но и тем, что на основе археологических источников ученые пытаются решать кардинальные проблемы истории народов. Археологические исследования памятников адыгов эпохи позднего средневековья начались сразу же после окончания гражданской войны.

В 1920—1921 гг. Б. В. Лунин исследовал адыгский курганный могильник у подножья горы Машук на Константиновском плато, где за 10—12 лет до этого, по всей вероятности, производил разведку Н. Е. Макаренко⁴⁰.

Сотрудник Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК А. В. Мачинский вел раскопки адыгских курганов в городском парке Нальчика в 1929 и 1932 гг.⁴⁴. Всего было раскопано 2 кургана. Вокруг одного из курганов прослежена кольцевая выкладка из булыжника. Вытянутый на спине костяк лежал в деревянной колоде, головой на юго-запад. Погребенный в другом кургане сохранился плохо. Инвентарь курганов: железные ножи, пряжки, листовидные наконечники стрел, кольцо. Курганы относятся, по мнению автора к XIV—XVI вв. Аналогичные курганы были раскопаны на территории ЧИАССР самим же А. В. Мачинским на правом берегу р. Фортанги возле сел. Ачхой-Мартан

Костяки в деревянных колодах, головой на запад, инвентарь аналогичный, датируются XIV—XVI вв.

В 1937 году Е. И. Крупнов раскопал близ сел. Красно-Октябрьское курганные могильники, костяки лежали в деревянных колодах головой на запад⁴². Аналогичный памятник был исследован А. П. Кругловым тоже на территории Чечено-Ингушетии⁴³. В предвоенные годы в Кабардино-Балкарии было раскопано несколько курганных могильников. В 1933 году А. А. Иессен исследовал курганы, расположенные к востоку от сел. Гунделен. А. А. Иессен датирует их «по имеющимся материалам эпохой примерно XIV в. и главным образом еще более поздним временем⁴⁴». Этот же могильник в послевоенные годы был обследован П. Г. Акритасом, который считал его кабардинским⁴⁵.

В 1932 году Б. Е. Деген-Ковалевским⁴⁶ были раскопаны курганы, находящиеся к западу и юго-востоку от с. Заюково. Но еще раньше в 1882 году два из них исследованы В.И. Долбежевым⁴⁷. Насыпи курганов были обложены булыжником, что характерно для адыгских курганов позднего средневековья. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад. Под костяками были следы деревянного настила. Б. Е. Деген-Ковалевский датирует курганы XIII—XIV вв. и связывает их с появлением здесь кабардинцев. На сегодняшний день значительная часть курганов разрушена. В довоенный период значительные исследования проводились Н. В. Анфимовым и Н. Н. Анфимовой в районе Шапсугинского водохранилища на реке Убинке. Они исследовали могильник и поселение. Могильник датируется X—XIV вв. Здесь выявлены труположения в дубовых колодах; костяки лежали головой на запад, юго-запад, северо-запад. Курганные насыпи окружены каменной обкладкой. Имеется керамика, наблюдаются трупосожжения (из 300 погребений — 30) в красно- и сероглиняных урнах⁴⁸.

После Великой Отечественной войны археологическая экспедиция ИА АН СССР и КНИИ, возглавляемая Е. И. Крупновым, раскопала археологические памятники разных исторических эпох, в том числе и курганы позднего средневековья⁴⁹. В частности, Е. И. Крупновым исследованы курганы, расположенные к северо-востоку от поселка Советский. Курганы были небольшие (до 2 м. высотой), в насыпях содержалось много камней. Погребенные обложены большими плоскими камнями и засыпаны древесным углем. Костяки лежали вытянуто, на спине, головой на северо-запад. Инвентарь погребений (пряжки, серебряные бляшки, железные принадлежности, пояса и др.) относится в XIV—XVI вв. В свое время эти курганы были обследованы в

1897 г. И. А. Владимировым⁵⁰, и в 1959 году АЭИА — КБНИИ под руководством В. А. Кузнецова снова обследовала курганы и пришла к тем же выводам, что и Е. И. Крупнов⁵¹.

В 1947 году Е. И. Крупнов^{52, 53} раскопал курганы в 3 км от сел. Старый Лескен, а в 1954 году эти курганы обследовались П. Г. Акритасом⁵⁴. Могильник состоит из 40 компактно расположенных курганов высотой 0,5—1,8 м. и диаметром — 6—15 м. Некоторые из них обложены булыжником. Вокруг более крупных курганов прослеживаются рвы. В двух раскопанных Е. И. Крупновым курганах отмечен типичный для адыгских курганов XIV—XVI вв. погребальный обряд и инвентарь. Кроме того в обоих курганах найдены рога козы⁵⁵.

В 50-е годы огромную работу по изучению археологических памятников адыгов эпохи позднего средневековья проводила Т. М. Минаева, исследовавшая несколько курганных могильников на территории КЧАО⁵⁶. В частности, Т. М. Минаевой был раскопан могильник в семи километрах южнее а. Кубины, в верховьях небольшой речки Байтал-Чаппан. Всего здесь было раскопано 8 курганов. Во всех могилах костяки лежали головой на запад, в деревянных гробах, вытянуто на спине. Инвентарь погребений состоял из следующих предметов: в женских захоронениях — серебряные кольца, железные ножницы, короткий железный нож. В мужских захоронениях — железные наконечники стрел, железное кресало, железная сабля, железный нож, железный кинжал, железное огниво и др.

Т. М. Минаева в то же время (в 1954 г.) раскопала еще два могильника. Один из них в устье речки Байтал-Чаппан. Высота курганов была небольшая — 0,6 м. Захоронения совершались в деревянных гробах. Обряд захоронения аналогичен обряду предыдущего могильника. Костяки лежали в деревянных гробах, головой на запад, на спине, вытянуто, руки вдоль туловища. Инвентарь захоронений: в мужских захоронениях обнаружили железные стрелы, ножи, железные пряжки; при женских костяках находились бронзовые позолоченные кольца с резными ободками, железный ножик, железные ножницы и др.

Т. М. Минаевой был раскопан курган на могильнике в устье речки Карабеггонка в 3—4 км севернее ст. Зеленчукской⁵⁷. Погребальный обряд аналогичен обряду двух предыдущих могильников. В гробу лежал женский костяк головой на запад, вытянуто. Инвентарь костяка состоял из двух сережек из золотой проволоки. Памятники, аналогичные только что описанным, были открыты в предгорной полосе Северного Кавказа⁵⁸. Все эти памятники, на основании вышеизложенных данных, можно отнести к XIV—XVI вв.

Т. М. Минаева указывает, что из обследованных ею памятников два можно выделить и отнести к наиболее позднему времени. Это могильник на левой стороне М. Зеленчука, против южного конца а. Эльбурган и могильник на речке Джеганас. Во-первых, характер насыпей этих могильников дает основание предполагать, что создавались они в тот период, когда обычай возводить насыпи уже стал отмирать. Это могло быть в XVII в., возможно, и в начале XVIII вв. Во-вторых, память об этих могильниках до сих пор не исчезла у местного населения⁵⁹. Автор согласен с этой точкой зрения частично, т.к. предположения не основываются на археологическом материале. Вопрос об этнической принадлежности могильников не представляет затруднений — эти памятники адыгские, о чем свидетельствует археологический материал. Особо стоит выделить один памятник — это Ново-Кувинский грунтовый могильник⁶⁰. Этот могильник находится в долине Большого Зеленчука, близ а. Ново-Кувинска. Могильник был раскопан Т. М. Минаевой в 1950—1951 гг. В общей сложности было вскрыто 57 погребений. Т. М. Минаева датирует этот могильник XIII—XV вв. Участвовавшая в этих раскопках Е. П. Алексеева тоже относит могильник примерно к тому же времени (XIII—XIV вв.). Е. П. Алексеева считает этот могильник адыгским. Он мог быть оставлен также абазинами. Такой вывод можно сделать на основании анализа инвентаря и обряда, а также и деревянных конструкций⁶¹. Напротив, Т. М. Минаева не считает его адыгским на основании того, что памятник исследован не до конца и датировку она дает также приблизительную. По мнению автора, могильник является адыгским.

Большую работу по изучению археологии и истории народов Северного Кавказа, особенно адыгских народов, проводит доктор исторических наук, старший научный сотрудник КЧНИИ Е. П. Алексеева. В 1953 году Е. П. Алексеева вела раскопки курганного могильника а. Жако (Хабезский район, КЧАО)⁶². Обряд погребения типично адыгский, костяки лежали вытянуто, на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Инвентарь погребения был беден. Вообще-то это характерная черта почти всех курганных погребений данной эпохи на территории КЧАО⁶³. В мужских погребениях — железное кресало, железный кинжал, наконечники стрел, остатки колчана и т.д. В женском — ножик, шило, сережки спиралевидной формы из низкопробного серебра. Инвентарь этих могильников сближается с находками из курганов Байтал-Чапкан и устья р. Карабегонки в КЧАО⁶⁴, из курганов Пятигорья⁶⁵ (ст. Горячеводская, раскопки Н. Г. Керцелли и В. Р. Апухтина⁶⁶). Жаковские курганы Е. П. Алексеева датирует по находкам пред-

положительно XV в., считая, что в курганах отсутствуют бубенчики, пуговицы, пряжки и др. атрибуты одежды, характерные для XVI в., но есть наконечники стрел, исчезающие уже к XVI веку, в связи с появлением огнестрельного оружия⁶⁷. Датировка, конечно, приблизительная (о чем Е. П. Алексеева сама пишет). Автор согласен с точкой зрения Е. П. Алексеевой. Через год Е. П. Алексеева продолжила раскопки Жаковского могильника. Обряд захоронения аналогичен обряду двух курганов, раскопанных в 1953 г.⁶⁸. В одном из курганов обнаружено парное захоронение, что не типично для адыгских курганов кабардинского типа, но является характерным для Восточно-Причерноморской группы. Но здесь нужно учитывать, что в верховьях Кубани и Зеленчуков встречаются смешанные типы захоронений (т.е. Восточно-Причерноморский, Закубанский и Кабардино-Пятигорский типы.) В одном из погребений встречается рог, что является редкостью для кабардинских захоронений⁶⁹. В одном из курганов (№ 10) обнаружены более крупные стрелы (а они считаются более ранними), что позволяет предположить (и только предположить) о более ранних курганах на этой территории, возможно, XIII и даже XII вв.

В остальных курганах Жако никаких особенностей не наблюдается (по сравнению с раскопками 1953 года). В целом раскопки адыгских средневековых могильников могут прояснить историю передвижения (переселения) кабардинцев с низовьев Кубани в верховья Зеленчуков и Кубани, и далее на восток, но эта тема отдельного исследования.

Летом 1956 года археологическая экспедиция КЧНИИ под руководством Е. П. Алексеевой исследовала курганный могильник возле а. Бесленей в 25 км к юго-западу от г. Черкесска. Упоминание об этом могильнике имеется в трудах Т. М. Минаевой⁷⁰. Курганы, раскопанные у аула Бесленей, обычные адыгские, XIV—XV вв. Е. П. Алексеева датирует курганы XV вв.⁷¹. Обращает внимание и то, что в некоторых погребениях находились медные или бронзовые височные кольца. Возможно, это объясняется тем, что могильник находился на поверхности более древних курганов, которые Е. П. Алексеева относит к эпохе бронзы. Обряд погребения в адыгских курганах — в дубовом гробу, вытянуто, головой на запад или на юго-запад, под курганной насыпью, земляной или булыжниковой. Инвентарь у мужчин — сабли, стрелы, кинжалы, кресала, кремни. У женщин — ножницы для стрижки овец, височные подвески. В погребениях была найдена керамика, данный факт говорит о том, что могильник относится скорее к западным черкесам, так как в кабардинских курганах эпохи позднего средневековья ке-

рамический материал почти отсутствует. На территории КЧАО были открыты курганные могильники бескерамического и керамического типа. Бескерамическим является курганный могильник в а. Жако⁷². Керамика характерна для инвентаря Байтал-Чапканского могильника, исследованного Т. М. Минаевой.

По мнению автора данной статьи, отнести могильник к западно-черкесскому типу, а не к кабардинскому, можно по наличию керамики. Обобщая работы, проведенные Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой по изучению археологических памятников адыгов эпохи позднего средневековья на территории КЧАО, можно сделать некоторые выводы: на данной территории покойники погребались под правильной шаровидной насыпью, иногда курган обкладывался булыжником по основанию, иногда булыжник обнаруживался в насыпи. Часто насыпь складывалась только из булыжника или битого камня.

Под одной насыпью помещался один, иногда два гроба. Гроб обычно изготовлялся из дуба. Изредка встречались погребения без гроба. Обряд погребения однообразен. Костяки лежали вытянуто, головой на запад (иногда с некоторыми отклонениями к юго-западу или северо-западу). Инвентарь — сабли, наконечники стрел, кинжал, огниво, кремь. В женских захоронениях — иглы, пряслица, серьги (серебряные и бронзовые), железные ножницы для стрижки овец.

Керамика в адыгских курганах на территории в большинстве своем отсутствует. Лишь в двух курганных могильниках обнаружены обломки глиняных сосудов⁷⁴.

Большая часть адыгских могильников датируется XV—XVI вв.

В 1954 году экспедиция КНИИ и КПИ под руководством К. Э. Гриневича исследовала курганы близ с. Залукокоаже, на поверхности городища «Черная гора». Было раскопано 2 кургана, в одном из курганов было парное захоронение. К. Э. Гриневич датирует эти курганы XV—XVI вв.⁷⁵ В том же году К. Э. Гриневичем были раскопаны грунтовые погребения ориентировочно XV—XVI вв.⁷⁶ Вблизи с. Куба, на правом берегу р. Малка, находятся курганы, впервые зарегистрированные К. Э. Гриневичем. Они не раскапывались, но по внешним признакам, это типично кабардинские курганы XIV—XVI вв.⁷⁷ В 1954 году Акритасом вновь проведены крупные исследования, в частности, им раскопан один курган из могильника вблизи с. Лечинкой. Насыпь кургана обложена булыжником. Инвентарь типичный для кабардинских курганов XIV—XVI вв.⁷⁸ В том же году были раскопаны П. Г. Акритасом Аушигерский могильник, на окраине села Аушигер, Урванский могильник на западной окраине с. Урвань, Урухский могильник. Обряд

погребений, инвентарь этих курганов типично адыгский XIV—XVI вв.

Определенный вклад в исследование адыгских памятников эпохи позднего средневековья внес Н. А. Шафиев. В 1962—63 гг. Н. А. Шафиев раскопал Зеюковские курганы⁷⁹. В трех раскопанных курганах костяки лежали в деревянных колодах, в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Отмечена подсыпка из углей. Инвентарь погребений — железные ножи, наконечники стрел, серебряная пряжка, цепочка, серьги, кольцо — датируется XIV—XVI вв.⁸⁰

В 1963 году Н. А. Шафиевым были исследованы курганы в 3 км к юго-западу от с. Зеюково на берегу р. Баксан, ориентировка костяка западная, имеется угольная подсыпка, железный нож. Шафиев датирует их XIV—XVI вв. и считает типично адыгскими⁸¹. В этом же году автор исследовал Зеюковские 7-ые курганы и Зеюковский 4-й грунтовый могильник. Оба памятника типично кабардинские и датируются XIV—XVI вв.

Исключительно большую работу по изучению адыгских памятников эпохи позднего средневековья проводит А. Х. Нагоев, сотрудник КБНИИ. Им было исследовано более 260 курганов позднего средневековья⁸³. Летом 1969 года А. Х. Нагоев раскопал несколько кабардинских курганов у сел. Нижний Черек и Псыгапсу Урванского района КБАССР. У селения Нижний Черек было открыто два курганных могильника. На первом могильнике было раскопано 5 курганов. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, руки вытянуты вдоль туловища: из инвентаря было найдено — медная серьга в виде вопросительного знака, наперсток, покрытый штампованными точками, железные ножи, железная стрела, древесный уголь у изголовья, железная сабля и др.⁸⁴. А. Х. Нагоев датировал курганы XIV—XVI вв. на основании проведенного сравнительного анализа инвентаря из материалов раскопок у сел. Куденетово II (Чегем II)⁸⁵, у аула Бесленей⁸⁶, у селения Бамут⁸⁷, в кургане а. Жако⁸⁸, у колонии Карас, ст. Константиновки и в урочище «Против третьей балки»⁸⁹, Бамутского могильника, исследованного Р. М. Мунчаевым в 1959—1960 гг. Данный анализ дал возможность А. Х. Нагоеву датировать могильник XIV—XVI вв.

В 1972—1977 гг. Новостроечная археологическая экспедиция Кабардино-Балкарского института истории, филологии и экономики во главе А. Х. Нагоевым раскопала семь адыгских курганных могильников.

По внешним признакам все раскопанные могильники проявляют большое сходство. Но нужно особо подчеркнуть очень

важный момент. В кургане № 15 Шалушкинского могильника был найден немецкий счетный жетон XVII века, что очень важно для датировки адыгских курганных могильников. А в кургане № 65 найден глиняный сосуд, что нехарактерно для адыгских погребений.

А. Х. Нагоев впервые на основании детального анализа погребального инвентаря и взаимного коррелирования типов вещей разделил кабардинские курганы на два хронологических этапа. Первый этап охватывает XIV—XVI вв., а второй — XVI—XVII вв.⁹⁰ Это, несомненно большая заслуга А. Х. Нагоева.

Большой интерес представляет обобщающий труд Нагоева А. Х., вышедший в 1981 году «Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVI вв.)»⁹¹. В этой работе автор последовательно рассматривает все археологические источники, которые в той или иной мере касаются кабардинцев эпохи позднего средневековья. Особый интерес работы, по-моему, состоит в том, что А. Х. Нагоев привлек большой археологический материал и на основании анализа археологического материала поставил проблему разделения вообще адыгских курганов на хронологические группы⁹². Не могу не сказать, что при написании статьи, автор не единожды сталкивался с некоторой путаницей в определении датировки адыгских курганов, особенно на тех территориях, которые входят в состав КЧАО⁹³. На данный момент адыгских могильников эпохи позднего средневековья изучено достаточно, чтобы решить проблему, выдвигаемую А. Х. Нагоевым.

Адыгские курганы в Карачаево-Черкесии, у с. Важное и у аула Красный Восток, раскапывал Х. Х. Биджиев.

Теперь можно подвести итоги. Так, изучение памятников рассматриваемой территории начинается в 70-х годах XIX века и связывается с именем Керцелли⁹⁴. Хотя археологическая наука не была еще так хорошо развита, тем не менее, Н. Г. Керцелли верно определил этническую принадлежность памятников и верно их датировал. Дореволюционными археологами было сделано немало для развития адыговедения эпохи позднего средневековья. Стоит выделить таких исследователей, как В. Б. Антонович, И. А. Владимиров, Д. Я. Самоквасов, М. А. Караулов, Ф. С. Гребенец. Они изучали памятники в основном Центрального Кавказа. Что касается территории Верхнего Прикубанья, то памятники эпохи позднего средневековья здесь только фиксировались. Исследования этих памятников не проводились.

В данной статье мало внимания уделено памятникам Восточного Причерноморья и Закубанья. В изучении этих терри-

торий можно отметить работы В. Сизова, Н. И. Веселовского, В. Г. Тизенгаузена, В. Л. Беренштамма.

Дореволюционные археологи не могли решить коренных вопросов адыгской истории, да и не ставили перед собой такой задачи. Но тем не менее именно они поставили перед адыговедением проблемы истории адыгов и накопили достаточный материал для решения многих вопросов. Проблемы, адыгской истории, поставленные дореволюционными историками и археологами, успешно разрабатываются после Великой Октябрьской социалистической революции советскими историками с марксистско-ленинской научной позиции. После гражданской войны, в 20-30-х годах много было сделано для исследования адыгских памятников эпохи позднего средневековья советскими археологами Б. В. Луниным, Б. Е. Деген-Ковалевским, А. В. Мачинским, А. П. Кругловым, А. А. Иессеном и другими.

Все эти исследования затронули Центральный Кавказ. На этом этапе развития науки было решено много проблем — это научная методика раскопок, точная фиксация материалов и их подробная публикация, попытка решения кардинальных проблем истории адыгов⁹⁵.

В послевоенный период были проведены крупные археологические исследования такими учеными, как Е. И. Крупнов, П. Г. Акритас, В. А. Кузнецов, Т. М. Минаева, Е. П. Алексеева. Особо хочется остановиться на исследованиях Т. М. Минаевой и Е. П. Алексеевой. Они первыми начали исследования позднесредневековых археологических памятников адыгов на территории Верхнего Прикубанья. Т. М. Минаева и Е. П. Алексеева раскопали пять адыгских могильников, которые дали богатый археологический материал. В работах Е. П. Алексеевой освещены многие вопросы древней и средневековой истории адыгских и других народов Северного Кавказа. Ее перу принадлежит первый обобщающий и фундаментальный труд по истории народов Карачаево-Черкесии. Т. М. Минаева произвела разведку на территории Верхнего Прикубанья и составила подробную карту расположения археологических памятников в том числе и нозднесредневековых. Материал, добытый этими учеными, позволяет по-новому взглянуть на некоторые проблемы адыгской истории.

В 60—е годы внесли свой вклад в изучение памятников адыгов Е. И. Крупнов, Р. М. Мунчаев, В. А. Кузнецов, Н. А. Шафиев, О. В. Милорадович и др. Особенно большой вклад в изучение археологических памятников адыгов позднего средневековья был сделан А. Х. Нагоевым. Несмотря на то, что его работы посвящены только кабардинцам, они имеют большое значение

для всего адыгovedения. На сегодняшний день обобщающий труд А. Х. Нагоева «Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVI вв.)» является одним из самых серьезных исследований.

На территории Карачаево-Черкесии в середине 70-х годов вели исследование адыгских могильников Х. Х. Биджиев⁹⁶ и Г. Х.-У. Текеев⁹⁷.

Несмотря на заметные успехи в изучении истории и культуры адыгов, еще имеется ряд неразработанных проблем. Особенно это касается русско-адыгских связей, адыго-кипчакских отношений. Трудности в разработке этих проблем возникают из-за неисследованности археологического материала. В заключение хотелось бы затронуть один из остродискуссионных вопросов адыгской истории — время массового переселения адыгов на восток. Выяснение этого вопроса очень важно, поэтому остановимся на нем специально.

Проблема переселения кабардинцев с Северо-Западного Кавказа на юго-восток выходит за рамки чисто адыгской истории, т.к. переселение перекроило этническую карту Северного Кавказа. Мнения исследователей по этому вопросу расходятся. Так, М. А. Караулов⁹⁸ относил время продвижения кабардинцев к XIV—XV вв., а В. П. Пожидаев к XV—XVI векам⁹⁹, но каких-либо аргументов в пользу своих версий оба не приводят. Известный советский ученый Л. И. Лавров пришел к выводу, что переселение кабардинцев произошло во II-й половине XIII в.¹⁰⁰ Г. А. Кокиев считает, что переселение адыгских племен происходило в 4 этапа и завершилось в середине XVI века образованием Малой Кабарды на побережье Терека¹⁰¹. В. П. Левашева полагает, что продвижение адыгов на юго-восток началось до монголо-татарского нашествия в результате развития производственных сил (поиска новых пастбищ) и появления Тмутараканского княжества¹⁰². А. Х. Нагоев на основе данных археологии пришел к выводу, что массовое переселение кабардинцев началось в конце XIV века после битвы Тимура с Тохтамышем в 1395 году¹⁰³.

Е. П. Алексеева считает, что массовое переселение адыгов на территорию Пятигорья и нынешней Кабарды происходит во второй половине XIII века¹⁰⁴. Свою версию Е. П. Алексеева больше связывает с внешнеполитической обстановкой на Северном Кавказе, в основном после ухода монголо-татар.

А. Х. Нагоев считает, что адыги переселились на юго-восток в конце XIV века. При этом он ссылается на работу Алексеевой Е. П., в которой она говорит, что в Кабарде нет археологических памятников не только XII в., но и XIII века, которые можно было

связать с кабардинцами. А. Х. Нагоев прав, говоря о том, что на территории Кабарды нет курганных могильников XII и XIII веков, связанных с кабардинцами. Мы поддерживаем мнение А. Х. Нагоева о массовом переселении кабардинцев в XIV веке после битвы между войсками Тимура и Тохтамыша в 1395 году. По мнению автора в высказанных точках зрения о переселении кабардинцев на нынешнюю территорию нет никакого противоречия, которое кажется на первый взгляд и в связи с этим все точки зрения примиряет Г. А. Кокиев, который полагает, что переселение происходило в 4 этапа и завершилось в XIV веке¹⁰⁵. Конечно, вопрос о переселении кабардинцев требует более детального анализа, прежде всего, археологического материала. При этом по нашему мнению должны быть исследованы все регионы, где проживали в это время адыгские племена.

¹ Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья // Плиска-Преслав. Правългарската култура. Материали от българосъветската среща, Шумен, 1978. София, 1981, с. 9.

² Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа.— М.: Наука, 1960, с. 387.

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии.— М.: Наука, 1971, с. 39.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века.— М.: Наука, 1975, с. 414.

Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов.— Нальчик: Эльбрус, 1975, с. 5.

³ Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. // Советская этнография. М., 1956, № 1, с. 18—38.

⁴ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М. 1971, с. 181

⁵ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв.— Орджоникидзе: Ир. 1971.

⁶ Керцелли Н. Г. Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878. Т. 1, с. 204—206. Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. V археологический съезд в Тифлисе. // Труды предварит. комитетов. М., 1882, с. 217—220, табл. III—IV.

⁷ Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. // Труды КЧНИИ III, серия историческая, Черкесск, 1959, с. 3—83

⁸ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии.— М.: Наука, 1971, с. 182-183.

⁹ Алексеева Е. П. Указ. раб., с. 184.

¹⁰ Антонович В. Б. Дневник раскопок, произведенных на Кавказе осенью 1879 г. // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М., 1879—1882, с. 216—256;

¹¹ Крупнов Е. И. Мунчаев Р. М. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 217—242.

¹² Нагоев А. Х. Итоги раскопок Кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1977 гг. // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 3, Нальчик, 1987, с. 193.

¹³ Керцелли Н. Г. Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878, Т. 1, с. 204—208

- ¹⁴ Фиркович А. Археологические исследования на Кавказе // Тр. Восточ. отд. импер. Археологического об-ва, 1858, СПб., с. 103—107. Записки имп. Археологического об-ва, т. IX, вып. 2, СПб., 1957.
- ¹⁵ Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году // Изв. имп. Русского Археологического общества. Т VIII. СПб., 1877.
- ¹⁶ Минаева Т. М. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1950, вып. 2—3, с. 205—264.
- ¹⁷ Антонович В. Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. // V Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М.: 1882, с. 217—220, табл. III—IV.
- ¹⁸ Там же, с. 216—250.
- ¹⁹ Уварова П. С. Коллекция Кавказского музея Тифлис, 1902, Т. IV, с. 152—154.
- ²⁰ Иессен А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА СССР, № 3, М.—Л., 1941, с. 10.
- ²¹ Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли.— М., 1908, с. 243—253.
- ²² Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. // ТКЧНИИ, III, Черкесск, 1959, с. II.
- ²³ ОАК за 1897г. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных классным художником И. А. Владимировым в Нальчикском округе Терской области. СПб., 1900, с. 41—44, 138—145.
- ²⁴ МАК, Прибавление и вып. 46. СПб., 1912, с. 134—135 (о работах М. А. Караулова на территории Кабардино-Балкарии); газ; «Терские ведомости», 1912, № 92 (о раскопках Караулова в колонии Эбенешер).
- ²⁵ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII вв.).— Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 11.
- ²⁶ Гребенец (Панкратов Ф. С.) Курганы в окрестностях станции Змейской (терского Казачьего войска) // Отчет об археологических раскопках, произведенных в 1912 году. СМОМПК, Тифлис, 1914, вып. 44, отд. III, с. 1—30.
- ²⁷ Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // МАК II, 1889, с. 3—4.
- ²⁸ Веселовский Н. И. ОАК за 1902; архив ЛОИИМК Ф. 1, 1903, д. 14, ГИМ, с. 109—111.
- ²⁹ Тизенгаузен В. Г. ОАК за 1879 г., с. XVII.
- ³⁰ Беренштам В. Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 году В. Л. Беренштамом. // Пятый археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М., 1882, с. 287—321.
- ³¹ Указ. раб., с. 314—317, 304—307.
- ³² Надеждин П. П. Кавказский край. Тула, 1901, с. 419.
- ³³ Апухтин В. Р. Горячеводская Пятигорского отдела Терской области. // Каталог выставки XII археологического съезда в Харькове. Дополнение. Древности, добытые из раскопок и случайных находок. Харьков, 1902, с. 28—37.
- ³⁴ Долбежев В. И. ОАК 1882—1883, с. 290—293; Архив ЛОИИМК, ф. 1, 1888, д. 12.
- ³⁵ Грен П. Н. ОАК за 1902. СПб., 1904, с. 149.
- ³⁶ Керцелли Н. Г. Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878, т. 1, С. 204—206, т. 2, С. 274—276.
- ³⁷ Караулов М. А. Терское казачество в его прошлом и настоящем. (Памятка Терского казака). Владикавказ, 1912, с. 247.
- ³⁸ Лунин Б. В. Курганные могильники близ города Пятигорска Терской области. // Записки Северо-Кавказского краевого общества археологии, истории и этнографии.— Ростов-на-Дону, кн. 1, т. 3, выпуск 1927, с. 3—17.

- ⁴⁰ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 гг. IV. Терская область. // ИАК, 43, СПб., 1911, с. 121—120.
- ⁴¹ Мачинский А. В. Кабардинские курганные погребения в окрестностях г. Нальчика. // МИА, 1941, № 3, с. 317—325.
- ⁴² Крупнов Е. М. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. 12, 1941, с. 188.
- ⁴³ Круглов А. П. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г., Грозный, 1938, с. 30—31.
- ⁴⁴ Иессеи А. А. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА, СССР, № 3, М.—Л., 1941, с. 10.
- ⁴⁵ Акритас П. Г. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. // УЗ КБНИИ, XVI, 1959, с. 208.
- ⁴⁶ Деген-Ковалевский Б. Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. // Археологические работы на новостройках в 1932—1933 гг. ИГАИМК, вып. 10, ч. II, 1935, с. 11—39.
- ⁴⁷ ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1890, с. 162 (о случайных находках); 290—299 (о работах Долбежева В. И.).
- ⁴⁸ Смиринов А. П. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. // Нальчик, УЗ КНИИ, IV 1948, с. 65—90.
- ⁴⁹ Крупнов Е. И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. // УЗКНИИ, т. IV, 1948, с. 281—282.
- ⁵⁰ ОАК за 1887 г. (1. Извлечение из отчета И. А. Владимирово о раскопках, произведенных классным художником И. А. Владимировым в Нальчикском округе Терской области, с. 43—46, 138—145. 2. Собрание Д. Вырубова, с. 75—76, СПб., 1900.
- ⁵¹ Кузнецов В. А. Краткий предварительный отчет о работе разведочного отряда Кабардино-Балкарской археологической экспедиции, архив КБНИИ, инв. № 1755.
- ⁵² Крупнов Е. И. Из далекого прошлого Кабарды. // Газ. КП, 8 октября 1947 г., № 201.
- ⁵³ Крупнов Е. И. Отчет о работе археологической экспедиции 1948 г. в Кабардинской АССР. // УЗКНИИ, т. IV, 1958, с. 296—300, рис. 10—12.
- ⁵⁴ Акритас П. Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 г. // УЗКНИИ, т. X, 1955, с. 25—66.
- ⁵⁵ Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // УЗ КНИИ, т. V, 1950, с. 216—217, рис. 18.
- ⁵⁶ Минаева Т. М. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае. // Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 6. Ставрополь, 1954, с. 287—305.
- ⁵⁷ Минаева Т. М. Указ. раб., с. 285.
- ⁵⁸ Веселовский Н. И. Отчет археологической комиссии.— СПб., 1896, с. 56.
- ⁵⁹ Минаева Т. М. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае. // Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 6, 1954, с. 303.
- ⁶⁰ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии. // Труды Черкесского научно-исследовательского института, вып. II, Черкесск, 1954, с. 292.
- ⁶¹ Алексеева Е. П. Очерки по истории черкесов в XIV—XV вв. // ТКЧНИИ, вып. III, серия историческая, 1959 г., с. 3—83.
- ⁶² Алексеева Е. П. Археологическая экспедиция Черкесского научно-исследовательского института летом 1953 г. // Архив КЧНИИ, инв. № 17, с. 1—40.
- ⁶³ Алексеева Е. П. Указ. раб., с. 49.
- ⁶⁴ Минаева Т. М. Археологические памятники Черкесии // ТЧНИИ, вып. II, Черкесск, 1954, с. 261—302.

⁶⁵ Керцелли И. Г. Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1978, с. 204—206; с. 275—276.

⁶⁶ Апухтин В. Р. Станица Горячеводская Пятигорского уезда Терской области.//Каталог выставки XII археологического съезда в Харькове. Дополнение. Древности, добытые из раскопок и случайных находок.— Харьков, 1902, с. 28—38.

⁶⁷ Алексеева Е. П. Указ. раб., с. 50—51.

⁶⁸ Алексеева Е. П. Отчет о работе археологической экспедиции черкесского НИИ и Черкесского областного музея летом 1954 года.//Архив КЧНИИ, инв. № 18, с. 72

⁶⁹ Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV—XVI вв.//СА, XX, М., 1954, с. 343—356.

⁷⁰ Минаева Т. М. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае.//Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 6, 1954, с. 287—305. Ее же. Археологические памятники Черкесии.//ТЧНИИ, вып. II, Черкесск, 1954, с. 261—302.

⁷¹ Алексеева Е. П. Отчет о работе археологической экспедиции Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института летом 1956 года.//Архив КЧНИИ, инв. № 18, 20.

⁷² Алексеева Е. П. Отчет о работе археологической экспедиции Черкесского научно-исследовательского института летом 1953—54 гг.//Архив КЧНИИ, инв. № 18, 20

⁷³ Минаева Т. М. Кабардино-Черкесские курганные могильники в Ставропольском крае. Ставрополь.//Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 6, 1954, с. 287—305.

Алексеева Е. П. Отчет о работе археологической экспедиции ЧНИИ летом 1954 года.//Архив КЧНИИ, инв. № 19, с. 1—33

⁷⁴ Гриневич К. Э. Отчет о работе кабардинской археологической экспедиции 1949 г.//Архив КБНИИ, инв. № 245, с. 11—13.

⁷⁵ Там же, с. 12—13.

⁷⁶ Акритас П. Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 г.//УЗКНИИ, т. X, Нальчик, 1965, с. 63—64.

⁷⁷ Там же, с. 52, 56—58, 62, 52.

⁷⁸ Шафиев Н. А. Отчет о проведенной археологической экспедиции КБГУ за 1963 год.//Сборник научных работ аспирантов, вып. I. Нальчик, 1965, с. 97—102.

⁷⁹ Шафиев А. Отчет о проведенной археологической экспедиции в Эльбрусском районе КБАССР в 1962 году.//Архив ИА АН СССР, инв. № 2475, с. 5.

⁸⁰ Там же, с. 102.

⁸¹ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVI вв.) — Нальчик: Эльбрус, 1981, с. 14.

⁸² Нагоев А. Х. Раскопки кабардинских курганов летом 1960 г.//Вестник КБНИИ, № 4, 1970, с. 113—118.

Нагоев А. Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1977 гг.//Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Том. 3, Нальчик, 1987, с. 188.

Указ. раб., с. 193.

⁸³ ОАК за 1987 г. Извлечение из отчета о раскопках, произведенных классным художником И. А. Владимировым в Нальчикском округе Терской области.— СПб., 1900, с. 138.

⁸⁴ Алексеева Е. П. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, с. 66, табл. 17 (1).

⁸⁵ Крупнов Е. И., Мунчаев Р. М. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв./Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 228.

⁸⁶ Самоквасов Д. Я. Могилы Русской земли. М., 1908, с. 242—253

- ⁸⁷ Алексеева Е. П. Указ. раб., с. 66, табл. 17 (4).
- ⁸⁸ Нагоев А. Х. О хронологии кабардинских курганов//Вестник КБНИИ, № 6, 1972, с. 271—290.
- ⁸⁹ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVI вв.) Нальчик: Эльбрус, 1981, с. 3—85.
- ⁹⁰ Нагоев А. Х. Материальная культура, с. 32.
- ⁹¹ Минаева Т. М. Кабардино-черкесские курганные могильники в Ставропольском крае.//Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 6, 1954, с. 287—305.
- ⁹² Керцелли Н. Г. Антропологическая выставка общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1878, т. 1, с. 204—206.
- ⁹³ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVI вв.) Нальчик, Эльбрус, 1981, с. 3—83.
- ⁹⁴ Биджиев Х. Х. Исследования в Карачаево-Черкесии.//АО, 1973, М., 1975, с. 98.
- ⁹⁵ Текеев Г. Х.—У. Раскопки в урочище Байтал-Чапкан.//УЩ КЧ, Нальчик, 1978, с. 90—91; его же: Могильник Байтал-Чапкан.//АО, 1977, М., 1978, с. 144—145.
- ⁹⁶ Караулов М. А. Терское казачество в его прошлом и настоящем. (Памятка терского казака) — Владикавказ, 1912, с. 247.
- ⁹⁷ Пожидаев В. П. Горцы Северного Кавказа. М.—Л., 1926, с. 29—30.
- ⁹⁸ Лавров Л. М. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории.//СЭ, 1956, № 1, с. 19—28.
- ⁹⁹ Кокиев Г. А. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946, с. 34.
- ¹⁰⁰ Левашева В. П. Белореченские курганы.//Тр. ГИМ, вып. 22, 1953, с. 209.
- ¹⁰¹ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII вв.) Нальчик: Эльбрус, 1981, с. 43.
- ¹⁰² Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии.— М.: Наука, 1971, с. 181.
- ¹⁰³ Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев..., с. 43.
- ¹⁰⁴ Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г.//УЗКНИИ, т. V, Нальчик, 1950, с. 216—217, рис. 18.
- ¹⁰⁵ Кокиев Г. А. Некоторые сведения из древней истории..., с. 34.

В. П. НЕВСКАЯ, Е. П. АЛЕКСЕЕВА

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИИ

Часть первая

Изучение историографии истории Карачаево-Черкесии только начинается. Написано лишь несколько обзорных статей¹, небольшие исследования о первых историках-марксистах², а также об отдельных проблемах аграрной истории³. Краткие историографические обзоры имеются также в монографических исследованиях и очерках истории Карачаево-Черкесии⁴. Недостаточная изученность темы придала и этой статье, не претендующей

на полноту анализа, в какой-то степени обзорно-библиографический характер.

Для написания работ по истории Карачаево-Черкесии авторы использовали разнообразные источники: данные археологических раскопок, богатый архивный материал центральных и местных архивов, периодическую печать и литературные источники. Первые упоминания о предках народов Карачаево-Черкесии встречаются в греческих и римских исторических (Геродот) и географических (Страбон) трудах⁵.

Сведения о том, как использовались средневековые источники (византийский автор Константин Багрянородный, арабский — Масуди и др.) помещены в вводной статье к монографии Е. П. Алексеевой «Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии»⁶. Ценная подборка материалов западноевропейских авторов, писавших о Кавказе в период с XIII по XIX в. (Джорджи Интериано, Иосафат Барбаро и др.) произведена В. К. Гардановым⁷.

Первые систематические исследования истории народов Карачая и Черкесии начались с конца XVIII — начала XIX в., когда появились первые работы членов Российской Академии наук и русских ученых о Северном Кавказе, в том числе и о народах Карачая и Черкесии. Это были представители дворянской историографии.

Дворянско-буржуазная историография

Проблематика исторических исследований по Северному Кавказу определялась в XIX в. потребностями времени. Дворянская историография выступала с защитой самодержавия и существующего правопорядка, нарождавшаяся буржуазия — отстаивала требования нового класса — буржуазии. Насущные нужды управления кавказскими землями вызвали изучение адатов горцев, период подготовки к отмене крепостнических отношений у горских народов — к появлению исследований о правовом положении крестьян, формах ренты и т. д.

Споры о судьбе русской общины породили исследования о горской общине. Острота аграрного вопроса в России во второй половине XIX — начале XX в. привела к исследованию аграрных отношений у горцев Северного Кавказа.

На многих работах, особенно в первой половине XIX в., сказалась узость источниковедческой базы. Не проводились ни археологические, ни этнографические экспедиции. Мало изучались документальные материалы. Работы носили описа-

тельный характер, не показывали историческую закономерность событий, не раскрывали причинные связи.

Первые произведения о горах Северного Кавказа были написаны не специалистами историками, а естествоиспытателями, изучавшими кавказские земли. Доктор медицины, академик Российской Академии наук И. А. Гюльденштедт возглавил в 1768—1772 гг. экспедицию для изучения почвы, водных путей и сельского хозяйства Северного Кавказа. Но он не ограничился этим, а изучил этнографический и исторический материал о населении Северного Кавказа. Им описано местоположение народов, их торговые связи, указано на единство карачаевского и балкарского народов.

Сведения о расселении, материальной культуре и обычаях черкесов и абазин имеются также в заметках о путешествиях по Кавказу академиков П. Палласа и Ю. Клапрота⁹, в описании Кавказской линии и живших около нее горских народов И. Дебу¹⁰.

Шире была источниковедческая база в работе С. Броневского¹¹. Состоя правителем канцелярии при князе Цицианове, он имел возможность познакомиться с документальными материалами о горах. Это дало ему возможность не только описать быт народов, но и поставить вопрос об их общественном строе. Он отметил разницу в уровне развития народов, разделив их по этим признакам на феодальные и демократические группы.

Одним из первых профессиональных историков, изучавших народы Северного Кавказа и их историю, был П. Г. Бутков. Его трехтомный труд «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.», изданные в 1869 г., ценны большим фактическим материалом, но также содержат недостаточно обобщений и выводов о закономерностях исторического развития горских народов. П. Г. Бутков, как и другие упомянутые авторы, на территории Карачаево-Черкесии не был, черпая сведения о карачаевцах, черкесах, абазинах и ногайцах из вторых рук.

Расширение источниковедческой базы связано с подготовкой и изданием под руководством Ад. Берже 12-томного свода документов «Акты Кавказской археографической комиссии» (АКАК). И хотя в подборе документов чувствуется тенденциозность, восхваление русского оружия, принижение уровня развития горских народов и игнорирование их классовой борьбы, издание это, благодаря большому фактическому материалу, имеет большую ценность для кавказоведения. Ад. Берже был одним из основателей Кавказского отдела Русского Географического общества, его первым секретарем, одним из инициаторов выпуска «Кавказского календаря», автором многих работ

о горцах Северного Кавказа, в том числе черкесов, карачаевцев, ногайцев, абазин¹².

Но даже серьезные работы дворянско-буржуазных историков не связывали жизнь народов с материальным производством, с деятельностью народных масс, часто принижали уровень их развития.

Ценные историко-этнографические описания горских народов Северного Кавказа, в том числе жителей Карачая и Черкесии, были сделаны русскими офицерами, служившими на Кавказе. Задачей их обычно было географическое описание местности и населения малоизученных земель Северного Кавказа. Вместе с тем они дали материал о хозяйстве и общественном строе горцев, их обычаях. Воспоминания этих наблюдательных и вдумчивых авторов стали важным источником по истории и этнографии народов Черкесии и Карачая. Они писали по собственным наблюдениям, а не только по чужим рассказам, как это делали официальные историки Кавказской войны.

Так, Г. Новицкий, офицер генерального штаба, капитан артиллерии, прошел в 1830 г. территорию Закубанья, переодевшись в черкесский костюм. Он оставил первое детальное описание местности и живших там народов¹³. Через 5 лет, в 1835 г. в горы был послан для осмотра перевалов офицер Ф. Ф. Торнау. Дважды пересек он Кавказский хребет, а третья попытка кончилась пленением разведчика. Два года плена дали ему богатый материал о жизни горского аула, обычаях и нравах жителей, который он описал в своих воспоминаниях¹⁴. Он показал быт абазинского аула, дал сведения о местоположении и численности карачаевцев. Будучи образованным человеком, Ф. Ф. Торнау сделал классификацию горских народов по языковому признаку (черкесы, абазины, татары), привел примерную их численность. Обе эти работы ценны содержащимся в них фактическим материалом, поскольку авторы и не ставили перед собой задачи исследования социально-экономической и общественной жизни народов.

Эти задачи впервые были поставлены подполковником генерального штаба К. Ф. Сталем. Его очерк, написанный в 1846—1848 г., был опубликован только в 1900 г. В работе ему оказал помощь составитель черкесской азбуки, переводчик, а позже преподаватель Ставропольской гимназии Омар Берсеев. Содержание работы шире ее заголовка. Автор не ограничился материалом о черкесах, а точнее адыгах, приводя сведения и о других народах, а, главное, дал не только очерковый материал, но и впервые поставил проблему социальных отношений у горских народов, показал эволюцию общественных отношений.

В работе дана характеристика сословий и показана их эволюция, процесс закрепощения крестьян-общинников, своеобразие общинной организации¹⁵. Именно К. Ф. Сталь впервые показал переплетение дофеодальных отношений с феодальными, наличие общинной собственности на землю и постепенный захват земель князьями, наличие у них административной власти, которая облегчала им наступление на крестьянские земли. И хотя автор в своих выводах отрицает наличие частной собственности на землю, его материал помогает уяснить процесс становления феодальной собственности на землю. Работа К. Ф. Сталя еще в рукописи, до ее опубликования, послужила источником для исследователей обычного права у горцев — Ф. И. Леонтовича и др.

К середине XIX в. относится и зарождение собственной исторической мысли у горских народов Северного Кавказа, когда начал творить выдающийся просветитель и ученый адыгского народа Шора Бекмурза Ногмов¹⁶, самобытный историк и этнограф Хан-Гирей¹⁷, абазинский писатель Кешев, издававший свои произведения под псевдонимом Каламбий. Труды этого автора, уроженца Кечевского аула Зеленчукского округа, представляют большой интерес и для истории абазин, так как термин «черкесы» он употреблял, по мнению Е. Н. Даниловой, как собирательный, и использовал для описания быта и абазинский материал¹⁸. Труд Хан-Гирея, дающий всестороннюю характеристику адыгов в первой половине XIX в., более столетия пролежал в архиве и только в 1958 г. был обнаружен¹⁹. Поэтому он не мог оказать влияния на развитие исторической мысли адыгов в XIX в.

Включение Северного Кавказа в систему экономического развития России в пореформенный период усилило внимание к истории края не только со стороны дворянской, но и буржуазной историографии. Развитие капитализма «вширь» требовало освоения, а для этого и лучшего изучения края. Интерес к Северному Кавказу был вызван поисками путей вовлечения народов Северного Кавказа, в том числе и Карачая и Черкесии, в орбиту российского капитализма. Одним из первых мероприятий на этом пути было проведение там буржуазных реформ.

Подготовка реформ вызвала появление целого ряда работ, исследовавших уровень социально-экономического развития народов, их общественного строя. Интерес к этой тематике, к изучению видов феодальной ренты и земельных отношений вызвал появление газетных и журнальных статей «О зависимых сословиях в горском населении Кубанской области»²⁰, сообщений о ходе реформ²¹.

Проблеме поземельного быта горских племен Северного Кавказа была посвящена статья П. А. Гаврилова. Всем этим статьям был присущ описательный характер, без анализа причин проведения реформ, специфики их проведения, без показа их грабительского характера. П. А. Гаврилов сам писал, что его работа — «обзор распоряжений о наделении земель горцев Кубанской области»²². Он не показал и того, что освобождение крестьян от власти помещиков проводилось в горских округах двумя этапами: земельная реформа должна была освободить от поземельной зависимости юридически свободных крестьян-общинников, а крестьянская реформа — дать личную свободу, но за большой выкуп, крепостным крестьянам. Не мог, разумеется, ни один из дореволюционных авторов показать и того, что эти буржуазные по содержанию реформы были крепостническими по методам их проведения, не раскрыл классовой борьбы в горских аулах.

Для изучения социального состава и положения сословий у горских народов надо было собрать и проанализировать нормы обычного права народов. Работа по записи адатов проводилась и в начале XIX в., когда по поручению А. П. Ермолова ставропольский помещик А. Ф. Ребров записал адаты ногайцев. В 40-е гг. сбором и обработкой адатов занимались ротмистр Давыдовский, майор Я. Шарданов, войсковой старшина А. А. Кучеров и др.

Записи адатов были переданы Одесскому университету, где их обработал и опубликовал представитель историко-юридической школы профессор Ф. И. Леонтович²³. Адаты показывали процесс становления феодальной зависимости, форм ренты, которая чаще выступала под видом добровольной помощи и приношений. Эта завуалированность феодальных отношений привела к противоречивым оценкам степени закрепощения крестьян. Сторонники общинной теории, к которым относился и Ф. И. Леонтович, считали основную массу крестьян-общинников юридически свободными и экономически независимыми. Другая часть исследователей, начиная с С. Броневского, А. Берже и др., рассматривала их как феодально зависимую категорию населения.

Но и Ф. И. Леонтович вынужден был признать, что общинники были в XIX в. уже обложены данью и несли отработки²⁴. С. Броневский уже в начале XIX в. писал о феодальной зависимости крестьян, но считал их главной формой зависимости административную, так как в руках владельцев находились суд и расправа²⁵.

Дюбуа де Монпере, археолог и этнограф, побывавший на

Кавказе в 30-х гг. XIX в., в своей шеститомной работе «Путешествие вокруг Кавказа» писал о зависимости черкесских крестьян: «Они живут в полном подчинении воле князя или дворянина, обрабатывая их землю в мирное время и защищая на войне, и эта зависимость переходит от отца к сыну»²⁶. Наступление феодалов на общинные земли привело к тому, что к середине XIX в. князья стали собирать поборы за пользование любым земельным участком, даже арендуемым у казаков. Виды ренты, которую несли крестьяне, были зафиксированы обычным правом²⁷.

Изучением социальных отношений крестьян Эльбрусского округа, в котором жили карачаевцы и абазины, занимался начальник округа Н. Г. Петрусевич, член Кавказского отделения Русского географического общества, много сделавшего для изучения не только географии Кавказа, но и этнографии его народов. Однако большинство материалов Н. Г. Петрусевича остались неопубликованными и их можно найти только в архивах²⁸. Только отдельные заметки о нормах обычного права²⁹ и этнографических деталях быта, в частности о типе карачаевских построек³⁰, а также о малоземелье народа³¹ были опубликованы в периодических изданиях.

Большой фактический материал о народах Кавказа, в том числе жителей Карачая и Черкесии, содержится в сочинении Н. Ф. Дубровина³². Будучи ярким проводником политики царизма на Кавказе, автор принижает уровень развития горских народов, чтобы показать их неспособность к самостоятельному политическому развитию, оправдать русификаторскую политику правительства.

Если в первой половине XIX в. в этнографических работах описывались больше всего поселения и жилища, одежда и пища, обычаи и нравы главным образом адыгского населения Северного Кавказа: западных адыгов и кабардинцев, то с 70-х годов возрастает интерес к карачаевцам и ногайцам. Отдельные сведения о них помещались в периодической печати и раньше, но они касались главным образом быта степных ногайцев, кочевавших в ставропольских или кизлярских степях. Таковы работы А. Берже³³, А. М. Павлова³⁴, П. Петухова³⁵ и других авторов³⁶.

Большой вклад в изучение не только быта, но и социально-экономических отношений у ногайцев был внесен председателем Ставропольского Статистического комитета Г. В. Бентковским. Его газетные статьи давали большой фактический материал об экономическом состоянии народов. Таким образом буржуазная историография расширяла проблематику исторических ис-

следований, уделяла большое внимание вопросам экономического развития и правовым проблемам.

Продолжалось и этнографическое изучение народов. Таковыми были статьи М. И. Венюкова³⁸, А. А. Миллера³⁹. Они отмечали контакты горцев с русским населением, влияние русского населения на материальную культуру адыгов.

Дискуссионным оставался в пореформенный период вопрос о социальном и сословном строе горских народов, о правах и обязанностях различных категорий населения. Анализом сословных отношений занимались правительственные комиссии и отдельные исследователи, в их числе историк и археолог, секретарь Кубанского статистического комитета Е. Д. Фелицын⁴⁰. Ему принадлежит заслуга публикации документов и данных об археологических раскопках, составления карт и сбора статистического материала.

Его работа «Численность горских и других мусульманских народов Кубанской области с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула»⁴¹ является образцом добросовестного сбора материала по теме и по сей день служит ценным источником по истории и расселению адыгских и других народов. Статьи о сословиях у горских племен Кубанской области не вносили нового толкования в изучение социальной стратификации народов, но были ценны сбором обширного материала и его классификацией.

На историческую науку конца XIX в. оказало влияние демократическое направление. Оно обращало большое внимание на жизнь народных масс, тяжелое положение крестьянства. Особое внимание уделялось общине и общинным отношениям. Изучение общинного строя и сельской общины у народов Северного Кавказа сделало большие успехи благодаря работам М. М. Ковалевского — историка права и социологии. Свое исследование «Закон и обычай на Кавказе»⁴² автор построил главным образом на осетинском материале, но при этом широко использовал данные и о других горских народах, в том числе адыгов и карачаево-балкарцев.

М. М. Ковалевский показал своеобразие патриархального рода у горцев, пережитки матриархата, различные культурные влияния на горцев. Собранные на Северном Кавказе материалы помогли М. М. Ковалевскому решить проблему происхождения сельской общины, ее трансформации из родовой и семейной общины. Он доказал исконность коллективных форм землевладения и землепользования⁴³.

Ошибочные положения М. М. Ковалевского, отрывавшего

общественный строй от материального производства, не признававшего учения о формациях, вскрыты в исследованиях М. О. Косвена и Б. А. Калоева⁴⁴. Но, несмотря на эти недостатки, нельзя не признать, что исследования М. М. Ковалевского — эпоха в изучении форм землевладения и землепользования, эволюции семейной и сельской общины, в изучении горского феодализма и пережитков патриархально-общинных отношений. Исследованием общины и форм землевладения заинтересовались и другие ученые.

В. Я. Тепцов, писавший о карачаевцах, назвал свой очерк «По истокам Кубани и Терека»⁴⁵ дополнением и иллюстрацией к очерку М. Ковалевского и И. Иванюкова «У подошвы Эльбруса»⁴⁶. Несмотря на форму очерка каникулярного путешествия учителя, В. Я. Тепцов не мог обойти проблемы общины. Он показал ее разложение, вызванное ростом имущественного неравенства, выделение кулачества. Мало того, он вскрыл экономическую основу мощи кулака, формы эксплуатации крестьян испольной арендой, ростовщичеством. Отметил он и ненависть народа к кулакам, названным им пиявками, присосавшимися к обществу⁴⁷. Однако он не пошел дальше этой критики и, благодаря своим либерально-буржуазным взглядам, единственным средством борьбы с социальной несправедливостью считал просветительскую деятельность.

Такая же политическая ограниченность была свойственна и работам председателя горского суда Баталпашинского уезда Г. С. Петрова⁴⁸. Вкратце описав материальную и духовную культуру карачаевцев, он подробнее остановился на развитии общинных отношений, показал их разложение, усиление роли знати. Но в то же время социальный строй и взаимоотношения сословий рисовал в идиллическом виде, отрицая классовый антагонизм и борьбу крестьян с владельцами, хотя сам упоминал волнения карачаевских крестьян в 1854 и 1873 гг.⁴⁹

В конце XIX — начале XX в. исследование обычного права и общинных отношений у карачаевцев было продолжено учеником М. Ковалевского Б. Миллером. В основе его работы лежал большой полевой материал, а также документы горского словесного суда в Карачае. В своих исследованиях «В Карачае» и «Из области обычного права карачаевцев»⁵¹ Б. Миллер дал глубокий анализ семейной и пережитков родовой общины.

Но и он не увидел, до какой степени дошло разложение общинных отношений, не проанализировал основной формы общины — сельской, т. к. при анализе общественных отношений он не базировался на изучении материального производства, экономической основы общины.

Изучением земельных отношений и общинного быта у горцев и казаков Северного Кавказа особенно увлеченно занимался также Ф. А. Щербина. Его интерес к проблемам общины был так велик, что даже в ссылке, куда он попал за связи с рабочим движением, он продолжал изучать общинные отношения. Попав на Кавказ, он детально исследовал формы землевладения и землепользования, черты общинного быта⁵². Правильно подметил пережитки архаических форм родовой и семейной общин.

Но и Ф. А. Щербина архаизировал общественный строй горцев Северного Кавказа⁵³, считая основной формой общины — родовую. Поэтому и в анализе земельных отношений допускал ошибки, считая всю землю общинной.

Тех же взглядов придерживался и М. В. Орлов, продолжая спор о том, была ли у горцев в XIX в. частная собственность на землю или сохранялась только общинная? Под общинной собственностью исследователи часто подразумевали собственность семейной общины или даже отдельных феодальных фамилий. М. В. Орлов так и назвал свою статью: «Возможна ли частная земельная собственность в Карачае?»⁵⁴. И ответил на этот вопрос отрицательно. Работа ценна поэтому не выводами автора, а сбором фактического материала в аулах Карачая, законодательных актов правительства по земельному вопросу. По мнению автора, именно эти правительственные акты насаждали частную собственность на землю, а не сложившиеся в самом народе отношения.

В доказательство господства общинного землевладения автор приводит обычай, по которому после уборки урожая все земли селения превращались на время в общинные пастбища для пастьбы скота. При этом автор не увидел разницы между действительно общинными летними пастбищами и захваченными крупными скотоводами зимними пастбищами и сенокосами. Не увидел М. В. Орлов также завуалированных форм эксплуатации, когда под видом помочей и других общинных пережитков обрабатывали земли и запасали сено для владельцев обедневшие жители села.

Более правдивую картину крестьянского малоземелья и зарождение пролетарских и полупролетарских слоев, лишенных земли, описали в своих работах представители Кубанской интеллигенции преподаватели Екатеринодарской гимназии А. Н. Дьячков-Тарасов⁵⁵, В. М. Сысоев⁵⁶, а также этнографы Г. Ф. Чурсин и И. Шукин. В их работах ценны не только этнографические детали быта народов⁵⁷, но более всего показ тех новых черт в хозяйстве и социальном строе, которые были типичны для периода капитализма и империализма, втягивавших

народы Карачая и Черкесии в общее русло развития капиталистических отношений в стране. Г. Ф. Чурсин пишет о росте товарности хозяйства, ведущего к острому имущественному неравенству, Н. Е. Талицкий — о неполноправном положении иногородних в горских аулах⁵⁸.

Об этом не могли умолчать и официальные издания правительственных комиссий, исследовавших аграрные отношения у горцев нагорной полосы Кубанской и Терской областей. В «Трудах комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения карачаевского народа Кубанской области» приведены яркие цифры о бедственном положении народа, росте имущественного неравенства, ужасающем малоземелье, при котором на душу населения в среднем приходилось менее 0,1 десятины⁵⁹.

Один из членов этой комиссии, Н. Иваненков, написал исследование о земельных отношениях у карачаевцев в начале XX в., о борьбе крестьян против расхищения общинных земель. Но как комиссия, так и названный автор не могли сделать глубокого анализа социально-экономического развития карачаевцев, а главное — не могли сделать правильных выводов о формах борьбы с этими явлениями. Единственным путем улучшения положения народа Н. Иваненков считал правительственные реформы.

Даже наиболее серьезные и добросовестные историки, изучавшие социально-экономическое и культурное развитие карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев не могли дать правильной оценки уровня развития и причин тяжелого положения народов, не видели классовой борьбы, роли русского народа в приобщении горских народов к общей освободительной борьбе народов против царского самодержавия, против своих феодалов и кулаков. Это смогла сделать только марксистско-ленинская историческая наука.

Советская историческая наука в Карачаево-Черкесии

Основоположником советской исторической науки был В. И. Ленин. Он еще до Великой Октябрьской социалистической революции сформулировал основные положения новой исторической концепции, основанной на марксистском учении об общественно-экономических формациях. Он внес в историческую науку принципы историзма и научности, партийности и объективности, разработал учение об объективности, разработал учение об общественно-экономическом укладе и о диктатуре

пролетариата, о диалектическом соотношении базиса и надстройки.

Выработка новой методологической основы советской исторической науки подняла ее на новую ступень развития и потребовала коренного пересмотра многих проблем, новых оценок исторических событий, в том числе и истории народов Северного Кавказа. Утверждение новых принципов шло в борьбе с буржуазной историографией. Историческая наука в Карачаево-Черкесии, которой присущ был многонациональный характер, прошла три этапа своего развития. Первый период становления советской историографии относится ко времени от победы Великой Октябрьской социалистической революции до середины 30-х годов. Историческая наука центральных учреждений в этот период мало внимания обращала на историю отдельных народов, недооценивала их вклад в общую революционную борьбу и развитие культуры. Тем более ценны были работы ученых местных национальностей, активных участников революционной борьбы и деятелей национальной культуры.

Зарождение советской исторической науки в Карачаево-Черкесии началось в 20-е — начале 30-х годов, когда выступили первые историки-марксисты, пытавшиеся создать новые концепции истории Северного Кавказа. Такими исследователями были политические и культурные деятели, просветители и ученые Умар Алиев и Ислам Тамбиев, журналист и яркий публицист Ислам Карачайлы. Они принимали активное участие в строительстве новой жизни и создании письменности, в проведении культурной революции и борьбе с пережитками.

Ими была сделана первая попытка создания марксистской концепции истории, впервые применено к истории Карачаево-Черкесии учение об общественных формациях. И хотя в этих попытках ощущалась слабость методологической и источниковедческой базы, они представляют значительный интерес. Создание новой концепции исторического процесса шло в условиях острой идеологической борьбы с буржуазной историографией. Поэтому этим исследованиям присущ был полемический стиль, резкая критика положений буржуазной науки.

Второй период советской историографии датируется с середины 30-х до середины 50-х годов. К этому времени была разработана общая марксистско-ленинская концепция истории, создана единая периодизация, преодолены недостатки исторической науки 20-х г. Создание в 1932 г. Карачаевского и Черкесского научно-исследовательских институтов расширило тематику исследований и источниковедческую базу. Институты организовывали археологические, фольклорные и этнографические экспедиции.

Однако этому периоду были присущи свои недостатки: догматизм и начетничество, подгонка фактов под заданные схемы, особенно в трудах по истории советского периода, написанных без глубокого анализа материала. Но и в изучении досоветского периода допускались ошибки: недооценивалось значение присоединения народов Северного Кавказа к России, политику царизма часто не отделяли от взаимоотношения народов.

Для науки Карачаево-Черкесии этот период был недостаточно продуктивным. Мало было издано работ, многие проблемы решались однобоко. В связи с Великой Отечественной войной институты были закрыты, работа по исследованию истории Карачаево-Черкесии прервана. Многие работы остались незавершенными.

Новый период начался с середины 50-х годов. Он был значительно более продуктивным. В 1951 г. был восстановлен Черкесский научно-исследовательский институт, превращенный в 1957 г. в Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики. Исследования по истории стали проводиться на новом, более высоком уровне. Этому способствовали связи с головными институтами, где работали такие крупные кавказоведы, как Е. И. Крупнов⁶⁰, М. О. Косвен⁶¹, А. В. Фадеев⁶², Е. Н. Кушева⁶³ и др., работы которых были образцом для ученых Карачаево-Черкесии и помогли сделать тематику исследований более актуальной и разнообразной.

За этот период была выработана четкая концепция происхождения и развития народов Карачаево-Черкесии, их социально-экономического строя и особенностей развития феодальных отношений. Изучена проблема сельской общины и ее роли, а также трансформации в условиях развития феодальных отношений и проникновения капиталистических. Значительно углублена была источниковедческая база исследований, подняты пласты архивных документов, проведены археологические и этнографические экспедиции.

Большое внимание уделяли исследователи вопросам классовой борьбы, революционного движения. Впервые были всесторонне исследованы темы подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Карачаево-Черкесии. Раскрыта специфика борьбы за установление Советской власти, показано слияние национально-освободительного и аграрного движения с рабочим, роль русского рабочего класса в освободительной борьбе народов.

В монографиях и коллективных очерках были раскрыты

сложные процессы решения аграрного вопроса и коллективизации сельского хозяйства, проведения индустриализации и создания в области своей промышленной базы. Целый ряд работ посвящен показу героической борьбы народов области на боевом и трудовом фронте в годы Великой Отечественной войны.

Более глубокой стала методологическая база исследований. Выработке правильной марксистской концепции истории народов Карачаево-Черкесии помогли проводимые институтом научно-теоретические конференции по отдельным проблемам, а также участие в работе конференций, проводимых другими институтами Северного Кавказа. Совместные усилия позволили решить ряд сложных проблем истории народов, написать региональную историю народов Северного Кавказа.

Отдельные недочеты в работах были свойственны процессу роста и перестройки. Остановимся на конкретных проблемах истории карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев.

Проблема этногенеза народов

Первое упоминание о карачаевцах находим в труде архиепископа персидского города Султанийи Иоанна де Галонифонтисуса (начало XV в.). Иоанн называет карачаевцев «черными черкесами»⁶¹. «Черными черкесами» или карачиолями именовали карачаевцев и авторы XVII в. Ламберти и Ж. Шарден. Ж. Шарден полагал, что карачаевцы происходят от гуннов⁶⁵.

Авторы XVIII — начала XX вв. высказывали самые различные точки зрения о происхождении карачаевцев и балкарцев. Существовала монголо-татарская (К. Сталь, Н. С. Иваненков), маджарская (Ю. Клапрот), ногайская (П. С. Паллас), тюрко-болгарская (В. Ф. Миллер) и даже славянская (И. А. Гюльденштедт) версии происхождения карачаевцев и балкарцев. А. Самойлович связывал карачаевцев и балкарцев с кипчаками⁶⁶. Некоторые дореволюционные авторы высказывали мнение и о местном, кавказском происхождении карачаевцев и балкарцев⁶⁷.

В советской литературе высказываются различные точки зрения по вопросам карачаево-балкарского этногенеза. Значительное число сторонников имеет кипчакская версия. Основывается она, главным образом, на том, что карачаевский язык близок кипчакскому⁶⁸. Большинство сторонников этой теории полагают, что кроме кипчаков, являвшихся доминантным компонентом, в формировании карачаево-балкарской народности приняли участие аланы, болгары и северокавказские племена.

Много сторонников имеет болгарская теория происхождения

карачаевцев и балкарцев⁶⁹. Полагают, что даже название балкарцев происходит от этнонима «болгары». Многие советские ученые считают, что ираноязычные аланы приняли участие в карачаево-балкарском этногенезе в качестве одного из компонентов⁷⁰. Известно, что карачаевцев долгое время называли аланами, а балкарцев асами. У карачаевцев до сих пор сохранилось слово «алан» как обращение друг к другу.

Значительное число сторонников имеет теория, считающая, что основным компонентом в карачаево-балкарском этногенезе были местные, кавказские племена (Н. Я. Марр⁷¹ и другие). В настоящее время этой версии придерживаются антропологи (В. П. Алексеев⁷² и другие). Эта гипотеза основывается, главным образом, на том, что антропологический тип карачаевцев и балкарцев местный, кавказский.

Некоторые филологи и историки Карачаево-Черкесии высказывают положение о том, что часть алан была изначально тюркской и что именно эти, изначально тюркоязычные аланы стали основным компонентом в карачаево-балкарском этногенезе⁷³. У алаповедов эта версия признания не получила⁷⁴.

Решением сессии, посвященной проблеме происхождения карачаевцев и балкарцев (Нальчик, 1959 г.) принято, что «карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо «черные болгары» и, в особенности, одно из западнокипчакских племен⁷⁵.

Проблемой этногенеза карачаевцев занималась Е. П. Алексеева. Она являлась сторонницей версии о доминантном значении местного, кавказского компонента⁷⁶. Но в настоящее время Е. П. Алексеева признает большой удельный вес болгар (булгар) в карачаево-балкарском этногенезе⁷⁷.

На территории Карачаево-Черкесии и в сопредельных районах археологи открывают все более и более памятников, которые с достаточным основанием связываются с болгарами⁷⁸. В верховьях Кубани много протобулгарских топонимических названий⁷⁹. Эпиграфические памятники этого района (тюркские рунические надписи эпохи раннего средневековья) исследовавший их С. Я. Байчоров считает протобулгарскими⁸⁰. Таким образом, есть основания полагать о значительной, возможно, доминантной роли тюркоязычных болгар (булгар) в карачаево-балкарском этногенезе.

О происхождении адыгов-черкесов существуют легенды, повествующие о том, что черкесы пришли на Северный Кавказ из Аравии, Египта или из Малой Азии (Анатолии). Одна

из подобных версий, приводится в труде турецкого автора XVII в. Эвлия Челеби⁸¹.

Весьма показательно, что почти все дореволюционные авторы так или иначе связывали адыгов-черкесов с древними меотами, синдами, керкетами, зихами и средневековыми зихами, папагами, касахами (кешсками, касогами)⁸². Советские исследователи считают, что древними предками адыгов были синды и другие меоты, а также зихи и керкеты.

О происхождении предков адыгов существуют три гипотезы: северная, южная и автохтонная. К числу северных принадлежит киммерийская гипотеза. Стронник ее, Л. И. Лавров, приведя убедительные доказательства автохтонности древних предков адыгов и абхазов, приходит к неожиданному заключению, что предки указанных народов представляли собой восточную группу киммерийских племен⁸³. Но киммерийцы никогда не были основным населением Закубанья, где складывался адыгский этнос. Они были степняками, а не горцами. В своих ранних работах Л. И. Лавров, как и большинство других исследователей, считал, что предками адыгов были зихи, керкеты и меоты⁸⁴. Но в одной из последних своих книг Л. И. Лавров отказывается от этого положения. Здесь он пишет, что протоадыгами были зихи. Меоты же были ираноязычными (на что, якобы, показывает окончание названий их племен «ты», а также то обстоятельство, что по содействию с меотами был штат аланских переводчиков)⁸⁵. Но на «ты» оканчиваются многие этнонимы, например, «готы». Адыги же в древности и в эпоху средневековья жили в непосредственном соседстве с аланами и от этого не теряли своей языковой и культурной индивидуальности.

Стронники южной гипотезы считают, что предками адыгов и абхазов были малоазийские племена II тыс. до н. э. кашки и апшилы⁸⁶. Но археологические материалы эту версию не подтверждают.

Существует теория автохтонного происхождения адыгов⁸⁷. Значительный вклад в обоснование этой версии внес Н. В. Анфимов. На конкретном археологическом материале он показал преемственность поздне-бронзовой культуры Прикубанья, охарактеризованной А. А. Иессеным⁸⁸, и затем протомеотской (древнемеотской), меотской и раннесредневековой адыгской культур⁸⁹.

Этногенезом адыгов занимались Е. П. Алексеева⁹⁰. На археологическом материале она стремилась показать, что не только древние, но и средневековые археологические памятники адыгов на всех этапах своего развития генетически преемственны, что является непреложным доказательством автохтонного проис-

хождения адыгов. Е. П. Алексеева далее утверждала, что в эпоху раннего средневековья адыги среди других племен жили на территории Карачаево-Черкесии. Это положение подтверждается последними археологическими исследованиями. Так, по мнению Каминских, на Первомайском городище VII—VIII вв. районе Курджиново жили аланы, болгары, адыги⁹¹. Е. П. Алексеева писала, что средневековая адыгская культура имела локальные варианты, свидетельствующие о многоплеменности адыгского этноса. Это положение подтверждается исследованиями А. В. Гадло⁹².

Таким образом, автохтонная гипотеза происхождения адыгов является наиболее обоснованной как письменными источниками, так и археологическими материалами.

Большинство дореволюционных авторов придерживалось теории абхазского происхождения абазин⁹³. В настоящее время в советской кавказоведческой литературе существуют три точки зрения о происхождении абазин.

1. Абазины являются частью абхазов, выслевшихся с побережья Черного моря на северные склоны Кавказского хребта. До переселения абхазы и абазины составляли одну народность⁹⁴.

2. Абазины в древности являлись особым народом. Во второй половине I тыс. н. э. абазины подверглись культурному влиянию абхазов — этим объясняется близость абхазского и абазинского языков. Данную точку зрения в своих работах развивал Л. И. Лавров⁹⁵. В более поздних своих исследованиях Л. И. Лавров писал, что предками абазин были абазги и что их древним языком был протоубыхский язык⁹⁶.

3. Абазины являются частью абхазов, но обособление абазинской этнической группы внутри абхазского этнического массива произошло еще до переселения абазин на Северный Кавказ. К этой точке зрения склоняется Ш. Д. Инал-Ипа⁹⁷. Первую из изложенных точек зрения нельзя принять потому, что абазины, как таковые, жили не только на Северном Кавказе, но и на восточном побережье Черного моря (до 1864 г. — до переселения в Турцию).

В ряде своих работ Е. П. Алексеева писала, что предками абхазов и абазин были апсилы, абазги, саниги и мисимиане — так считает большинство исследователей в настоящее время. Древнеабхазская народность сформировалась в VIII в. В X в. из нее выделяется древнеабазинская народность. Древние абазины жили на восточном побережье Черного моря от р. Бзыби до р. Нечелсухо — в Абазгии Константина Багрянородного (X в.)⁹⁸.

Е. П. Алексеева попыталась выделить археологические

памятники абазин. Таковыми она считает средневековые кремационные погребения Северо-Западного Кавказа¹⁰⁰. Эта точка зрения поддержана некоторыми археологами (Н. Г. Ловпаче и др.). А. В. Гадло пишет, что обряд трупосожжения на Северо-Западный Кавказ был привнесен в VII—X вв. отдельными группами абазгов (санигов) и апсилов, уходивших на север под давлением внутренней нестабильности в их коренных землях¹⁰⁰. Обряд кремации покойников нашел отражение в народных сказках абазин¹⁰¹.

Если кремационные средневековые захоронения Северо-Западного Кавказа можно связывать с абазинами и их предками, то они свидетельствуют о том, что предки абхазов и абазин проникали на Северо-Западный Кавказ еще в V в., а сами абазины, как таковые, просачивались в Закубанье с X века.

Массовое заселение абазинами Северного Кавказа, в том числе и территории Карачаево-Черкесии, произошло в XIV—XVII вв. Абазины переселялись по северным склонам Кавказского хребта вместе с адыгами и через перевалы — Клухорский, Санчарский, Белореченский.

В дореволюционной литературе высказывались мнения о том, что предками ногайцев являются татары (Эвлия Челеби, И. А. Гюльденштедт, Л. Лопатинский), турки (Н. Аристов), монголы (С. Броневский). Довольно много сторонников имела версия о монголо-татарском¹⁰², монголо-кипчакском происхождении ногайцев. Многие советские исследователи считают, что предками ногайцев были тюркские племена¹⁰⁴.

М. Г. Сафаргалиев пишет, что Ногайская орда, образовавшаяся в результате распада Золотой орды, стала называться Мангитским юртом потому, что Едигей происходил из тюркизованного монгольского племени мангытов (мангитов)¹⁰⁵. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский считали, что именно мангиты составили ядро Ногайской орды¹⁰⁶.

Исследователи КЧНИИ А. И. Сикалиев и И. Х. Калмыков полагают, что основным компонентом ногайского этногенеза были не мангиты, а кипчаки. Мангиты были малочисленны, и их удельный вес в ногайском этногенезе был очень незначителен¹⁰⁷. В самом деле, кипчакская версия является наиболее обоснованной. Ногайский язык принадлежит к кипчакской группе тюркских языков¹⁰⁸, некоторые ногайские роды именовались «кипчакские». В Карачаево-Черкесии имеются семьи, носящие фамилии «Кипчаковы».

Специально проблемой этногенеза ногайского народа занималась Е. П. Алексеева¹⁰⁹. По ее мнению, предками ногайцев являются кипчаки, но определенную роль в ногайском этно-

генезе сыграли мангиты, а также другие тюркизованные племена монгольского корня.

В конце XVI в., когда Золотая орда стала приходить в упадок, из нее выделилась Ногайская орда. Как полагает А. И. Сикалиев, судя по данным эпоса Едигея, в формировании Ногайской орды приняли участие тюркские племена: кенегенес, канглы, аргын, сырын (ширин), кыпчак, сун (уйсун). Определенную роль в этом процессе сыграли мангиты (племя монгольского корня), а также конгураты и найманы (тюркские или монгольские племена), хотя найманы в эпосе Едигея не названы. Термин «ногаи» мы встречаем впервые в русских документах XV в. Произошел этот этноним от имени темника Золотой орды Ногая, которому подчинялись предки ногайцев в XIII в. Впрочем, существуют и другие точки зрения.

В середине XVI в. ногайцы занимали большую территорию от Волги и Иртыша и от берегов Каспийского и Аральского морей до лесной полосы на севере. В середине XVI в. ногайцы разделились на Больших и Малых Ногаев. Эти последние откочевали на запад, в степные районы Северного (в том числе Северо-Западного) Кавказа. Судя по археологическим материалам, ногайцы стали заселять территорию Карачаево-Черкесии уже в XVI в. (Байтал-Чапканский могильник XVI—XVIII вв., принадлежащий, по мнению Т. М. Минаевой, ногайцам). Письменные источники фиксируют ногайцев на территории Карачаево-Черкесии в XVII в. (Эвлия Челеби, русские документы — Донские дела и Кабардинские дела ЦГАДА). Основной массив ногайского населения верховьев Кубани и Зеленчуков составили ногайцы Малого, и, отчасти, Большого Ногая.

Изучение генезиса феодальных отношений

В начале раннесредневекового периода аланы и другие этнические группы, обитавшие на территории Карачаево-Черкесии, находились на этапе военной демократии. Но в VIII—IX вв. у них стали складываться раннефеодальные отношения, а в X—XI вв. в Алании образовалось раннефеодальное объединение с чертами государственности¹¹⁰. В XII—XIII вв. в Алании наступил период феодальной раздробленности.

В книге В. А. Кузнецова «Алания в X—XIII вв.» есть специальная глава «Общественный строй». В. А. Кузнецов пишет, что в Алании в X—XIII вв. существовала территориальная община. Общинники жили на больших городищах, строительство которых было не под силу общине родовой. Размеры жилищ указывают

на принадлежность их одной моногамной семье. Археологические данные (двухчастное и трехчастное деление городищ, имущественная дифференциация в могильниках и друг.), а также письменные источники говорят о наличии в Алании класса феодалов. В X в. в Алании существовала публичная власть, отделившаяся от народа. Христианская церковь давала идеологическое обоснование тенденции централизации ¹¹¹.

Специально вопросами становления феодальных отношений в Алании занималась Е. П. Алексеева. Она писала, что феодальные отношения в Алании стали складываться в VIII—IX вв., а в X—XI они получили свое дальнейшее развитие. О наличии феодальных отношений в Алании свидетельствуют письменные источники, а также данные археологии. Экономика (земледелие, скотоводство, ремесло, обмен) находилась на высоком уровне. Многочисленные большие городища являлись феодальными городами. Выделение в городищах внутреннего укрепления (кремля, цитадели) говорит о том, что знать отгораживалась от рядовых соплеменников. Принятие христианской религии населения Алании в X в. также свидетельствует о том, что жители Алании переживали период становления феодальных отношений, ибо христианство является религией феодального общества ¹¹².

Вопрос о социальных отношениях у народов Карачаево-Черкесии в позднем средневековье (XIV—XVII вв.) разработан весьма слабо. Особенно это касается карачаевцев. О карачаевцах в интересующую нас эпоху сведения письменных источников единичны. Поэтому очень трудно сказать, какие общественные отношения у них были в период позднего средневековья. В некоторых работах дореволюционных и даже советских исследователей общественный строй карачаевцев представляется как родовой ¹¹³. Работами Е. Н. Студенецкой и В. П. Невской убедительно доказано, что к началу XIX в. феодальные отношения у карачаевцев, несомненно, существовали, хотя развитие их тормозилось наличием сильной общины ¹¹⁴. Х. О. Лайпанов считает, что в XV—XVII вв. карачаевские и балкарские общества находились на стадии разложения родового строя и становления феодальных отношений ¹¹⁵. Е. Н. Кушева утверждает, что «источники XVII—XVIII вв. не оставляют сомнения в том, что в это время феодальные отношения в Балкарии и Карачае уже имели место ¹¹⁶».

Советские исследователи в настоящее время признают, что в период позднего средневековья у всех народов Северо-Западного Кавказа, в том числе у адыгов и абазин, уже существовали феодальные отношения, хотя наряду с ними сохранились ярко выраженные черты патриархально-родового строя. Е. С. Зевакин

и Н. А. Пенчко приводят убедительные факты того, что у адыгов в XIII—XV вв. общество было уже феодальное¹¹⁷. Е. Н. Кушева считает, что в XIV—XV вв. в Черкесии «несомненно, процесс феодализации шел¹¹⁸». Процесс феодализации у адыгов показала В. П. Левашова на материале адыгского Белореченского могильника XIV—XV вв.¹¹⁹ М. В. Цинцадзе пишет, что адыгейцы в XVI—XVII вв. находились на стадии раннего феодализма, в недрах которого отчетливо сохранились пережитки патриархально-родового строя¹²⁰. В. К. Гарданов говорит о наличии у адыгов в середине XV в. феодального общества¹²¹. Л. И. Лавров указывает, что разделение абазин на различные сословно-классовые группы произошло еще до переселения их на Северный Кавказ¹²².

Говоря о ногайцах XIV—XVI вв., А. П. Окладников пишет, что в Ногайской орде был уже феодальный строй, хотя долго существовали пережитки родового строя¹²³. Приведенные М. Г. Сафаргалиевым материалы говорят о наличии раннефеодальных отношений у ногайцев, хотя отчетливо сохранялись черты патриархально-родового строя, например, родо-племенное деление ногайского общества¹²⁴. Это обстоятельство дало основание считать С. А. Токареву, что у ногайцев был патриархально-родовой строй, находившийся на стадии разложения¹²⁵. Отметим здесь, что у ногайцев в тот период сохранилась только оболочка рода. Основа его — общее производство и общее потребление в XIV—XVII вв. — у ногайцев уже не существовала. Письменные источники убедительно говорят о том, что ногайское общество в период позднего средневековья делилось на эксплуататоров и эксплуатируемых. Л. Н. Кужелева замечает, что процесс феодализации в Ногайской орде начался еще в XV вв. Но наряду с социальными различиями существовали пережитки родового деления. Строй был феодально-патриархальный¹²⁶.

Е. П. Алексеева пишет, что у всех народов Карачаево-Черкесии в период позднего средневековья отмечаются черты феодализма в большей или меньшей степени. Об этом говорят письменные источники, в частности, Иоанн де Галонифонтибус. Уровень развития экономики был довольно высоким — существовало развитое скотоводство, земледелие (даже в какой-то степени у кочевников-ногайцев), ремесла, домашнее производство, обмен. Однако, нужно отметить, что для общественного строя народов Карачаево-Черкесии в XIV—XVII вв., как и много позднее, характерно сохранение сильнейших пережитков патриархально-родового строя¹²⁷.

Проблема взаимоотношений с русскими и присоединения к России

Этой проблемой занималась Е. Н. Кушева, которая много лет работала в архивах, искала и находила документы по истории народов Северного Кавказа, пускала их в научный оборот и на основе добытого материала решала проблемы исторического развития северокавказских народов, в частности, проблему их взаимоотношений с Россией в XVI—XVII вв.¹²⁸. У Е. Н. Кушевой есть специальная работа, посвященная связям народов Карачаево-Черкесии с Россией в XIV—XVII вв.¹²⁹. В этом исследовании Е. Н. Кушева пишет о героической борьбе народов Карачаево-Черкесии с турками и татарами, о посольствах 1552, 1555 и 1557 гг. в Россию черкесов, абазин, кабардинцев. Известно, что послы просили русского царя принять их «под его высокую руку». Есть разделы о связях народов Карачаево-Черкесии с русскими в XVII в., экскурсы о Терском русском городе на Тереке, о сношениях абазин с Терским городом и многие другие очень ценные материалы, открытия и суждения.

Взаимоотношениями ногайцев с Россией в XVI—XVII вв. занимался Б. Б. Кочкаев. Он пишет, что с середины XVI в. Россия установила свой протекторат над Ногайской ордой¹³⁰. Но вряд ли это был протекторат. Скорее это было подданство России. Ведь ногайцы Большой орды находились в таких же взаимоотношениях в России, как и кабардинцы.

Е. П. Алексеева, как и другие исследователи, считает, что в середине XVI в. народы Карачаево-Черкесии, как и народы Адыгеи и Кабардино-Балкарии, добровольно присоединились к России — в результате посольств черкесов, абазин и кабардинцев 1552, 1555 и 1557 гг. в Москву. О нагайцах было сказано выше. Более спорен вопрос о карачаевцах. Здесь надо учесть, что часть карачаевцев в интересующий нас период находилась в зависимости от кабардинских князей. В русских документах есть даже термин «Карачаева Кабарда». За этих карачаевцев могли присягать на верность России кабардинские князья. В XVII в. Россия продолжала считать народы Карачаево-Черкесии своими подданными. Есть документы об этом в отношении черкесов и абазин. Эвлия Челеби пишет о том, что жители, обитавшие «под Эльбрусом», были подданными «московского короля.» Очевидно, среди этих жителей были карачаевцы и ногайцы.

Добровольное присоединение народов Карачаево-Черкесии к России в середине XVI в. имело большое положительное значение для этих народов¹³¹.

Окончательное вхождение Карачая и Черкесии в состав Российской империи, изменения в экономической, социальной и политической сферах, создание там постоянной администрации рассмотрено в ряде работ В. П. Невской, И. Х. Калмыкова, Б. Б. Кочекаева, А. Д. Бесленеева. Ш. Ш. Хуранова и др. авторов. В монографии В. П. Невской, посвященной присоединению Черкесии к России¹³², дана характеристика социально-экономического развития Черкесии в первой половине XIX в., черт феодализма, при которых феодальная собственность на землю часто была завуалирована патриархальными пережитками, рассмотрен классовый состав населения. Исследованы политические акты, закреплявшие вхождение Черкесии в состав России, антиколониальная борьба народов во второй четверти XIX в. Непростым и тяжелым был этот период в жизни горских народов, завершившийся переселением части племен в Турцию.

Окончание тяжелой многолетней войны открыло новую страницу в жизни карачаевцев и черкесов, абазин и ногайцев. Проведение земельной и крестьянской реформы освободило народы от рабства и крепостничества¹³³, вовлечение их в общее русло экономического развития России сломало замкнутость натурального хозяйства, познакомило горцев с новыми методами ведения хозяйства, привело к взаимным заимствованиям в области земледелия, скотоводства, ремесла и строительного дела.

Но важнее всего было вовлечение горских народов в общую освободительную борьбу народов страны, приобщение к демократической русской культуре. Русские учителя, врачи и фельдшеры несли в аулы свет знаний и новые навыки. Русский пролетариат поддерживал освободительную борьбу горских народов¹³⁴.

¹ Бююков М. А., Гочияева С. А., Шаманов И. М. Карачаево-Черкесскому НИИ — 50 лет. // Вопросы партийного руководства по ликвидации национального неравенства народов Карачаево-Черкесии (1917—1941). Черкесск, 1984; Невская В. П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке. (Критико-библиографический обзор). // Труды КЧНИИ. (серия историческая), вып. V. Ставропольское книжное издательство, 1966.

² Карачайлы Ислам. Статьи и очерки. Слово об авторе и книге. Черкесск, 1984; Невская В. П. Умар Алиев и Ислам Тамбиев — первые историки — марксисты Карачая. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 1. Грозный, 1978.

³ Невская В. П. Проблемы сельской общины у горских народов Северного Кавказа в советском кавказоведении. // Известия СКНЦВШ, общественные науки, 1985, № 1; Тройно Ф. П. Вопросы земельной аренды у горских народов Северного Кавказа в трудах советских историков. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. вып. 2, Грозный, 1980.

⁴ Очерки истории Карачаево-Черкесии. Т. I, Ставропольское книжное издательство, 1967.

Латышев В. В. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, СПб., 1893, т. II, СПб., 1904.

⁶ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М., 1971.

⁷ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XVIII—XIX вв. Нальчик, 1974.

⁸ Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И. А. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770, 71, 72, 73 гг. СПб., 1809.

⁹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974.

¹⁰ Дебу И. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске или общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах. СПб., 1829.

¹¹ Броневский С. Б. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823.

¹² Берже Ад. Горные племена Кавказа.//«Живописная Россия», т. IX. Кавказ. СПб., 1883; Выселение горцев с Кавказа.//«Русская старина», 1882, февраль.

¹³ Новицкий Г. Воспоминания первого выпуска из артиллерийского училища.//Военный сборник, т. 77, № 1—2, СПб., 1871.

¹⁴ Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.

¹⁵ Сталь К. Ф. Этнографический очерк черкесского народа.//Кавказский сборник. Т. XXI, Тифлис, 1900, с. 86.

¹⁶ Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982.

¹⁷ Хан—Гирей. Князь Пшэский Аходягоко.//СМОМПК, вып. 17; Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.

¹⁸ Данилова Е. Н. Абазинь (историко-этнографическое исследование хозяйства и общественной организации. XIX век). Издательство МГУ, 1984, с. 13.

¹⁹ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978, с. 29.

²⁰ Газ. «Кавказ», 1867, № 37.

²¹ Положение дела освобождения зависимых сословий в горских округах Кубанской области.//ССКГ, вып. I, Тифлис, 1868.

²² Гаврилов П. А. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа.//ССКГ, вып. II, Тифлис, 1869, с. 76.

²³ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев.//Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, Т. I, Одесса, 1882, т. II, 1883.

²⁴ Там же, с. 134.

²⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823, с. 42.

²⁶ Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми, 1937, с. 40.

²⁷ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев, с. 123.

²⁸ ГАКК, ф. 452, оп. I д. 605, ф. 574, оп. I, д. 507, ф. 574, оп. I, д. 507, ф. 774, оп. I, д. 512.

²⁹ Петрусеви́ч Н. Г. Заметка о карачаевских адатах по долговым обязательствам.//ССКГ, вып. IV, Тифлис, 1870.

³⁰ Петрусеви́ч Н. Г. Борьба с леопардом.//ССКГ, вып. IV, Тифлис, 1870.

³¹ Петрусеви́ч Н. Г. Извлечение из отчета об осмотре казенных свободных земель между реками Тебердой и Лабой.//ССКГ, вып. IV, Тифлис, 1870.

³² Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. I.

³³ Берже А. Татарское племя на Кавказе.//«Кавказ», 1859 г., № 86—87, 89—91.

³⁴ Павлов А. М. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи. СПб., 1842.

³⁵ Петухов И. Описание части Кавказской области между реками Егорлыком, Калаусом и Манычем, составленное капитаном Петуховым в 1843 г.// Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Вып. 1, Ставрополь, 1911.

³⁶ А р х и п о в. Ногайцы.//«Кавказ», 1852, № 3—5; Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах.//«Кавказ», 1855, № 29—31; Этнографический очерк ногайцев и туркмен.//Кавказский календарь на 1859 г.

³⁷ Бентковский Г. В. Наши кочевники и их экономическое состояние.// Ставропольские губернские ведомости, 1879, № 32, 34, 35; его же. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии.//Ставропольские губернские ведомости, 1882, № 37—49; Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии.// Ставропольские губернские ведомости, 1882, № 29—32.

³⁸ Венюков М. И. Очерки пространства между Кубанью и Белой.// Записки Русского географического общества, 2, 1863.

³⁹ Миллер А. А. Черкесские постройки.//Материалы по этнографии России, т. II, Петербург, 1914.

⁴⁰ Фелицын Е. Д. К вопросу о сословиях у горских племен Кубанской области.//Кубанские областные ведомости, 1887, № 20, 22, 26—29, 32—33; его же. Западно-кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейсонелю.// Кубанский сборник, т. II, Екатеринодар, 1891; его же. Князь Сефер-бей Зан (политический деятель и поборник независимости черкесского народа).//Кубанский сборник, т. X, Екатеринодар, 1904.

⁴¹ «Сборник сведений о Кавказе». Т. IX, Тифлис, 1885.

⁴² Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, т. 1—2, М., 1890; его же. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа.// Русская мысль, 1883, № 12.

⁴³ Полянский Ф. Я. Проблема общины в работах М. М. Ковалевского.// Вестник Московского университета, 1952, № 7, с. 94

⁴⁴ Косвеи М. О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы М., 1961; Калоев Б. А. М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979.

⁴⁵ СМОМПК, вып. XIV, Тифлис, 1892, с. 62.

⁴⁶ Вестник Европы, 1886, кн. I и II, СПб., 1886.

⁴⁷ СМОМПК, вып. XIV, с. 100.

⁴⁸ Петров Г. С. Верховья Кубани — Карачай.//Памятная книжка Кубанской области на 1880 г. Екатеринодар, 1880 и др.

⁴⁹ Там же, с. 133.

⁵⁰ Миллер Б. В. В Карачае.//Этнографическое обозрение. 1899, № 1—2.

⁵¹ Миллер Б. В. Из области обычного права карачаевцев.//Этнографическое обозрение, 1902, № 1—2.

⁵² Щербина Ф. А. Земельная община кубанских казаков. Екатеринодар, 1891.

⁵³ Щербина Ф. А. Общинный быт и землевладение у кавказских горцев.// Северный вестник, 1886. История Кубанского войска. Т. II, Екатеринодар, 1913.

⁵⁴ ИОЛИКО, вып. III, Екатеринодар, 1902.

⁵⁵ Дьячков — Тарасов А. Н. Заметки о Карачае и карачаевцах.// СМОМПК, вып. 25, Тифлис, 1898; его же. В горах Большого и Малого Карачая.// СМОМПК, вып. 28, Тифлис, 1900 и др.

⁵⁶ Сысоев В. М. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении.//СМОМПК, вып. 43, Тифлис, 1913.

⁵⁷ Чурсин Г. Ф. Экономическая жизнь Карачая. — «Кавказ», 1900, № 322, его же. Этнографические заметки о Карачае. — «Кавказ», 1900, № 305—306; его же. Музыка и танцы карачаевцев. «Кавказ», 1901, № 270; его же. Поездка в Карачай.//ИКОРГО, т. 23, 1915, № 3; Щукин И. Материал для изучения карачаевцев.//Русский антропологический журнал. Издание антропологического

отдела 1913, № 1 и 2, М., 1913; его же. Из поездок по верхней Кубани.// Землеведение. Периодическое издание географического отделения общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1914.

⁵⁸ Т а л и ц к и й Н. Е. Очерки Карачая.//СМОМПК, вып. 40, Тифлис, 1909.

⁵⁹ Труды комиссии по исследованию современного положения земледельческого и землевладения карачаевского народа Кубанской области. Владикавказ, 1908, статистическая ведомость.

⁶⁰ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

⁶¹ Косвен М. О. Семейная община. (К истории вопросов).//Известия Ан СССР. Серия истории и философии, т. III, № 4, М., 1946; его же. Семейная община и патронимия. М., 1963 и др.

⁶² Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960. и др.

⁶³ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е г. XVII в. М., 1963 и др.

⁶⁴ Галонифонтибус Иоанн де. Сведения о народах Кавказа. (1404 г.). «Книга познания мира». Баку. 1980, с. 16.

⁶⁵ Ламберти А. Описание Колхиды, называемой ныне Мингрелией.//СМОМПК 43, Тифлис, 1913, с. 213; Шарден Ж. Путешествие господина дворянина Шардена в Персию и другие восточные страны.//Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Составитель Гарданов В. К., Нальчик, 1974 (В дальнейшем «Адыги...»), с. 107.

⁶⁶ Самойлович А. Рец. на статью Караулова Н. А. Краткий очерк грамматики горского языка «болкар».//ЗВОРАО, т. XX, вып. 4, СПб., 1913, с. 0116.

⁶⁷ Бутков П. О имени «козак».//Вестник Европы, 1822, 23, с. 202, примеч. 42.

⁶⁸ Лавров Л. И. О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев.//Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960 (в дальнейшем «Материалы...»), с. 63—69; его же. Происхождение балкарцев и карачаевцев.//КСИЭ, вып. XXXII, М., 1959, с. 3—7; Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957; его же. К вопросу происхождения карачаевцев и балкарцев.//Материалы..., с. 72—73.

⁶⁹ Бабаев С. К. О происхождении балкарцев и карачаевцев.— Материалы..., с. 38—62; Соттаев А. Х. Происхождение балкарцев и карачаевцев по данным языка.//Материалы..., с. 81—95; Биджиев Х. Х. Погребальные памятники Карачая XIV—XVIII вв.//Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 106—110.

⁷⁰ См. указанные выше работы Л. И. Лаврова и Х. О. Лайпанова. См. также: Абаев В. И. Об аланском субстрате в балкарско-карачаевском языке.//Материалы..., с. 127—134.

⁷¹ Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг., 1920, с. 13, 19, 25.

⁷² Алексеев В. П. Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии.//Материалы..., с. 312—332.

⁷³ Алиев У. Б. Выступление.//Материалы..., с. 242—252; Лайпанов К. Т. О тюркском элементе в этногенезе осетин.//Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967, с. 212—213; Хаджилаев Х. И. К топонимике Карачая.//ТКЧНИИ VI, серия историческая, Ставрополь, 1970, с. 373—395; его же. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970; Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, с. 22. И. М. Мизиев считает, что асы (второе название алан) были тюркоязычными (Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986, с. 85—86).

⁷⁴ Кузнецов В. А. Аланы и тюрки..., с. 77—86.

⁷⁵ Материалы..., с. 310.

⁷⁶ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 167; Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978, с. 16—21.

⁷⁷ Очерки истории Ставропольского края. Т. I, Ставрополь, 1984, с. 100.

⁷⁸ Кузнецов В. А. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и в районе Кисловодска. // ССМКБ IX, Нальчик, 1961, с. 209—216; его же. Глиняные котлы Северного Кавказа. // КСИА 99, М., 1964, с. 34—39; Ковалевская В. Б. Древние болгары на Северном Кавказе. // Пятые Крупновские чтения. Тезисы докладов. Махачкала, 1975, с. 78—80; ее же.

Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе. // Плиска-Преслав, 1981, с. 51; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М., 1978, с. 72, 77; Биджиев Х. Х. Погребальные памятники Карачая, с. 108; его же. Хумаринское городище. Черкесск, 1983, с. 4, 98; его же. Исследование болгарских поселений Степного Предкавказья в 1982—1983 гг. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985, с. 5—34.

⁷⁹ Байчоров С. Я. О протоболгарских географических названиях в верховьях Кубани. // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. (Северокавказский ареал). Черкесск, 1978, с. 103—131.

⁸⁰ Байчоров С. Я. Северокавказский регион древнетюркской рунической письменности. // Этнические и историко-культурные связи тюркских народов. Алма-Ата, 1976, с. 16—17; его же. Протоболгарские эпиграфические памятники..., с. 87—129.

⁸¹ Эвлия. Путешествия, кн. II — В статье: Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря. // ЗООИД IX, 1875, с. 170. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Вып. 2, М., 1979, с. 57.

⁸² Гюльденштедт И. А. Указ. раб., с. 135; Дюбуа де Монпере. Ф. Указ. раб., с. 16, 19.

⁸³ Лавров Л. И. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. // ССМК III, Нальчик, 1954, с. 198, 203, 206.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, с. 33, 41.

⁸⁶ Шакрыл Е. С. К вопросу об этногенезе абхазо-адыгских народов. // УЗАНИИ IV, Майкоп, 1965, с. 205—221.

⁸⁷ Кокиев Г. В. Некоторые сведения из древней истории адыгов (кабардинцев). Нальчик, 1946, с. 12; Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 153—154; Крушкол Ю. С. К вопросу об этногенезе синддов. // Античное общество. М., 1967, с. 156—161.

⁸⁸ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. // МИА 23, М., 1951, с. 75—124.

⁸⁹ Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, с. 89—90; его же. Основные этапы развития культуры меото-сарматских племен Прикубанья. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954, с. 4; его же. Тахтамукайское первое городище. // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985, с. 103—105.

⁹⁰ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. I, Ставрополь, 1967, с. 122—131; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии, с. 174—186; Очерки истории Ставропольского края, т. I, с. 100—103.

⁹¹ Каминская И. В., Каминский В. Н. Исследования Первомайского городища в долине реки Большой Лабы. // XIV КЧ по археологии Северного Кавказа. (Тезисы докладов). Орджоникидзе, 1986, с. 54—55.

- ⁹⁷ Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. IV—X вв. Л., 1979, с. 199—200.
- ⁹³ Гюльденштедт И. А. Указ. раб., с. 122—124.
- ⁹⁴ Генко А. Н. Абазинский язык. М., 1955, с. 7—9; Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазо-абазинских диалектов. Тбилиси, 1954 (на груз. яз., резюме на русск. яз.), с. 339; Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. Сердюченко Г. П. Язык абазин. М., 1955, с. 8—25, 32.
- ⁹⁵ Лавров Л. И. Абазины. Историко-этнографический очерк. // КЭС I, М., 1955, с. 9; его же. Абазины. // Народы Кавказа, т. I, М., 1960, с. 232.
- ⁹⁶ Лавров Л. И. О происхождении абазин. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 73—78.
- ⁹⁷ Инал-Ипа Ш. Д. Абхазы. Историко-этнографические очерки. Сухуми, 1965, с. 370, сноски I. См. также с. 47, 52.
- ⁹⁸ Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 186—190; ее же. О происхождении и расселении абазин в средние века. // Проблемы Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980, с. 35.
- ⁹⁹ Алексеева Е. П. К вопросу о происхождении абазин по данным археологии. // ТКЧНИИ VI, серия историческая, Ставрополь, 1970, с. 299—335.
- ¹⁰⁰ Гадло А. В. Северный Кавказ в VI—X вв. Проблемы этнической истории. Автореферат докторской диссертации. М., 1984, с. 22.
- ¹⁰¹ Абазинские народные сказки. Составитель Тугов В. Б., М., 1985, с. 368, примечание 8.
- ¹⁰² Бентковский И. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. I, Ставрополь 1883, с. 2.
- ¹⁰³ Бутков П. О Ногае и всех прочих монгольских ханах Дашт-Кипчака. // Северный Архив, 1824, ч. X, № 1,2, с. 291; Люлье Л. Черкесия. Краснодар. 1927, с. 10.
- ¹⁰⁴ Малов С. Е. Заметки о каракалпакском языке. Нукус, 1966, с. 44; Яковлев Н. Ф. Языки и народы Кавказа. Тифлис, 1930, с. 9.
- ¹⁰⁵ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой орды. // Ученые записки Мордовского гос. Университета, вып. XI, Саранск, 1960, с. 3—18, 31—37, 209—214 и др.
- ¹⁰⁶ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 299.
- ¹⁰⁷ Сикалиев А. И. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы. // Советская тюркология, 1970, № 4. Вопросы этнической истории ногайцев рассматриваются в статье И. Х. Калмыкова: Из истории ногайцев Дагестана, Терека и Ставропольской губернии в XIX— начале XX вв. // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985, с. 78—111.
- ¹⁰⁸ Баскаков Н. А. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940.
- ¹⁰⁹ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 141—148; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 198—204; Очерки истории Ставропольского края, т. 1, с. 104—106.
- ¹¹⁰ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, с. 51—84 (главы написаны Б. В. Скитским); Ванеев З. Н. Средневековая Алания. Сталинири, 1959, с. 88, 93, 110, 111, 120.
- ¹¹¹ Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 197—240.
- ¹¹² Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 69—72, 9—101; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история, с. 137—151.
- ¹¹³ Так считал, например, А. Н. Дьячков-Тарасов: Дьячков-Тарасов А. Н. Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощность. // ЗСККГНИИ, т. 1, А1928, с. 137—150. См. об этом: Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Дореформенный период. Черкесск, 1960, с. 8—11.

- ¹¹¹ Студенецкая Е. Н. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае в XIX в. // СЭ, 1937. № 2—3, с. 45—72; Невская В. П. Указ раб., с. 102.
- ¹¹⁵ Лайпанов Х. О. К вопросу происхождения..., с. 78.
- ¹¹⁶ Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI—30-е годы XVII вв. М., 1963, с. 72.
- ¹¹⁷ Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. // Исторический журнал, т. 7, М., 1940, с. 9.
- ¹¹⁸ Очерки истории СССР. XIV—XV вв. М., 1955, с. 742.
- ¹¹⁹ Левашова В. П. Белореченские курганы. // Труды гос. Исторического музея, т. XXII, М., 1953, с. 212.
- ¹²⁰ Цинцадзе М. В. Социально-экономическое и культурное положение адыгцев в XVI—XVIII вв. Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1962, с. 15.
- ¹²¹ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967, с. 126.
- ¹²² Лавров Л. И. Абазины. // КЭС I, М., 1955, с. 9, 20.
- ¹²³ Очерки истории СССР. XIV—XV вв., с. 465.
- ¹²⁴ Сафаргалиев М. Г. Ногайская орда во второй половине XVI в. // Сборник научных работ Мордовского гос. педагогического института. Саранск, 1949, с. 35—42.
- ¹²⁵ Токарев С. А. Этнография народов СССР. М., 1958, с. 307.
- ¹²⁶ Кужелева Л. Н. Из истории ногайцев XVIII—начала XX вв. // Ученые записки НИИ языка и литературы дагестанского филиала АН СССР, вып. XIII, серия историческая, Махачкала, 1964, с. 210.
- ¹²⁷ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 190—212; Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история..., с. 220—267; Очерки истории Ставропольского края, т. 1, с. 110—113.
- ¹²⁸ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1557 гг. // Исторические записки, т. 34, М., 1950, с. 266 и другие; ее же. Народы..., с. 179—324; КРО, т. 1, М., 1957.
- ¹²⁹ Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1, с. 213—232.
- ¹³⁰ Кочеев Б. Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX—начале XX вв. Алма-Ата, 1973, с. 30 и др.
- ¹³¹ Алексеева Е. П. Калмыков И. Х. Невская В. П. Добровольное присоединение Черкесии к России. Черкесск. 1957, с. 1—23; Очерки истории Карачаево-Черкесии, т. 1 с. 232—241; Алексеева Е. П. Связи народов Северо-Западного Кавказа с Россией в XVI—XVII вв. и их прогрессивное значение. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI—70-е годы XX века). Грозный, 1982, с. 257—262; Очерки истории Ставропольского края, т. 1, с. 116—124.
- ¹³² Невская В. П. Присоединение Черкесии к России и его социально-экономические последствия. Черкесское книжное издательство, 1956.
- ¹³³ Невская В. П. Земельная реформа и отмена крепостного права в Черкесии. // Труды КЧНИИ, вып. III, Черкесск, 1959; ее же. Колониальная политика царизма в Черкесии и Карачае в аграрном вопросе. // Труды КЧГПИ, вып. 1, Нальчик, 1958.
- ¹³⁴ Лайпанов К. Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971; Невская В. П. На пути к Октябрю. // По Ленинским заветам. Черкесск. 1970.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР	— Академия наук СССР
АО	— Археологические открытия
АЭИА	— Археологическая экспедиция Института археологии
АЭКНИИ	— Археологическая экспедиция Кабардинского НИИ
АЭСЧИНИИ	— Археологический сборник Чечено-Ингушского НИИ
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ВЛГУ	— Вестник Ленинградского гос. университета
ВУЗ	— Высшее учебное заведение
ГАИМК	— Гос. Академия истории материальной культуры
ГАКК	— Гос. Архив Краснодарского края
ГИМ	— Гос. Исторический музей (Москва)
ЭВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей
ЗСККГНИИ	— Записки Северокавказского краевого Горского НИИ
ИА	— Институт археологии АН СССР
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИИМК	— Институт истории материальной культуры АН СССР
ИКОРГО	— Известия Кавказского отделения Русского географического общества
ИОЛИКО	— Известия общества любителей изучения Кубанской области
ИСКНЦВШ	— Известия Северокавказского научного центра высшей школы
ИСОНИИ	— Известия Северо-Осетинского НИИ
КГИАМЗ	— Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник
КНИИ	— Кабардинский НИИ
КП	— Кабардинская правда
КПИ	— Кабардинский педагогический институт
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения ИИМК АН СССР
КРО	— Кабардино-русские отношения. Сборник документов. Т. 1.— М.: Изд-во АН СССР, 1957, XVI—XVII вв.
КЧАО	— Карачаево-Черкесская автономная область
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
КЧ	— Крупновские чтения
КЧГПИ	— Карачаево-Черкесский гос. педагогический институт
КЭС	— Кавказский этнографический сборник
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение ИИМК АН СССР
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МГУ	— Московский гос. университет
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК	— Материалы по изучению Ставропольского края
НИИ	— Научно-исследовательский институт
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
РАНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	— Советская археология
СГАИМК	— Сообщения ГАИМК

СГПИ	— Ставропольский гос. педагогический институт
СКАЭ	— Северокавказская археологическая экспедиция
СКНЦВШ	— Северокавказский научный центр высшей школы
СМОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССИК	— Сборник статей по истории Кабарды
ССИКБ	— Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии
ССГК	— Сборник сведений о кавказских горцах
СССК	— Сборник сведений о Северном Кавказе
СЭ	— Советская этнография
ТКЧНИИ	— Труды Карачаево-Черкесского НИИ
ТЧНИИ	— Труды Черкесского НИИ
УЗ	— Ученые записки
УЗАНИИ	— Ученые записки Адыгейского НИИ
УЗКНИИ	— Ученые записки Кабардинского НИИ
УЗКВНИИ	— Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ
ЧИГПИ	— Чечено-Ингушский гос. педагогический институт
ЧИГУ	— Чечено-Ингушский гос. университет
ЦГАДА	— Центральный гос. Архив древних актов

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексеева Евгения Павловна** — доктор исторических наук
- Байчоров Сосланбек Якубович** — кандидат филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского и ногойского языков Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института.
- Биджиев Ханафи Хаджимуратович** — кандидат исторических наук, заведующий сектором археологии Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института
- Карданов Аладин Анатольевич** — аспирант института Археологии АН СССР
- Невская Валентина Павловна** — доктор исторических наук, профессор Ставропольского государственного педагогического института

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	
Биджиев Х. Х. Исследование средневековых поселений Карачаево-Черкесии и степного Предкавказья в 1985—1986 гг	6
Байчоров С. Я. Памятники изобразительного искусства древних бийчесьнцев	47
Алексеева Е. П. Находки славяно-русского облика X—XV вв. на Северном Кавказе	94
Карданов А. А. Из истории изучения археологических памятников адыгов XIV—XVII вв	118
Невская В. П., Алексеева Е. П. Историография истории Карачаево-Черкесии. Часть первая	138
Список сокращений	167
Краткие сведения об авторах	168

2 руб.